

Джек Уильямсон

Кометчики

УЗНИК ФОБОСА

Фобос вращался одновременно с Землей, ибо древние покорители этого спутника Марса изменили скорость его обращения соответственно своим имперским интересам. Они покрыли это мертвый камень живой зеленью, окутали искусственным воздухом и правили планетами из его дворца, словно плененными островами.

Однако их гордые космические флотилии были разбиты и забыты задолго до этих лет середины тридцатого столетия. Все человеческие острова вокруг Солнца вновь были свободны, и самый молодой наследник увядшей памяти утраченной Империи был неустанным узником в грандиозном Пурпурном Холле.

Ночь уже сменялась зловещей зарей, и длинный полумесяц Марса поднимался, словно окрашенный кровью серп, на фоне солнца. В его красноватом свечении отодвинулась стеклянная дверь, и он вышел в высокий центральный пилон, в обширный сад на крыше западного крыла.

Стройный молодой человек был одет в зеленую форму Легиона Пространства, без знаков различий и служебных украшений. С беспокойным выражением на юношеском лице он остановился, чтобы осмотреть темное небо на западе. Вслед за ним в дверь проскочил другой человек в зеленом.

— Боб Стар, где?.. А, приятель, вот ты где! — Старый солдат пространства был приземист, лыс и толст, и китель его был увешан знаками отличия долгой карьеры, но сейчас не застегнут в спешке. — Неужели ты не мог подождать секундочку старого Жиль Хабибулу?

— Прости, Жиль. — Боб Стар быстро повернулся назад, и его тонкое, опаленное солнцем лицо потеплело от улыбки, причиной которой стал запыхавшийся, взъерошенный телохранитель. — Я попытался проскользнуть сюда, чтобы лишь разок взглянуть на небо. Неужели ты должен следить за каждым моим шагом?

— Ты же знаешь, что должен, — пропыхтел толстяк. — Хал и я получили приказание твоего отца: охранять твою жизнь ежесекундно. А великий Джон Стар — офицер, который требует дисциплины.

— Великий Джон Стар! — На миг горечь обострила голос молодого человека, когда он увидел на Лице собеседника выражение безоговорочной преданности. — Я допускаю, что мой отец действительно велик. — Он рассудительно кивнул. — Я знаю, что он герой жуткой войны и владелец Фобоса, а также муж моей матери. Но почему он содержит меня под охраной, как преступника?

— Прошу тебя, парень. — Жиль Хабибула, переваливаясь с ноги на ногу, подошел к нему, обходя кустарник, из которого и состоял этот сад на удаленном от Земли камне. Кустарник был привезен с родной планеты и аккуратно посажен здесь. — Быть может, твой отец и строже, чем старый Жиль Хабибула, однако он всего лишь пытается сделать из тебя солдата. И ты знаешь, почему тебя надо охранять.

— Ради моей же безопасности. — Его плечо раздраженно поднялось. — Так сказал отец. Но я закончил Академию Легиона с достаточно высокими оценками. Я научился сражаться. Почему он не доверит мне защиту собственной жизни, как и всем прочим?

— Но ставка больше, чем твоя жизнь, дружище. — Жиль Хабибула быстро оглядел голые стены и отвел его чуть дальше от двери. — И грозит тебе больше, чем сыну Джона Стара. Для нас с Халом не секрет, что Совет выбрал тебя в качестве наследника материнского сокровища.

На загорелом лице Боба Стара отразилось понимание.

— Ты имеешь в виду АККА? — Голос его понизился в благоговении, когда он заговорил о великой тайне, известной под этим кратким символом. Самое драгоценное имущество объединенных человеческих планет, это было оружие для самого отчаянного случая, могущества столь огромного, что каждый законный хранитель его приносил клятву передать его только наследнику.

— Таковы твои будущие обязанности, дружище, — сочувственно вздохнул старик. — Самое благородное назначение, о котором может мечтать человек, — быть единственным носителем великого оружия, как твоя драгоценная мать. И охраняют тебя по приказу Совета с того дня, когда тебя выбрали. Мы с Халом горды служить тебе. Что в этом плохого?

— Однако сейчас я не храню никаких тайн, — снова запротестовал он. — Никаких, за исключением того, что мать передаст мне АККА, когда врачи скажут, что для нее это больше небезопасно — а это, я надеюсь, случится лет через двадцать, не раньше. Неужели все это время я проведу в заточении?

— Быть может, приказ действительно излишне крут, — сочувственно кивнул лысый старик, — но что в нем неприятного? Что касается Фобоса — это просто кусочек рая. Мы имеем все удобства величайшего дворца в Системе. Не говоря уже о привилегии благородного погребя, наполненного известнейшими винами. Скажи мне, что в этом смертельно плохого?

— Вообще-то ничего. — Пальцы Боба Стара нервно поднялись, чтобы прикоснуться к шраму на лбу, бледному треугольнику, которого не коснулся загар. — Я понимаю, что обладание АККА — великая честь, хотя я не хочу этого. Однако сегодня ночью я не спал и размышлял о многом.

— Твоя голова? — Жиль Хабибула заметил его пальцы у лба. — Не в ней ли дело, дружище? Что, этот старый шрам вновь причиняет тебе боль?

Боб Стар, не отдавая себе отчета, опустил руку, и лицо его стало жестким. Старая боль не возвращалась — но только потому, что не было случая. Природа и последствия старой травмы были его тайной, охраняемой столь же тщательно, как он намеревался охранять и оружие, называемое АККА. Губы его молча сжались.

— Всего лишь плохое настроение. Я знаю, как с этим бороться! — Жиль Хабибула взглянул на него с надеждой. — Блюдо с ветчиной, мясом и яйцами, со свежим черным хлебом и кофейником, чтобы все это прошло получше. А после, может быть, яблочный пирог. Ты сегодня встал смертельно рано и вытащил бедного старого солдата из постели, даже не дав ему перекусить. Вернемся к завтраку!

— Позже, Жиль. — Боб Стар говорил отсутствующе, глядя в черное небо. — Сначала я хочу кое-что увидеть.

— Что бы ты ни искал там, это не следует делать на пустой желудок. — С неожиданной тревогой старый солдат стал смотреть в мрачное небо, и лицо его выглядело сейчас очень старым. — Но в чем дело, дружище? Ты слишком юн, чтобы выглядеть таким мрачным.

— Я не мог заснуть. — Боб Стар по-прежнему глядел в небо. — Я не знаю даже, почему. Однако окна у меня были открыты, и, пока я лежал там, я увидел вдруг что-то среди звезд.

— Что, дружище? — Сопящий голос Жили Хабибулы зазвучал неожиданно внимательно. — Что ты там увидел?

— Всего лишь крошечную зеленоватую искорку, — медленно сказал Боб Стар. — В созвездии Девы, близ Виндемиатрикса. Не знаю даже, почему, но это подействовало мне на нервы. Она исчезла из виду, когда Марс стал подниматься. Я не знаю, что это было, однако хотел бы взглянуть с помощью телескопа.

Он пошел в направлении сияющего купола маленькой обсерватории, которую установил в конце сада — так, чтобы можно было наблюдать за звездами при посредстве электронных отражателей и собственного неутомимого ума, невзирая на заключение.

— Подожди, дружище. — Голос толстяка прозвучал острее. — Ты же не мог вытянуть бедного старого солдата Легиона из его жалкого сна для того, чтобы взглянуть на звезду?

— Но это не просто звезда. — Он повернулся к Жилью Хабибуле с хмурым выражением человека, которого вырвали из задумчивости. — Потому что несколько ночей назад ее там не было — я осматривал случайно тот же самый сектор неба, искал астероид, который, казалось, сбился с курса. Это не может быть новая — не с этим странным, бледно-зеленым цветом.

— Забудь об этом, парень, — настойчиво засопел старый легионер. — Любая звезда покажется коварной, если не позавтракать.

— Я не знаю, что и думать. — Боб Стар с тяжелым чувством покачал головой. — Этот объект, когда я лежу и смотрю на него, притягивает меня. Он похож на глаз, глядящий на тебя. Он заставляет меня... бояться! — Он вздрогнул — через крышу потянуло ветром. — Я не знаю, почему, однако я действительно боюсь.

— Боишься? — Жаль Хабибула обратил на светлеющее небо торопливый рыбий взгляд. — Я не вижу, чего тут бояться. Мы же не трусы, парень. Ни ты, ни я. И уж особенно, когда в нас плещутся соответствующие напитки.

— Возможно, это комета. — По-прежнему хмурясь, Боб Стар повернулся к обсерватории. — Похоже на нее — я видел короткий след слабого туманного зеленого свечения, что не бывает у звезд.

Он неуютно пожал плечами.

— Но, в таком случае, будь это комета, ее давно заметили бы большие обсерватории. Этого не случилось — я прочитал все астрономические сообщения, делать-то больше нечего! Я не могу представить, что это, однако хочу взглянуть.

— Не надо, парень! — Сопящий голос обострился, и в нем была удивительная настойчивость. — Не надо шутить с судьбой.

— В чем дело? — Он резко взглянул на лицо старика, казавшееся побледневшим. — Что с тобой?

— Я уже имел неприятности, и они мне не понравились, — печально кивнул Жиль Хабибула. — Я знаю, что последний год был мирным, с тех пор как мы с Халом вернулись с тобой с Земли. Ах, счастливое время — работы немного, брюхо полное, сна вволю. А ведь мне пришлось пережить такое, от чего у тебя кровь застыла бы в жилах.

Боб Стар удивленно взглянул на него.

— Я знавал смертельные времена, которые некоторые называют приключениями, — грустно продолжал он. — Я был с твоим отцом, с командором Каламом и Халом Самду двадцать с лишним лет назад, когда мы отправились к Убегающей Звезде, чтобы сражаться с коварными медузианами за твою дорогую мать и ее драгоценный секрет.

— Я знаю, — кивнул Боб Стар. — Вы четверо были героями, которые спасли оружие моей матери и спасли человеческие планеты. Но что тут общего с крапинкой зеленого тумана в небе?

— Только то, что с меня достаточно, — сказал старик. — Слушай, парень, слово доброго совета. Героизм доставляет чертовские неудобства. Забудь об этой чудовищной комете. Она может подождать, пока мои старые кости лягут на отдых, вместо того, чтобы в последние дни тревожить меня такими жуткими разговорами.

Он покачал головой.

— Бедный старый Жиль! Стоит ему усесться с бутылочкой вина в дрожащих пальцах, протянуть ноги у огня и приготовиться отойти к последнему жалкому сну, как появляется эта жуткая комета, чтобы разбудить его угрозой очередной звездной войны. Ах, во имя дорогой жизни...

— Звездная война! — Боб Стар схватил старика за рыхлую руку. — Значит, опасность не просто воображаемая! — Пальцы его сжались. — И ты знал о зеленой комете... Сколько времени?

Старик скривился и покачал головой.

— Нет, нет, парень, — пробормотал он поспешно. — Тут, на Фобосе, тревожиться не о чем. Просто ты смертельно рано вытащил меня из сна. Мои старые мозги еще слишком

разомлевшие и ленивые. Не следует, дружище, обращать слишком много внимания на болтовню видавшего виды ветерана Легиона.

— Что ты знаешь о комете?

— Прошу тебя, парень! Я ничего не знаю! Во имя жизни...

— Слишком поздно, Жиль. — Его пальцы сжались крепче. — Ты уже сказал слишком многое. Если не хочешь рассказать, в чем дело, и почему это скрывается от меня, я буду задавать неудобные вопросы.

— Прекрати, дружище! — застонал старик. — Не надо трясти меня, как подышающую крысу.

Затаив дух в ожидании, Боб Стар отпустил его руку.

— Слушок в Легионе. У меня нет секретов от Совета, парень. И, между прочим, твой собственный отец велел нам держать это от тебя в секрете. Ты же не позволишь, чтобы старый Жиль проронил об этом хотя бы словечко?

— Мой собственный отец! — в голосе Боба Стара опять появилась горечь. — Он думает, что я слабак и трус.

— Нет, дружище, — пробормотал Жиль Хабибула. — Он просто боится, что тебя это встревожит, а также что это повлечет за собой смертельный шок, которого для тебя будет слишком много.

— Он мне не доверяет, — прошептал Боб Стар. — Однако расскажи мне об этой комете. В чем тут дело?

— Ты обещаешь, дружище, не говорить ему?

— Обещаю, — сказал Боб Стар. — Выкладывай.

Старый солдат осторожно отвел его по траве туда, где под укрытием росли белые франшипаны. Он тревожно поглядел на высокую крышу, на могучую центральную башню Пурпурного Холла, которая ожила в солнечном свете.

— Впервые эту страшную штуку увидели десять недель назад. — Его гнусавый голос превратился в шипящий шепот. — Ее засекла большая наружная обсерватория на станции Контр-Сатурн. Она двигалась в сторону солнечной системы со скоростью, от которой астрономы просто обалдели.

Он схватил руку Боба Стара.

— Но ты помнишь, парень? Не выдавай Жилья за то, что он распустил, свой глупый язык. Твой отец — жесткий человек. Хотя мы с ним и товарищи по великому путешествию к Убегающей Звезде. Ты помнишь?

— Я держу слово, — сказал Боб Стар. — Но что тревожного в этой комете?

— Она не похожа на другие, — сказал старик. — Это не какое-нибудь хрупкое создание из гальки и ионизированного газа, и оно больше, чем любая другая комета. Астрономы не знают, что это такое. Однако оно двенадцать миллионов миль в длину, дружище, вообрази себе! Чужеродное тело, несомое среди звезд космическим течением.

Боб Стар в изумлении шагнул назад.

— Понятно, — произнес он хрипло. — А что еще?

— Астрономы рвут на себе волосы, парень. Так сказал нам твой отец. Потому что эта штука нарушила все их расчеты. Движение ее совсем неправильное. Когда притяжение солнца должно было увеличить ее скорость, она остановилась!

Затуманенные, окаймленные красным глаза старика быстро оглядели сад, темное небо и торопливо вернулись к Бобу Стару. Того просто потрясло, что Жиль Хабибула напуган.

— Что же ее остановило?

— Об этом не знает никто в Системе. — Скрипучий голос стал тише. — Сейчас она просто висит сама по себе! До нее пять миллиардов миль — далеко за Плутоном. Это не движение кометы, Боб. Так может остановиться только космический корабль — если ты можешь представить себе космический корабль двенадцати миллионов миль в длину.

— Что еще? — Боб Стар стоял в напряжении — страх в нем смешался с возбуждением. — Что случилось потом?

— Это все, что я знаю. Еще, правда, то, что Совет встревожен. Тут их винить не за что! Затем-то и отозвали твоего отца на Землю, чтобы он встретился с ними в Зеленем Холле. Они установили цензуру на любые новости о комете — словно людям не может повредить военный секрет!

— Интересно, что они задумали?

— Это совершенно секретно, но мне известны слухи, которые ходят в Легионе. — Старик подозрительно оглянулся и осмотрелся. — Я полагаю, ты слышал о «Непобедимом»?

— Новый боевой корабль?

— Величайший корабль из построенных когда-либо Системой. — В голосе Жиль Хабибулы внезапно зазвучала гордость. — Тысяча футов в длину, вооружен вихревой пушкой — великое новое оружие, с помощью которой мы выиграли войну со Стивеном Орко. Почти такая же страшная штука, как секретное оружие твоей матери.

— Я знаю, — нетерпеливо прошептал Боб Стар. — Дальше.

— Я не храню особых тайн, парень, — проскрипел старый голос. — Все, что я знаю, — это слухи в Легионе. Однако я слышал, что на «Непобедимом» находится экспедиция, которая должна выяснить, что внутри этого зеленого облака движет кометой, как кораблем.

Толстые пальцы вцепились в рукав Боба Стара.

— Ты помнишь, парень? — взмолился Жиль Хабибула. — Ты не расскажешь своему отцу?

Боб Стар стоял очень прямой в своей форме без знаков отличий, его темная голова, открытая холодному и далекому солнцу, высилась теперь под тающим полумесяцем Марса. Пальцы правой руки поглаживали, как они делали часто, треугольный шрам на лбу. Загорелое лицо было озабоченным.

— Не волнуйся, Жиль, — сказал он тихо. — Я не скажу.

И вдруг он взорвался:

— Итак, мой отец велел тебе скрывать это от меня? Он боялся, что я не перенесу шока? А почему он не прикажет тебе баюкать меня на руках?

ХРАНИТЕЛЬ МИРА

Боб Стар снова спешил к куполу обсерватории. Жиль Хабибула торопливо переваливался следом, вглядываясь в черное небо и вздрагивая при каждом шорохе ветра в черепицах, словно его рыбы глаза уже увидели некоего неприятного посетителя, спускающегося с кометы на крышу.

Возле маленького купола Боб Стар помедлил. Он стоял у края крыши, возле низкого парапета из стекла пурпурного цвета. Вдали, под ним, простирался Фобос — маленькая луна, столь крошечная и угловатая, что казалась одиноким горным пиком под дворцом, плывущим в пространстве, оторванным от своего мира. Хотя она была зеленой от посаженных лесов и сияла искусственными озерами.

Он мог припомнить те времена, когда она для него была достаточно большой и красивой, чарующая победа планетарных инженеров, — ее узкие аллеи были полны любых нужных ему приключений. Но это было в детстве, прежде чем его отправили в Академию Легиона. Сейчас она была для него лишь местом заключения.

Жиль Хабибула уселся на солнышке на скамейку. Он порылся в карманах расстегнутой формы и нашел небольшую пустую фляжку с мерной шкалой на боку. Он подержал ее против солнечного света, и глаза его хмуро взирали на единственную капельку любимого вина.

— Давай, давай, парень, — печально прошептал он. — Если тебе так уж необходимо глядеть в призрачное лицо смерти. Бедный старый Жиль подождет тебя. Он уже ни для чего не пригоден — может разве что жарить свои больные кости на солнце.

В прохладном сумраке обсерватории Боб Стар сел за телескоп. Его механизмы тихо гудели, быстро отвечая на его прикосновения. Огромная труба вращалась, обыскивая

пространство фотоэлектрическим глазом, и бледный электронный луч пробежал по вогнутому экрану.

Боб Стар склонился к экрану. Это был колодец тьмы. В нем плясали белые точки. Он знал, что самая яркая — троекратно увеличенная звезда Виндемиатрикс. Поблизости от нее он обнаружил пятно бледно-зеленого цвета, странно размытое.

Он увеличил электронное умножение. Виндемиатрикс и дальние звезды выскользнули из поля зрения. Комета висела в одиночестве и быстро росла. Форма ее была удивительной — необычно совершенный эллипсоид. Он подумал, что она похожа на зеленоватый футбольный мяч, заброшенный в Систему из ночи космоса. Но кем?

— Двенадцать миллионов миль в длину, — хрипло пробормотал он. — Это значит, что это не может быть твердой материей. При такой низкой плотности оно должно быть полым. Но что внутри?

Воспользовавшись лучевыми фильтрами и спектроскопом, поставленными на полную мощность, он попытался проникнуть под смутную зеленоватую вуаль — безуспешно. Он вскочил на ноги и выключил прибор, беспокояно щелкнув пальцами. Он вышел наружу, туда, где сидел Жиль Хабибула.

— Бесполезно, — пробормотал он. — Я обнаружил облако вокруг нее, однако вглубь заглянуть не удалось.

Он вновь вздрогнул. Ибо никогда не приходилось видеть ничего столь же сверхъестественного и столь же непонятно-ужасного. Комета угрожала проклятиями тайн темных межзвездных пространств, из которых она явилась, и сама ее огромная величина гнетуще действовала на разум. Это было нечто вне мерок и масштабов человека, как человек непостижим для микроскопических инфузорий, кишачих в водяной капле.

— Ну что ж, парень, ты посмотрел на нее. — Жиль Хабибула радостно вскочил на ноги. — Лучшие астрономы в Системе не сделали ничего большего. Давай поедим прежде, чем нас постигнет кара.

Боб Стар молча кивнул. Его разум был по-прежнему отвлечен и не реагировал ни на что. Он находился на полпути назад по крыше, когда старый солдат вдруг остановился, так неожиданно показав на запад, как будто увидел саму комету.

Повернувшись, Боб Стар увидел белую стрелу, из которой вырывалось бледно-голубое пламя. Она двигалась по дуге над ржавым полумесяцем Марса и все увеличивалась в небе. В воздухе раздался хрустящий шепот. Черепица затряслась над волной звука. Серебряное веретено промелькнуло над головой, так близко, что он смог различить черные пятна наблюдательных портов и узнать «Звезду-Фантом».

— Мой отец. — Он почувствовал, как крыша слегка дрожит при спуске корабля на огромную площадку, что венчала центральную башню. — Он знает все о комете и о том, что предпринимает Зеленый Холл.

— Твоя мать ждет в Яшмовой Комнате, — сказал Бобу Стару стражник в коридоре. — Пришло ультракоротковолновое сообщение от Джона Стара. Он идет, чтобы встретить ее там.

Яшмовая Комната была огромной, ее высокие стены были облицованы яшмово-зеленым стеклом и полированным серебром. С двух сторон огромные окна выходили на темно-зеленый и ярко-серебряный ландшафт спутника. Пол и массивная меблировка были из венерианского красного дерева и отливали рубиново-красным.

Его мать, та, что прежде была Аладори Антар, сидела в огромном кресле, которое делало ее совершенно крошечной. Когда он вошел, она подняла на него глаза, и быстрая улыбка согнала тень тревоги с ее лица. Он подумал было, насколько серьезны должны были ее мысли, но она сказала только:

— Ты рано встал, сынок.

Он задержался возле дверей, чувствуя себя болезненно-неуклюже. Она была очень красивой, и он знал, что она старается быть доброй. И все же, когда все напоминало ему о ее великой ответственности, она становилась личностью, слишком возвышенной и знаменитой,

чтобы быть его матерью. Он нервно спросил:

— Отец идет сюда?

— Он только что приземлился. — Радость сделала ее опять человеческой. Ему захотелось подбежать и обнять ее. Глаза его почему-то наполнились слезами. Он импульсивно двинулся к ней, однако услышал:

— Твой отец послал весточку с просьбой ждать его здесь, одной. Пожалуй, тебе лучше выйти, Боб, всего лишь на несколько минут.

Это остановило его. Он стоял, глядя на нее. Пальцы его свирепо скручивали полукителя. Ткань выскользнула из пальцев, и он невидяще уставился в пол.

— Что случилось, Боб? — Покинув подобное трону кресло, мать быстро направилась к нему. — Что-нибудь не так? Почему ты так странно смотришь?

Она ласково взяла его за руку.

— Ты дрожишь. Ты болен?

Он затряс головой, гневно моргая сквозь слезы.

— Я не болен, — хрипло пробормотал он. — Если бы только ты не обращалась со мной так!

— Боб! — Ее лицо стало огорченным. — Я не хотела показаться недоброй...

— Ты слишком добра! — оборвал он ее грубо. — Но я хочу, чтобы мне доверяли. Я хочу иметь возможность жить, как мне хочется, — даже если это означает возможность погибнуть. Я не могу оставаться здесь взаперти, когда в мире происходят события. — Он сдержал всхлипывание. — Если ты хочешь быть действительно доброй, отправь меня исследовать комету на «Непобедимом».

Она быстро шагнула назад, внезапно побледнев.

— Я не знаю, как ты узнал... — Мгновение она молчала, потом печально покачала головой. — Я сожалею, Боб, — сказала она. — Я не представляла, что именно ты чувствуешь. Мы с Джоном очень горды, что тебя выбрали следующим Хранителем Мира. — Она вопросительно посмотрела на него. — Разве это не обещает тебе вволю опасностей?

— Но как я могу научиться противостоять опасностям? — устало спросил он. — Если ты и отец нянчитесь со мной, как с ребенком. Сторожите как заключенного!

— Надеюсь, мы не слишком тебя ограждаем. — Пододвинувшись к нему ближе, она, казалось, выжидала. — Есть... есть кое-что, что мне следовало бы рассказать тебе, Боб.

Он напрягся, внезапно уловив серьезность в ее голосе.

— Тебе известно, Боб, что в Академии ты получил блестящие отзывы — мы с твоим отцом очень горды этим. Только один студент закончил ее с более высокой оценкой. Это был Стивен Орко.

Он сморщился при этом имени, и пальцы его инстинктивно поползли к шраму на лбу.

— Когда ты обучался, Боб, командор сказал нам, что встревожен насчет тебя. Он думал, что ты слишком перенапрягся, пытаешься обогнать Орко. Он показал нам доклад медиков. Они сходились во мнении, что ты близок к нервному срыву, и порекомендовали для тебя год полного отдыха, прежде чем ты снова будешь привлечен к какой-нибудь службе. Он предупредил, чтобы мы ничего не говорили тебе о докладе, пока тебе не будет лучше.

Она обнадеживающе улыбнулась.

— Я уверена, что сейчас с тобой все в порядке, — сказала она. — Но ты здесь именно поэтому.

Боб Стар смотрел мимо нее, на окно и близкий изломанный горизонт.

— Мне повредило не то, что я перетруился, — тихо прошептал он. — Это был Стивен Орко...

Однако мать уже не слышала его. Он повернулся и увидел, что в комнату вошел отец. Джон Стар четким шагом шел по широкому красному полу, стройный и подтянутый, и, как всегда, в зеленой форме Легиона.

Крепкий и изящный, он выглядел ненамного старше, чем его сын. Он сразу направился

к Аладори, почтил ее кратким солдатским поцелуем и вручил ей тяжелый запечатанный пакет.

— Дорогая, это приказ Зеленого Холла, Совета. — Серьезный, сосредоточенный, он повернулся к сыну. — Роберт, — сказал он, — я хочу поговорить с твоей матерью наедине.

Боб Стар стоял безмолвно. Яшмово-зеленые стены были холодны как лед. Красный пол — сама страшная пустота. Колени его были готовы вот-вот подогнуться, и удержаться ему было не за что.

— Прошу вас, сэр...

Пересохшее горло перехватило.

— Пусть он останется, Джон, — быстро сказала мать.

— Если это о комете, — хрипло пробормотал он, — то я уже видел ее.

— Да, о комете. — Джон Стар взглянул на Аладори и коротко кивнул. — Ты можешь сесть, Роберт.

Он с благодарностью рухнул в огромное кресло и вцепился в красное дерево, пытаясь унять дрожь в руках. Он увидел, что большие глаза матери медленно поднялись на Джона Стара от листа, который она вытащила из пакета. Ее лицо побелело от небывалого огорчения.

— Джон. — Ее голос был очень тих. — Это приказ уничтожить объект в Вирго с помощью АККА.

Джон Стар по-военному четко кивнул.

— Резолюция уничтожить кометарный объект была одобрена Советом восемь часов назад, — сказал он быстро. — Я доставил тебе приказ на полной скорости «Звезды-Фантома» — рекордный перелет.

Большие серые глаза на миг задержались на лице Джона Стара.

— Джон, — очень тихо сказала Аладори, — ты знаешь, о чем ты просишь меня?

— Конечно. — Джон Стар поглядел на нее раздраженно. — Я выступил перед Советом, требуя действий. Отказ был вполне возможен. Имели место сентиментальные возражения.

— Возможно, я сентиментальна, — сказала она, — однако я не хочу уничтожать объект, пока у нас есть время. Потому что это нечто совершенно чудесное, настолько чудесное, что никто из наших ученых не отважится сказать, что это такое.

Она быстро подошла к нему.

— Не можем же мы вычеркнуть его из существования, не выяснив даже, что это такое?

— Можем и должны. — Все еще стоя, Джон Стар потянулся всем телом. — Подумай об аргументах в пользу уничтожения неизвестного объекта и о существах, которые, похоже, оперируют им как кораблем. Репортеры уже подобрали для них словечко, прежде чем мы установили цензуру. Кометчики!

Их наука, скорее всего, намного опережает нашу, разве что они вряд ли обладают твоим оружием. И враждебность их настолько же несомненна, как и их могущество.

В голосе Джона Стара послышался ораторский звон, словно он цитировал свое выступление перед Советом.

— На Земле и повсюду в Системе закон выживания заставляет даже наиболее близкие и родственные жизненные формы убивать друг друга. Кометчики не могут быть нашими родственниками, поскольку они — явно успешная и эгоистичная жизненная форма, какими бы они ни выглядели.

Аладори покачала головой.

— Я не уверена в твоей логичности.

— Сентименталисты в Совете пытались поставить ее под сомнение, — ответил Джон Стар. — По счастью, кометчики уже предоставили нам самое убедительное доказательство своих враждебных намерений.

Он драматично помолчал, и Аладори тихо спросила:

— Какое именно, Джон?

— Они уже посетили большинство наших планет.

— Люди, — спросил Боб Стар, — действительно их видели?

— Не точно. — Джон Стар не отвел взгляда от жены. — Существа с кометы являются, или делают себя такими на случай визитов, невидимыми. Но они оставляют достаточно следов.

Аладори быстро спросила:

— Что они сделали?

— Они прибыли в какой-то массивной машине, силовые поля которой были достаточно для того, чтобы нарушить нашу ультракоротковолновую связь. Очевидно, первой их целью было разведать нашу оборону — невидимый корабль уже приземлялся возле некоторых из баз Легиона. На Земле двадцать четыре часа назад налетчики уничтожили четырех охранников, причем ужасным оружием. Они проникли в запертое подземелье, которое мы считали неприступным. Они скрылись с драгоценным военным секретом.

Джон Стар быстро подошел ближе к жене. Внезапно оказалось, что он уже не солдат и не оратор, а только человек, умоляюще говорящий.

— Прошу тебя, дорогая! — прошептал он. — Я знаю, что ты имеешь право наложить вето на первый приказ. И я знаю о той страшной ответственности, которую ты несешь. Думаю, я понимаю твои чувства. Но эта опасность слишком велика и вот-вот готова осуществиться. Откуда мы знаем, может быть, один из невидимых кометчиков находится сейчас рядом с нами, в этой самой комнате.

Он быстро оглядел яшмово-серебряное помещение. Боль сделала белым его длинное лицо, и на глазах засверкали слезы. Он импульсивно обнял Аладори. Боб Стар быстро отошел, изумленный: он почти забыл, что его отец — человек, а не только солдат.

— Это надо сделать, дорогая, — молил он, — ради тебя и ради меня!

Аладори хмуро раздвинула его руки.

— Что это за секрет, — спросила она, — который выкрали кометчики?

Джон Стар повернулся и взглянул на сына. Губы его были плотно сжаты. Он медленно кивнул, словно признал за Бобом право находиться здесь.

— Они узнали, — сказал он, — что человек по имени Меррин жив.

Боб Стар увидел, как новый прилив печали смыл краску с лица матери. Он заметил слабое потрясенное движение головы. Голос, когда она заговорила, казался странно спокойным:

— Это все меняет, если они знают о Меррине. Это не оставляет нам выбора. — Она напряженно кивнула. — Если они докопались до... этого, они просто должны быть уничтожены.

РЫЧАГ И СИЛА

Боб Стар стоял и смотрел на мать, хмурясь от раздиравших его вопросов. С лица ее не сходило острое сожаление о том, что ей предстояло сделать. Она быстро отвернулась от него и от отца. Она склонилась над маленьким столом полированного венерианского красного дерева, занявшись с несколькими маленькими предметами, снятыми ею с себя: часами, ручкой и механическим карандашом, металлическим украшением с платья, железным ключом.

— Мне уйти? — прошептал он.

Она поглядела на него, хмуро улынувшись.

— Можешь оставаться, — сказала она. — Придет день, и ты станешь Хранителем Мира. Хотя здесь мало что можно увидеть. — Она поглядела на безвредные, казалось бы, предметы на столике. — Ты можешь смотреть тысячу раз, однако так и не узнаешь тайны, — добавила она, — потому что управление АККА более чем наполовину психическое.

Она снова была занята. Со сноровкой, говорившей о долгой практике, она отвинтила колпачок с авторучки и, сняв два крошечных первичных диска с нижней части корпуса часов, соединила их с ней. К механическому карандашу, рабочие части которого послужили

прекрасными креплениями, она присоединила маленькое, странного вида сооружение. Платиновая цепочка украшения, видимо, служила электрическим проводником, а кнопка авторучки могла действовать как выключатель.

Боб Стар посмотрел на все это и недоверчиво прошептал:

— Эта маленькая штуковина... — это все?

— Это все, что ты видишь. — Ее прекрасные глаза вновь взглянули на него, брови нахмурились под тяжестью задачи. — Это маленькое устройство — всего лишь рычаг. Сила, которая его приводит в движение, — психическая. Принцип, по которому это действует... — Она сжала бледные губы. — Принцип — секрет.

Боб покачал головой, глядя на маленький прибор.

— Ты хочешь сказать, что уничтожила Луну, когда пришельцы из космоса построили на ней крепость, с помощью вот этого?

— С рычагом подобного рода. — Она посмотрела на Джона Стару, и он благоговейно улыбнулся ей, словно они опять пережили то страшное мгновение. — Я сделала его из механизма медузиан, обломка разрушенного Зеленого Холла и сломанной игрушки.

Боб Стар, изумленный, придвинулся ближе.

— Кажется невозможным, что ты можешь уничтожить что-либо такое огромное, как комета, с помощью этой штучки.

— Размеры не имеют значения, — ответила она тихо. — Как и расстояние. Это маленькое устройство, которое ты видишь, — всего лишь рычаг, не забывай, посредством которого сила может быть приложена к любому объекту во вселенной. — Она взглянула вверх, все еще хмурясь. — Эффект — фундаментальное, абсолютное изменение кривизны пространства, что приводит материю и энергию к невозможному абсурду.

Боб Стар мгновение молчал, не двигаясь и не дыша.

Он откинулся в кресле, изумленно вздрагивая и глядя на хмуро улыбающуюся женщину. Она не была больше его матерью, а кем-то странным и ужасным, как, наверное, сами кометчики. Лицо ее светилось тихой бесстрастной сосредоточенностью.

— Мама... мама, — прошептал он хрипло, — ты словно... словно богиня.

Казалось странным, что она услышала его, будучи совершенно отвлечена. Однако она повернулась к нему и сказала:

— Быть богиней, Боб, — это одиночество.

Она отвела глаза. Несколько секунд она работала молча, устанавливая устройство. Но неожиданно она опять оторвалась от него, чтобы взглянуть на сына.

— Боб, есть еще одна вещь, которую ты должен знать, поскольку ты избран следующим Хранителем. Причина того, что Хранитель должен быть только один, — причина и того, что тайна должна быть тайной и для тебя, до тех пор, пока врачи не решат, что я больше для этой цели не годюсь.

Он кивнул, затаив дыхание и ожидая.

— Пользуясь тем же термином, скажу, что здесь только один принцип.

— Что? — У него перехватило дыхание. — Я не понимаю.

— Принцип только один. Это не буквальное утверждение, однако точка опоры только одна, и это все, что я могу тебе сейчас сказать. Ты должен понять лишь одно: если два человека знают тайну и пытаются одновременно применить свои рычаги, ни у одного из них не получится. Если бы мы с тобой независимо друг от друга попытались это сделать, то ни у тебя, ни у меня не было бы успеха.

— Я понял. — Побуждаемый, внезапным позывом, он быстро двинулся к ней.

— Что с тобой? — резко спросила она. — Ты мне скажешь потом.

— Тебе плохо, мама?

— Ничего болезненного. — Серые глаза снова поднялись, блестя сосредоточенностью, которой он не мог понять. — Ты поймешь, что знаниями нельзя разбрасываться там, где это может быть небезопасно.

— Ты хочешь сказать... — Он знал, что она имела в виду, но неожиданно не смог

сказать этих слов. — Ты боишься?

Она медленно покачала головой. К его изумлению, она улыбнулась.

— И не думала, — тихо прошептала она. — И ты не будешь, после того, как побудешь с мое Хранителем Мира. Я думаю, что сегодня обязанности Хранителя Мира могут показаться тебе страшным наказанием. Однако наступит время, когда ты увидишь, что есть самое почетное, и великое вознаграждение за нашу особую службу.

— Я... я этого не увижу. — Ожидаящие его обязанности вокруг показались ему огромными и страшными, и он вновь почувствовал себя ничтожеством. — Но... я прошу прощения, мама. — Он протянул руку, чтобы коснуться ее руки. — Я прошу прощения, что был вспыльчив и вынудил тебя оставить меня здесь.

Она взяла его за руку и сочувственно пожала ее, и затем опять быстро отошла к похожему на игрушку устройству на столике, которое было рычагом для превращения целых планет в ничто. Когда он увидел выражение на ее лице — тихую властность, почти святость и согласие принять в качестве награды саму смерть, собственные его волнения показались ему детскими. Она закончила работу и, выпрямившись, взглянула в лицо Джону Стару.

— Готово, — сказала она.

— Так используй его.

Она взяла маленькое устройство и понесла его к огромному западному окну. Последовав за ней, Боб Стар трясся от страха. Он облизал губы и хрипло прошептал:

— А можно его применять внутри здания? И найти комету без телескопа?

— Я могу. — Она хмуро оглянулась. — Рычагом управляет психическая сила. Опасность не грозит никому, только объекту, против которого она направлена. А от телескопа мало толку, потому что свет слишком медлительный, чтобы показать правильное местонахождение цели. То, что я называю точкой опоры, находится за пределами пространства и времени.

Она повернулась, чтобы поднять маленькое устройство. Красивые руки были белыми от напряжения и, тем не менее, уверенными. Казалось, она вглядывалась в отверстия в двух крошечных металлических дисках, хотя комета сейчас, днем, была невидима для глаз Боба Стара. Палец ее уже двигался, чтобы коснуться выключателя, когда Джон Стар подскочил и схватил ее за руку.

— Подожди! — прохрипел он.

За их спинами Боб Стар увидел в небе бледное пятно голубого пламени. Он услышал шепот и громоподобный рев дюз. Воздух ожил дрожащим звуком, и он заметил гору белого металла, сверкающую за окном. Затем красный пол вздрогнул, и дюзы неожиданно затихли.

— Это «Непобедимый»! — В наступившей тишине голос Джона Стара показался неожиданно слабым и далеким. — Должно быть, командир Калам последовал за мной, и я не могу представить, зачем. — Он медленно повернулся от окна к Аладори. — Думаю, нужно подождать, пока мы узнаем.

Боб Стар подбежал к ним. За окном, в тысяче футов внизу и на расстоянии мили от них, находился огромный корабль — слишком большой для посадки на башню. Он вынужден был опуститься в лесу — деревья вокруг него были вырваны с корнями и горели, подожженные огнем из дюз. Даже с этой высоты он казался в буквальном смысле непобедимым, и его блеск вызывал у зрителей гордость за Легион и человечество. Это была самая величественная машина, сделанная когда-либо людьми. Геодиновый двигатель позволял ему достигать звезд. Новые рефлекторы делали несокрушимым его корпус. Могущественное оружие — атомная вихревая пушка — могло распылять целые планеты.

Из корпуса у него на глазах вылетел реактивный самолет и быстро достиг площадки на башне. Глаза его матери, светясь надеждой, следили за ним.

— Должно быть, это Джей, — прошептала она. — Мы должны подождать.

Она опустила устройство, которое перед этим нацеливала на комету, и Боб Стар отвернулся от могучего «Непобедимого», чтобы взглянуть на прибор еще раз.

— Оно такое маленькое, — запротестовал он. — И собрано из таких привычных вещей!

Оно выглядит совершенно незначительным рядом с «Непобедимым». Будто ничего на самом деле уничтожить не может.

— Это только рычаг. — Она подняла его на маленькой ладошке. Должно быть, она увидела благоговейное удивление в его глазах, потому что тихо добавила: — Я ношу его разобранным, а детали замаскированными — на всякий случай. Но, даже если собранный аппарат попадет во враждебные руки, опасности не будет. Не манипулирование устройством причиняет эффект, а знание — знание точки опоры и силы.

Боб Стар повернулся, быстро отдав честь, когда в комнату вошел Джей Калам. Как ни странно, командир Легиона, которым он был вот уж почти двадцать лет, выглядел еще менее по-солдатски, чем Джон Стар. Он был строен, смугл и высок, без единого признака военной жесткости в выправке. Зеленая с золотым форма была достаточно поношенной, однако никому бы не удалось обнаружить в ней признаки, позволяющие усомниться в джентльменстве и вышколенности владельца.

— Джон! — заговорил он от двери быстро и настойчиво. — Аладори! Вы уже уничтожили объект в Вирго?

— Еще нет, — прошептала она. — Еще бы секунду, но мы увидели твои дюзы...

— Тогда не надо. — Тонкое лицо его расслабилось, и он облегченно вздохнул. Он направился к ним, уже чуть-чуть улыбаясь. — Я боюсь, что прибуду сюда слишком поздно. Совет изменил приказ.

— Что? — В голосе Джона Стара был звон битого стекла. — Почему?

Высокий мужчина вытащил из кармана кителя второй пухлый конверт и с серьезным видом вручил его Аладори. Она торопливо открыла его, и ее серые глаза вновь улыбнулись, когда она прочла документ.

— Я рада, что ты здесь, Джей, — прошептала она тихо. — Ты спас меня от убийства... чего-то чудесного.

— Что случилось? — Губы Джона Стара были жесткими, узкое лицо бледно и решительно. — Почему изменен приказ?

Мрачноватый командир Легиона спокойно повернулся к нему.

— Джон, — сказал он, — ты знаешь, что Совет разделился при обсуждении предложения об уничтожении кометарного объекта. Сам я был против, потому что это уничтожило бы что-то большее, нежели комета. После твоего отбытия я получил разрешение выступить перед Советом, прося о более сдержанной политике...

— Но... Джей! — Голос Джона Стара прозвучал резко. — Мы уже знаем, что кометчики враждебны. Мы знаем, что они пронюхали о Меррине. Каждое мгновение существования кометы увеличивает угрозу. Она должна быть уничтожена!

Высокий командор покачал головой.

— Мне известны твои аргументы, — Джон, — сказал он медленно. — И мы все признаем, что ситуация крайне серьезная. Мы должны принять надлежащие меры для безопасности Системы. Однако мы еще не удовлетворены и не должны аннигилировать объект, не разобравшись даже, что он из себя представляет. Пока является фактом только то, что кометчики разведывают наши военные сооружения, и весьма возможно, что они пытаются защитить себя от поспешного использования такого оружия, как у Аладори. Из того, что мы знаем, их цель в приближении к Системе может оказаться совершенно мирной.

— Джей, ты пацифист в душе. — Сдерживаемый гнев потрескивал в голосе Джона Стара. — Тебе нечего делать в Легионе!

— Я не хочу нести вину за гибель неизвестного мира, — тихо ответил Джей Калам. — Не хочу уничтожить его в припадке паники. Мое дело в Легионе — защита цивилизации, а что она без справедливости и милосердия? Если мы бессмысленно уничтожим комету, я буду чувствовать, что сами мы заслуживаем такую же судьбу.

Как бы там ни было, Джон, я смог убедить нескольких членов Совета, что им не следует особенно увлекаться твоими военными речами. Первым побуждением было отозвать тебя ультракоротковолновым сообщением, но я указал на возможность того, что кометчики

способны перехватить и расшифровать приказ. Здесь я видел реальную опасность, потому что я был способен почувствовать вес твоих аргументов, Джон, хотя сам я предпочитаю сдержанность. Ты опередил меня всего лишь на два часа, и я решил, что смогу обогнать тебя на «Непобедимом». Кажется, мы чуть не опоздали.

— Ты еще пожалеешь, что не опоздал. — Лицо Джона Стара было бледным и напряженным, а голос звучал хрипло, резко и страшно. — И Система пожалеет. — Он холодно кивнул на документ, принесенный Джейм Каламом. — Эта бумага — смертный приговор человечеству.

В Яшмовой Комнате повисла зловещая тишина. Наконец. Аладори молча повернулась к столу красного дерева и стала разбирать свое безвредное на вид оружие.

— Я надеюсь, ты ошибаешься, Джон, — сказал Джей Калам.

— Я не ошибаюсь, — бесцветно ответил Джон Стар. — Я не испытываю желания быть жестоким без нужды. Однако мой долг — беречь Хранителя Мира. И я не могу позволять ошибочным эмоциям становиться на моем пути. Я знаю точно, Джей: спасая комету, ты убиваешь Систему.

ЧЕЛОВЕК ПО ИМЕНИ МЕРРИН

На какое-то время в Яшмовой Комнате воцарилась жуткая напряженная неподвижность. Джон Стар стоял недвижимо и одиноко на огромном красном полу, и бледное лицо его казалось маской смерти. Что-то заставило остальных отойти от него.

Боб Стар услышал, как у отца внезапно перехватило дыхание, и увидел в его глазах влажное мерцание — Стражник Хранителя внезапно превратился в мужчину, защищающего свою жену. Он подошел к Аладори, обнял ее рукой за талию и повернулся, печально взглянув на командира Легиона.

— Ну что ж, Джей. — Голос его был сух и тверд. — Если мы не можем разрушить комету, то что же мы намерены делать?

— Зеленый Холл распорядился предоставить это дело мне, — сказал Джей Калам. — Я тщательно обдумал ситуацию, пока мы летели с Земли. Я разработал план, который мне кажется безопасным.

— Да? — Джон Стар стоял в мрачном ожидании.

— Мы должны делать три дела, — сказал разборчиво долговязый командор. — Мы должны защищать Хранителя. Мы должны охранять заключенного, известного под именем Меррин. И мы должны узнать как можно быстрее, представляет ли существование кометы действительную опасность для Системы.

Первая задача — это твои обязанности, Джон.

Джон Стар молча кивнул, крепче обняв Аладори.

— Но я сомневаюсь, что здесь, в Пурпурном Холле, она будет отныне в безопасности, — добавил Джей Калам. — Фобос хорошо защищен, однако так же обстояло и с подземельем в Зеленом Холле, на которое напали кометчики. При своей невидимости они вполне могут высадиться и незамеченными пройти в здание. Останки людей, охранявших подземелье, говорят о том, что они имеют незнакомое и страшное оружие.

— Мне это хорошо известно.

— В таком случае я предлагаю тебе увезти отсюда Аладори на «Звезде-Фантоме», и немедленно. И не желаю знать, куда. Можешь выбрать место по своему усмотрению. Держи это в секрете. Можешь послать какому-нибудь члену Совета необходимую информацию о том, как выходить с тобой на связь, если будет необходимость использовать АККА, — пусть это будет простой набор кодовых сигналов в ультракоротковолновом диапазоне, лишь бы этого хватило.

— Да, сэр. — Джон Стар четко отдал честь.

— Охрана человека по имени Меррин, — продолжал отчетливо Джей Калам, — вполне может быть поручена Легиону, за одним исключением. Я намерен обратиться к твоему сыну,

чтобы он пополнил стражу.

Он повернулся к Бобу Стару, внимательно взглянув на него.

— Ты готов, Боб, принять на себя очень важное и ответственное поручение, в интересах Легиона и Системы?

— Да... да, сэр! — Боб Стар попытался ответить твердо, однако не смог сдержать в голосе радостной нотки. Он вздрогнул от огорчения, когда его отец быстро возвратил.

— Роберт еще не готов к несению службы, — сказал Джон Стар. — Я планирую забрать его с нами на «Звезде-Фантоме».

— Нет! — задохнулся Боб Стар. — Прошу... я хочу что-нибудь сделать.

Джон Стар лишь пожал плечами на это, но Аладори схватила его за руку.

— Мы говорили с Бобом, Джон, — быстро сказала она. — Он чувствует, что мы слишком его бережем, и мне кажется, что он прав. Я думаю, что ему действительно нужен шанс показать себя.

— Спасибо, мама! — прошептал Боб Стар и повернулся к хмурому командору. — Прошу вас... я хочу попытаться... сделать все, что могу.

— От тебя и потребуется все, что ты можешь. — И Джей Калам повернулся к Джону Стару. — Джон, — сказал он тихо. — Для этой службы я должен призвать твоего сына. Никто больше не подойдет. Помнишь приговор по делу Юпитерианского Мятежа? Тогда было дано определенное обещание. И я намерен хранить честь Легиона даже в такие времена, как сейчас.

Джон Стар медленно повернулся к сыну. Тяжело посмотрел на него. Боб Стар заметил на его лице вопросительное выражение, но, наконец, он кивнул, не спросив.

Он резко повернулся к Джею Каламу.

— Да, я полагаю, мы должны держать слово. — Голос его был холодным и хриплым. — Можешь отдать Роберту необходимые распоряжения.

Боб Стар почувствовал боль в горле. Он хотел поблагодарить отца, однако хмурое выражение лица Джона Стар отбило у него охоту говорить. Он импульсивно поднял руку в воинском салюте, и Джон Стар четко отдал честь в ответ.

— Что касается третьей проблемы, то я намерен сам посетить объект в Вирго на «Непобедимом». Мы будем поддерживать контакт с Зеленым Холлом, пока будет возможно, на ультракоротковолновом луче. Я намерен открыть подлинную природу объекта и цели его загадочного движения. Я надеюсь выяснить, что на самом деле он настолько опасен, как тебе кажется.

Джон Стар быстро пошел вперед и пожал руку командора. Казалось, он сглотнул и тут же сказал:

— Джей!

— Я весьма надеюсь увидеть тебя опять, Джон, — буднично сказал Джей Калам. — Если, однако, мы не возвратимся, то, по-моему, будет разумно уничтожить объект. Я предполагаю затратить пять дней на путь туда и пять дней на возвращение. Дай нам еще два дня. Если мы не возвратимся через двенадцать дней, Джон, можешь считать нас пропавшими и забыть мои возражения против уничтожения объекта.

Он помолчал, повернувшись к Бобу Стару.

— Боб, ты полетишь с нами на «Непобедимом» к месту заключения человека, известного под именем Меррин. В пути у тебя будет время выяснить подробности и великую важность этого задания. Мы убываем немедленно, можешь попрощаться.

Затаив дыхание, Боб Стар повернулся к матери.

Отец отвел командора в сторону.

— Джей, я уже решил, где будет наше новое убежище. Мы покинем Фобос через два часа. Что касается связи...

Из осторожности Джон Стар стал говорить тише.

Женщина, которая была Хранителем Мира, быстро направилась к сыну. При виде этой высокой красавицы сердце его охватила горечь, а нежная мягкость голоса вернула ему все

горько-сладкие воспоминания детства. Она взяла обе его руки и притянула его к себе с порывистой дрожью. Она любовно оглядела его с головы до ног, и он увидел, как на ее глазах появились слезы.

— Боб, — вздохнула она, — поцелуй свою мать. Ты не целовал меня, Боб, с того дня, когда отправлялся в Академию, — вот уже девять лет. И мне кажется... — Чистый голос задрожал. — Я боюсь, Боб, что мы уже никогда не окажемся вместе.

Он поцеловал ее. Внезапно жестокое напряжение отпустило его грудь. Ее слезы тревоги и одиночества смешались с его слезами.

— Моя прекрасная, прекрасная мать! — прошептал он. Затем он отодвинулся и с тяжелым чувством посмотрел на нее. — Но ты же не хотела уничтожить комету, — сказал он быстро. — Мне кажется, что ты не боишься даже умереть.

— Что? — Она пожала плечами. — Однако я хотела... я почти хотела, чтобы командор Калам приземлился на полминуты позже. Потому что я все же боюсь, что прав твой отец.

— Почему?

Она мгновение стояла молча с выражением ледяного страха на лице.

— Джей расскажет тебе о человеке, которого мы зовем Меррин, — сказала она быстро. — Я видела его только один раз. Уже после того, как он стал пленником Легиона. Он был заперт и под хорошей охраной. И все же, почему-то он был ужасен.

Она стояла, глядя на яшмово-серебряную стену; глаза ее были неподвижны и мрачны, словно разум ее видел что-то более тревожное.

— Это был гигант, Боб. — В голосе ее была дрожь ужаса. — В нем было что-то величественное, и жуткая сила. Он был беспомощным узником, и, тем не менее, его лицо светилось непокоренной силой. Он был похож... на какое-то сверхчеловеческое существо.

Она схватила Боба за руку. Ее сильная рука дрожала.

— Он выглядел сверхчеловеком — бессмертным, почти непобедимым и совершенно презирающим человечество. Разум его был столь же мощным, как и могущественное тело — однако чувства были не совсем человеческими. Ты бы мог им восхищаться. Но и бояться его. Я не знаю даже, почему, потому что он не может уже больше причинить вреда.

Он не говорил со мной, Боб. Он просто повернулся на миг, чтобы взглянуть на меня, когда его вели к камере. Он делал очень маленькие шаги, потому что ноги его были в железных кандалах. Голубые глаза горели и были холодны как лед. Они были непокорны и совершенно безрассудны.

Он засмеялся на ходу, увидев меня. В нем не было надломленности и никогда не будет. Ты должен хорошо стеречь его, Боб. Потому что вместе с ним ты будешь охранять жизнь и счастье всех честных людей.

Измученный и испуганный, он прошептал:

— Я буду.

— Пошли, Боб, — сказал Джей Калам. — Пора идти.

Он обнял мать.

— Я люблю тебя, Боб, — вздохнула она. — И я очень боюсь! — Ее легкое крепкое тело дрожало. — Будь осторожен, сынок. Не дай вырваться человеку по имени Меррин.

— До свидания, Роберт, — отец пожал мне руку и сказал с неожиданным трепетом чувства в голосе, — что бы ни случилось, ты не должен забывать, что ты теперь офицер и находишься на службе в Легионе Пространства.

— Да, сэр. — Боба Стара снова удивил невысказанный вопрос в глазах отца, и он не смог ответить на него. — Я не забуду.

Он вышел из Яшмовой Комнаты вместе с командором Каламом и внезапно остановился, увидев Жилия Хабибулу, сидевшего в полусне в кресле в широком коридоре.

— А мои телохранители? — быстро спросил он. — Они полетят?

Темное лицо командора потеплело, согретое старыми воспоминаниями.

— Жиль и Хал? — Он быстро кивнул. — Это хорошие люди. Мы, как тебе известно, когда-то служили вместе. Бери их на борт.

На «Непобедимом» позади штурманской каюты была задраенная дверь, которая вела в длинный салон, присутствие которого на боевом корабле удивило Боба Стара. Золотистый свет из скрытых источников падал на роскошный мех тяжелых шкур. Цвета бледной слоновой кости стены были увешаны дорогими гобеленами с Титана. Массивная мебель, черная с серебром, была роскошно-проста. Длинные книжные стеллажи и оптифон с высокими ячейками для музыкальных записей и драм нескольких планет выдавали эстетические наклонности хозяина комнаты.

«Непобедимый» плыл прочь от Солнца, прочь от желто-красного Марса и зеленоватой крапинки Фобоса. Гудящие геодины — электромагнитные геодезические дефлекторы на языке инженеров — действовали над переносом каждого атома корабля, груза и экипажа из координат привычного четырехмерного пространства, так что корабль двигался, огибая пространство-время, а не напрямик.

В этом скрытом салоне, однако, даже вибрирующий стон геодинов не был слышен, словно они находились в ином пространстве. Ничто не рождало даже малейшего чувства огромной скорости и ускорения корабля. Резкость охлажденного искусственного воздуха напоминала весну в лесах далекой Земли.

— Садись, Боб. — Джей Калам кивнул на огромное кресло, но Боб Стар чувствовал себя слишком напряженным и взволнованным, чтобы сесть. — Я хочу рассказать тебе об узнике, которого мы зовем Меррин, и о несчастливых обстоятельствах, которые заставили нас возложить на тебя эти обязанности.

— Этот человек... — Боб Стар пытался выглядеть спокойно, однако сухой голос дрожал и выдавал его. — Этот человек, которого вы зовете Меррин... Это не... Это не Стивен Орко?

На длинном лице командира появилась тень встревоженного изумления.

— Это первейший секрет Легиона! — Тихий голос звучал напряженно, а темные глаза пристально вглядывались. — Тайна, которую ты не имел права знать до сегодняшнего дня. Как ты узнал?

— В Яшмовой Комнате, когда мать описала мне заключенного, — сказал Боб Стар. — Я знал Стивена Орко и знал, что похожего на него быть не может. Но я думал... — Голос его сел, и пальцы бессознательно приблизились к бледному треугольному шраму на лбу. — Я думал, что он мертв.

— Я рад, что ты узнал именно так. — Похоже, командор успокоился. — Потому что Стивен Орко мертв и похоронен для всех, кроме нескольких доверенных. — Лицо его вновь помрачнело. — Когда ты с ним познакомился?

— Девять лет назад. — Голос Боба Стара звучал хрипло. — На Земле, в Академии. Он был в секции выпускников во время моего первого семестра. Красивый, блестящий. Поначалу он мне понравился. Однако потом...

Он вдруг замолчал. Лицо его было бледным и твердым.

— Что случилось, Боб? — В голосе удивленного Джей Калама послышалось сочувствие. — Вы поссорились?

— Это было наше дело. — Боб Стар холодно кивнул. — Несколько лет я мечтал найти его после окончания учебы и уладить эту проблему. Но потом, в Юпитерианском Мятеже, он показал Легиону, кто он на самом деле. И мне кажется, что он заслужил смерть за измену. — Он пристально посмотрел на высокого командора. — Каков был приговор?

— Ты можешь прочесть его в деле, — тихо сказал командор. — Однако сначала ты должен рассказать мне о себе и о Стивене Орко.

— Я не могу. — Боба Стара охватила паника. — Я никому не говорил, даже родителям.

— Я должен знать, — тихо настаивал Джей Калам. — Потому что твое назначение может оказаться последствием этого инцидента — что бы это ни было.

Боб Стар мгновение глядел на Джей Калама. В лице его была давняя горечь. Он кивнул.

— Вам известно о традициях дедовщины в Академии?

— Офицеры всегда относились к этому терпимо, — сказал Джей Калам. — Считается,

что это неплохо для дисциплины.

— Может быть, в обычных случаях. — Боб Стар беспокойно пожал плечами, словно пытаясь стряхнуть старую горечь. — В общем, вы знаете правило, что каждый кадет должен выполнять по одному приказанию от каждого парня из выпускной секции?

Командор спокойно кивнул.

— Я не думаю, чтобы в обычных случаях это было плохо, — продолжал Боб Стар. — Выпускники обучаются быть офицерами, а новички обучаются дисциплине. Команды обычно безвредны, и я полагаю, что обычай так же способствует товариществу, как и дисциплине.

В его голосе задрожало жестокое чувство.

— Но Стивен Орко не был обычным студентом. Великан. Он выглядел чертовски привлекательно — огромный такой атлет. Волосы у него были рыжие как пламя. Глаза особые — яркие, холодные, голубые, и всегда светились злобой. Инструкторы обычно говорили, что он самый выдающийся кадет в Академии.

Прищуренные глаза Боба Стара смотрели мимо Джея Калама на темные участки бесценных гобеленов с Титана. Боль старой раны заставила его забыть благоговение перед высоким командором. Слова вылетали быстро, твердые как ледяные осколки.

— Настоящих друзей, по-моему, у Стивена Орко не было. Все парни в душе боялись его. Хотя он был довольно популярен. Эта замечательная сила и злобное коварство причиняли неудобство его врагам. Более того, он даже как-то очаровывал своей злобой.

Он был прирожденным лидером. Безрассудная смелость дополнялась в нем необычными способностями. И он имел честолюбие, чтобы развивать способности. Он пытался преуспеть во всем, и обычно с успехом. Мне казалось, что он относился с ревливой нетерпимостью к любому сопернику. Он никого не любил. Он был совершенно эгоистичен в дружбе.

Меня он возненавидел с первого дня.

Командор был слегка удивлен.

— Ты знаешь, почему?

— Полагаю, ревность, — сказал Боб Стар. — Он знал, что я наследник Джона Стара. Он предположил, что я выбран для того, чтобы занять материнское место Хранителя Мира. — Он покачал головой. — Другой причины быть не может.

— Он тебя третировал?

— С первого дня. — Нервные пальцы Боба Стара ощупывали шрам. — Он вредил мне везде, где мог. Он стремился не дать мне выигрывать награды — наверное, хотел помешать получить нужную Хранителю квалификацию. Он до печенок достал меня своими жестокими практическими шутками. До самого выпуска он портил мне кровь.

Он грустно помолчал, кусая дрожащую губу.

— Я пытался забыть, что он со мной сделал, — прошептал он. — Однако была одна вещь...

— Да, — подтолкнул его командор, — что именно?

— Это случилось однажды ночью, как раз перед окончанием семестра, — начал он внезапно, на одном дыхании. — Я гулял по лагерю один — я вымотался после первых экзаменов по геодезической навигации и был расстроен, потому что кто-то залил чернилами мой конспект и законченную курсовую работу на столе — я полагаю, что за это ответственен Стивен Орко, хотя я так и не смог выяснить это определенно.

В общем, я встретил его в темноте вместе с троицей его дружков. Или, пожалуй, мне не следует называть их дружками — они держались его из страха, а не из уважения. Они остановили меня. Стивен Орко спросил, готов ли я выполнить его традиционный приказ. Я ответил: нет. Он повернулся к остальным. Я услышал, как остальные захихикали, затем он подошел ко мне и отдал свой приказ.

Боб Стар замолчал, побледнев.

— Что это был за приказ?

— Он приказал повторить вслед за ним одно утверждение. Грязное. Он хотел, чтобы я сказал, что я не сын Джона Стара. Он хотел, чтобы я сказал, что неизвестный родственник моего отца, Эрик Претендент, был любовником моей матери и я сын этого предателя. Он хотел, чтобы я сказал, что я слабак и трус, неспособный быть Хранителем. Он хотел, чтобы я поклялся честью будущего офицера Легиона, что эта чудовищная ложь — правда. Конечно, я не стал этого делать. — Тихий голос Боба Стара стал крепнуть и хрипнуть от вернувшейся боли. — Один из его друзей возразил, что традиция не дает ему права заходить так далеко, но одного взгляда Орко было достаточно, чтобы он замолчал.

Мы были поблизости от академического музея. Он был закрыт и темен. Однако один из них проводил исследования хранившегося там старого оружия и имел ключ. Орко велел ему открыть заднюю дверь, и меня втащили в здание.

Они затолкали меня в маленькую подвальную комнату, где им не могли помешать, потому что у меня все же были друзья, несмотря на Орко. Со мной делали разные вещи, но я не говорил. Страшная гордыня Стивена Орко холодно горела в его глазах. Я думаю, это мое упорство его злило, если вы можете это представить.

Он перепробовал все обычные пытки и стал придумывать новые. Он был смышлен и питал пристрастие к такой работе. Даже после того, как трое его приятелей были напуганы, он не согласился отпустить меня.

Наконец, он послал одного из них взломать витрину и принести ржавый инструмент пыток, имевший происхождение из времен догнивания Империи, когда демократы, Зеленые, вот-вот уже должны были свергнуть разложившихся Пурпурных. Устройство было создано для того, чтобы ломать политических заключенных. Оно называлось Железный Исповедник.

— Вот как? — Командор вдруг пристально посмотрел на бледный шрам темными встревоженными глазами. — Мне кажется, что я вспомнил эту витрину. Там вроде бы есть какой-то шлем?

— Широкое железное кольцо, которое одевается на голову, — придушенно сказал Боб Стар.

— И нечто вроде трехгранного лезвия, которое вдавливается через отверстие в обруче, когда подтягиваются винты, в скальп или в череп жертвы.

Мне кажется, Стивен Орко тем самым выказывал свою зависть. Он не мог простить, что я вышел из старой императорской семьи. Будь он сыном Джона Стара или Претендента, я думаю, он затеял бы попытку восстановить Империю. Как бы там ни было, он назвал это орудие пытки пурпурной короной, и я видел, с какой свирепой яростью он надевал ее на меня.

Джей Калам по-прежнему смотрел на шрам.

— Он посмел... сделать это?

— Он велел своим приятелям держать меня, — сказал Боб Стар. — Он надел обруч мне на голову и затягивал винты, пока я не почувствовал, как по лицу бежит кровь. Он продолжал приказывать мне повторить эту мерзкую ложь. Я по-прежнему молчал, и молчание мое бесило его.

Железный Исповедник — не просто обруч и лезвие. Там есть еще одна часть, которая была сломана перед тем, как орудие принесли в музей. Орко ремонтировал ее, пока его дружки удерживали меня с лезвием в черепе. Я не знаю точно, что это было или как это действовало — в то время я не мог уделить много внимания механическим деталям. Однако Орко сказал, что там применялась сверхзвуковая вибрация, регулируемая для стимуляции болевых центров мозга. Оно выглядело как радиоусилитель. От него к трехгранному лезвию шел кабель. Действие его сводилось к тому, что голос превращался в ощущение непереносимой боли.

Стивен Орко стоял передо мной, держа устройство. В комнате было темно, но я видел его лицо в сиянии металлических трубок устройства. Волосы горели, словно огонь, голубые глаза были триумфальными, насмешливыми и ужасными. Он заговорил в маленький микрофон, и тот превращал его голос в огромные волны красной муки, бьющие в мозг.

Это было невыносимо. Но я совершенно измучился, пытаюсь вырваться. Остальные были люди рослыми, тренированными атлетами. Я же был двенадцати лет, ослаб от потери крови, почти терял сознание от боли. Я ничего не мог сделать.

Орко все говорил, постепенно вращая тумблеры гнусного устройства, увеличивая интенсивность боли. Железный Исповедник был изобретен в моей собственной семье, говорил он, чтобы заставлять отрекаться врагов. Он гарантировал, по его словам, что кто угодно отречется от чего угодно. Он сказал, что устройство основано на тайных принципах политического обращения, поначалу открытых партией под названием Красные более тысячи лет назад. Усиленные ультразвуковые вибрации от лезвия могли уничтожить синапсы моего мозга, говорил он, сломать волю и подтвердить правдивость того, что он мне говорил.

И я тогда очень боялся, что закричу. Однако внезапно даже с этим криком в черепе и его голосом, горящим, как пламя, в моем мозгу, я почувствовал себя достаточно сильным. Я почувствовал, что ему меня ни за что не одолеть. Я взглянул на него и сказал, что пусть он делает любые мерзости, и пообещал убить его, как только смогу.

Кажется, это лишь разожгло его ярость. Он опять усилил боль от вибрации и сказал, что будет увеличивать ее до тех пор, пока я не стану бояться вообще кого-нибудь убивать. Затем он повторил эту мерзкую ложь и все повторял приказ, чтобы я поклялся, что это правда.

— Скажи, щенок! — орал он на меня, и голос его, дрожащий от ярости, превращался в чистую боль, идущую от лезвия в мой мозг. Затем он подкручивал усилитель. — Скажи, щенок!

Я не сказал ничего, во всяком случае, до тех пор, пока был в сознании. Но я не уверен в том, что произошло в конце. Это было как в кошмаре. Темная комната, и его лицо — гордое, яростное и угрожающее в слабом сиянии света, и голос, красной мукой стучавший в мозг.

— Скажи, щенок!

— Я знаю, что, в конце концов, устройство ослабило мою волю. И я, должно быть, все-таки сдался. Боюсь, что так и было. — Боб Стар мгновение стоял, дрожа, стиснув небольшие кулаки. — Я не знаю, что произошло, — сказал он хрипло. — Однако сомневаюсь, что Стивен Орко отступился прежде, чем я заговорил.

Следующее, что я помню, — постель в изоляторе, повязку на голове и сестру, делающую мне укол обезболивающего. Она сказала, что Стивен Орко и его друзья принесли меня сюда на заре. Они сообщили, что нашли меня бредущим по берегу, под утесом, с разбитой головой.

Я всем сказал, что упал в темноте и случайно получил травму.

— Почему ты это сделал? — Джей Калам удивленно и неодобрительно покачал головой. — Стивена Орко наказали бы и уволили бы из Легиона. Он мог бы не получить возможности ввязаться в Юпитерианский Мятеж.

— Это была наша ссора, — хрипло прошептал Боб Стар. — Даже сейчас в моем мозгу горит вибрирующая боль, и я хочу убить его, если смогу. — Он покачал головой и снова неуверенно пробормотал: — Если смогу.

— Это почему? — Командор встревоженно поглядел на него. — Предположим, что твой долг — убить Стивена Орко, и он у тебя в руках. Неужели ты этого не сделаешь?

— Я не знаю точно. — Боб Стар вновь вздрогнул. — Я не могу вспомнить, что происходило в конце: сдался я или нет. Он пообещал сломать меня, сделать так, что я никогда никого не смогу убить. Боюсь... боюсь, что так он и сделал. Потому что я думаю, что мой мозг поврежден ультразвуковой вибрацией, или что там было. У меня в голове осталась пульсирующая боль. Маленький молоточек красной боли, стучащий днем и ночью. За девять лет он не исчез.

Лицо Боба Стара было белым, и струйки пота исчертили его лоб.

— Я не был трусом до той ночи, — хрипло прошептал он. — Я не был ничтожеством, которое он хотел из меня сделать. — Он рухнул вдруг в большое кресло, жалко глядя на

Джея Калама. — Но сейчас, командор, я не знаю.

ЧЕСТЬ ЛЕГИОНА

Высокий командор некоторое время стоял, почесывая длинными пальцами острый выступ челюсти и изучающе глядя на Боба Стар.

— Я рад, что ты мне об этом рассказал, — сказал он наконец, и голос его был тих и очень серьезен. — Я знаю, что ты чувствуешь, потому что когда-то я тоже думал, что убить человека для меня невозможно. — Темные глаза на мгновение приоткрылись, и лицо обрели резкость, словно к нему вернулось воспоминание боли. — Однако иногда это необходимо. Я научился этому очень давно и очень давно понял, что могу это сделать.

Он вдруг шагнул вперед.

— И ты должен, Боб. Можешь и должен. Дело обстоит так, что весьма возможно, что убить Стивена Орко будет твоим долгом.

Эти тихо произнесенные слова выдернули Боба Стар из кресла.

— Как так, командор? — он дрожал и пытался справиться с дыханием. — Я бы все, что угодно, отдал за эту возможность. — Что-то изменилось в его голосе, что-то заставило его прикусить губу. — Но я боюсь... боюсь, что не смогу.

Тихо прозвенел гонг. Массивная дверь открылась, впуслав глубокий вибрирующий звук геодинов, на которых шел боевой корабль. Вошел стюард, вкатив маленький столик на колесах. Он отдал честь.

— Завтрак, командор, — объявил он. — На двоих.

Джей Калам молча кивнул, отпуская его. Тяжелая дверь закрылась, и снова стало казаться, что длинный, со стенами цвета слоновой кости салон где-то вдали от корабля.

— Что обусловило мой специальный долг убить Стивена Орко? — спросил шепотом Боб Стар. — И как случилось, что он все еще жив после того, как прошло столько много времени после объявления, что казнь состоялась?

— Стечение обстоятельств. — Джей Калам встал, хмурясь, игнорируя накрытый столик, оставленный стюардом. — Несчастливые последствия Юпитерианского Мятежа. Вся история этого восстания никогда полностью не публиковалась, однако сейчас я расскажу тебе ее — чтобы ты мог понять особенный статус Стивена Орко и крайнюю необходимость твоих нынешних обязанностей.

Боб Стар кивнул. Он слушал, затаив дыхание.

— Орко с самого начала был для нас загадкой, — мрачно продолжал командор. — Многие люди считали, что в нем есть что-то нечеловеческое. Может быть, так оно и есть. Наши следователи вели работу с того момента, как он стал предателем, и все же ничего не узнали об его происхождении.

— Но я помню его родителей, — вмешался Боб Стар. — Они посещали его в Академии незадолго до... той ночи. — Он вновь обнаружил, что держится за шрам, и опустил руки. — Он устраивал в их честь вечеринку. Он пригласил всех моих друзей, и они оставили меня.

— Это лишь приемные родители. Приемный отец, Эдвард Орко, похоже, нашел его, когда тот был всего лишь ребенком, при особых обстоятельствах. Орко был преуспевающим промышленником. Он имел обширные владения среди астероидов. Он держал дом на Палладе.

Все, что мы знаем теперь о том как Орко нашел Стивена, наши люди выяснили у его старых слуг.

Это случилось около тридцати лет назад. Орко путешествовал к Марсу на космической яхте. Он и его жена посетили некоторые из их владений, разбросанных на малых астероидах, и отправились на Марс провести сезон отдыха. Путь завел их далеко от обычных космических линий.

Примерно в сорока миллионах миль от Марса их навигатор обнаружил необычный объект, дрейфующий в космосе. Его засекли метеоритные детекторы, однако это был не

обычный метеорит. Доклад навигатора настолько заинтересовал Орко, что он повернул назад, чтобы исследовать объект. Это оказался цилиндр из магниево-литиевого сплава восьми футов в длину. Он имел тщательно подогнанный винтовой колпак, запечатанный в нескольких местах черным сургучом. На каждой печати был занятый алый символ: витой крест — крукс анзата, древний символ жизни — над скрещенными костями.

Орко вышел в космическом скафандре для изучения объекта. Он решил взять его на борт, в воздушный шлюз, и открыть. Жена возражала. Скрещенные кости, настаивала она, означают опасность. Форма и размеры объекта напоминали гроб, и она предположила, что там может находиться умерший от какой-нибудь заразы человек.

Но Эдвард Орко был человеком твердым. И неудивительно — кто бы еще на дальней границе смог добиться удачи? А его любопытство основательно разгорелось. В конце концов, цилиндр затащили в воздушный шлюз. Потом, когда никто из экипажа не вызвался добровольцем, он заперся в отсеке с цилиндром сам. Он вскрыл печати и отвинтил колпак.

Стенки цилиндра были толстыми и тщательно изолированными от космического холода. Внутри он был заполнен резервуарами с кислородом, водой и жидкой пищей. Там были нагреватели и термостаты, и конденсаторы для осушения воздуха. Короче говоря, это был маленький космический корабль, только без двигателя.

Среди аппаратуры в чем-то вроде колыбели лежал Стивен Орко. Рыжеволосый младенец возрастом меньше года. Он был голым и ничего не говорило о его личности. И уж очевидно, что он ничего не мог рассказать о своей истории. Эдвард Орко постоянно искал информацию, обещая большое вознаграждение, однако ничего стоящего не получил.

Стивен Орко имел, так сказать, несколько необычную внешность. Один взгляд больших голубых глаз завоевал сердце бездетной супруги Эдварда Орко. Чета усыновила младенца. Они дали ему все преимущества, которые позволяло их богатство, даже добились его приема в Академию.

— Его собственные способности вполне позволили бы ему обойтись своими силами, — вмешался Боб Стар. — Он мог получить любое образование, какое бы захотел.

— Как бы там ни было, — продолжал Джей Калам, — он закончил учебу с высшими почестями. Он отправился на службу и быстро стал делать карьеру, соответствующую его способностям. Через четыре года он уже имел под началом собственный корабль. Еще меньше чем через два года он получил назначение командиром Юпитерианского Патруля.

Я надеюсь, что ты знаешь, что спутники Юпитера населены по большей части беглыми Пурпурными — врагами демократического Зеленого Холла. Они переселились туда после того, как была свергнута Империя, два столетия назад.

— Я знаю, — согласился Боб Стар. — Мой дед родился на Каллисто.

— Через год он вступил в командование Патрулем, — продолжал командор. — Мы вначале получали ультракоротковолновые сообщения от Стивена Орко о том, что он замечает неожиданные волнения среди Пурпурных. Однако он утверждал, что держит ситуацию в руках, и не просил подкреплений.

Несколько недель мы бездействовали, пока группа беженцев не прибыла на Цереру на космической яхте с информацией о том, что Стивен Орко сам являлся вдохновителем мятежа, и о боях, которые начались, когда его заговорщики напали на патрульных. Гражданские сторонники Зеленого Холла систематически умерщвлялись.

Я отозвал все, какие возможно, корабли Легиона к окрестностям Марса, даже с Меркурия и Контр-Сатурна...

— Я помню, как нам рассказывали об этом в классе, в Академии, — сказал Боб Стар. — Я не видел Стивена Орко с того времени, когда он меня пытал. Я пытался поступить во флот, но рапорт принят не был.

— Твой отец просил меня игнорировать его, — сказал Джей Калам. — Я не знал того, что ты мне только что рассказал, иначе ты получил бы шанс добратся до этого человека. Потому что это был самый серьезный кризис для Легиона с тех пор, как Эрик Претендент привел тех чудовищ-захватчиков с Убегающей Звезды, чтобы они помогли ему восстановить

Империю.

Как только флот собрался в окрестностях Марса, я взял твою мать на флагман. Доклады, поступающие со спутников Юпитера, уже дали мне понять, что нам понадобится ее оружие.

Наш полет не встречал препятствий. Мы добрались до Каллисто, не встретив никаких враждебных действий, и я послал ультракоротковолновое сообщение, вызывая к рассудку осажденных. Ответом было что-то похожее на солнце, выпущенное по нам из крепости над городом Лел.

— Солнечная пушка? — прошептал Боб Стар. — Вы знаете, до меня доходили слухи, несмотря на цензуру и на то, что отец старался меня оградить.

— Корреспонденты называли их так, — кивнул Джей Калам. — Это оружие на той же основе, что применяли против нас более двадцати лет назад монстры с Убегающей Звезды. Энергетический вихрь, искажающий координаты времени и пространства и делающий все тяжелые элементы такими же нестабильными, как плутоний, и создающий неодолимое притяжение для другой материи в ужасный водоворот атомной аннигиляции.

Темное лицо стало жестким.

— Стивен Орко, как ты и говорил, был очень умен. Он построил эту страшную машину на основе обрывков информации, полученных беглецами-каллистянами от существ Убегающей Звезды, когда еще Пурпурные во главе с Эриком были с ними в союзе. Но каким-то образом он увеличил ее дальнбойность и мощь. Первый выстрел уничтожил два наших лучших корабля. Я тут же увидел, что оружие Орко может достать до любой планеты в Системе.

Твоя мать уже собрала свое секретное оружие. Поскольку полного уничтожения мне не хотелось, я попросил ее стереть с поверхности спутника город Лел с внешними укреплениями.

Ты видел устройство в мирное время, Боб, в Яшмовой Комнате. Мать, должно быть, говорила тебе, что его действие не зрелищно. Я не был удивлен, когда она начала действовать, и ничего, казалось, не случилось. Однако я увидел ее выражение изумленного ужаса, когда мгновением позже она обернулась ко мне.

— Не работает! — прошептала она.

Одного взгляда на экран телеперископа было достаточно, чтобы увидеть, что фортификация Лела осталась неизменной. Мне удалось даже увеличить изображение настолько, что стала видна сама атомная пушка — колоссальная скелетовидная труба из металлических дуг, установленная на горной вершине возле города.

Пока я смотрел, к нам устремился второй вихрь. Что-то вроде спиральной туманности в миниатюре, в которой бешено взрывались метеоры и корабли, словно превращаясь в чистый плутоний. Второй выстрел уничтожил еще три крейсера, и твоя мать сразу поняла, что мы должны отступать.

Кто-то другой, сказала она, добрался до принципа АККА. Она попыталась объяснить, не компрометируя своей тайны, что оружие использует единственную нестабильность во вселенной, причем второй хозяин этого устройства способен предотвратить его использование первым.

Боб Стар кивнул.

— Она говорила мне о точке опоры, — сказал он. — Устройство, которое она собирает, — это рычаг, а ум подразумевает силу, но точка опоры только одна. — У него резко перехватило дыхание. — Неужели Стивен Орко... открыл это?

Командор печально кивнул.

— Неудача твоей матери обуславливалась, по ее словам, тем, что против нас стоял другой хозяин АККА. Ее оружие больше не будет действовать, пока жив этот второй человек или пока у него не отберут этот аппарат.

Разумеется, твоя мать была способна не дать Орко использовать против нас эту тайну, однако сама по себе атомная пушка могла уничтожить наш флот. Уходя, мы потеряли еще

шесть кораблей. Вслед нам полетело триумфальное послание Орко.

Послание состояло из оскорбительных фраз. Он предполагал, что твоя мать уже поняла, что он тоже является владельцем АККА. Он требовал, чтобы Зеленый Холл признал в нем верховного правителя Юпитерианской Империи.

Но даже этого было недостаточно для удовлетворения имперских амбиций Орко. Он потребовал торговых прав и концессий на каждой планете, и снятия ограничений на мощь и силу Легиона. Было ясно, что он намерен завладеть всей Системой.

Джей Калам стоял во весь рост, напрягшись, посреди роскоши огромной безмолвной комнаты в летящем корабле. Длинное лицо его было мрачным. Темные глаза прищурены. Вибрирующий звон тихого голоса казался Бобу Стару затихающим эхом величественных подвигов.

— Мы были разбиты, — сказал он тихо, — однако не уничтожены. Легион никогда не был уничтожен, Боб. Ты должен помнить это.

— Да, сэр. — Боб Стар инстинктивно встал и вытянулся.

— Пока политики в Совете тянули время и спорили, как ответить на ультиматум Орко, мы принялись строить свою атомную пушку. Мы имели результаты спектрографических наблюдений за теми выпущенными солнцами и несколько намеков, которые твой отец получил из личных документов Претендента в библиотеке Пурпурного Холла.

Эта информация была неполна и отчасти неточна. Но твой отец высказал замечательное предположение, что деформации пространства-времени увеличивают нестабильность атомов. Я сделал, что смог. Однако именно твоя мать, с помощью, может быть, собственной секретной науки, показала нам, как контролировать движение и рост полей нестабильности.

Мы построили и установили на Церере атомную пушку, во всем равную той, что стояла на Каллисто. Стивен Орко организовал свою Империю и в большой спешке рассылал ультиматумы, потому что думал, что мы находимся полностью под его контролем. Успешное возведение атомной пушки на Церере было сюрпризом, который и послужил его разгрому.

Ни одно из этих орудий не могло уничтожить другое, потому что контрольные поля каждого защищали его от выстрелов противника. Орудие Стивена Орко было достаточно мощным, чтобы, имея он время, распылить все планеты в Системе. Один выстрел с Каллисто превращал десять тысяч квадратных миль на Меркурии в дымящуюся радиоактивную лаву.

Но наше орудие было столь же эффективным. Стереть жизнь со спутников Юпитера было проще, чем со всех других планет Системы. Мы должны были закончить первыми. И Стивен Орко, как ты сказал, был замечательно сообразительным человеком. Он тут же понял, что проиграл. Он был слишком умен, чтобы вести безнадежную борьбу. Он немедленно запросил пощады, когда наш первый вихрь обрушился на Каллисто.

Однако он потребовал, чтобы мы гарантировали ему жизнь. Он потребовал от каждого члена Зеленого Холла лично и от меня, за Легион, клятвы, что он будет защищен от любых покушений. Он сделал странное исключение, Боб, в отношении тебя. До сегодняшнего дня я не мог понять, почему.

Боб Стар подался вперед, чтобы хрипло спросить:

— Что это за исключение?

— Думаю, я могу вспомнить его слова, — сказал Джей Калам. Вот что он сказал: «Оставь Роберта Стара. Он и я уже сделали все необходимое для защиты моей жизни. Если у этого щенка не слаба кишка меня убить, пусть он это делает».

Это заявление заставило Боба Стара дернуться вперед. Он дрожал. Тонкое лицо его напряглось, ногти глубоко вонзились в ладони. Треугольный шрам на лбу побелел.

— Его надо убить, — хрипло прошептал он. — Но я боюсь... боюсь, что не смогу этого сделать. — Рот его чуть приоткрылся, и он стоял, вытирая пот с бледного лица. — Я не могу вспомнить всего, что случилось, однако знаю, что Железный Исповедник что-то сделал с моим мозгом. Орко говорил, что намерен сломать меня. И я боюсь... боюсь...

— И я тоже, — печально улыбнулся командор. — Но мы — солдаты Легиона. — Мгновение он молчал, темное лицо его было резким и серьезным. — Клятвы офицера Легиона редко нарушаются, разве что такими, как Претендент или сам Орко.

Темные глаза посмотрели на Боба Стар.

— Но поскольку он сделал это издевательское исключение относительно тебя, Боб, то в наших интересах необходимо им воспользоваться. Пойми, я не приказываю убить его. Все, что я намерен сделать, — это удержать его в заключении, и ты волен предпринимать относительно его любые действия, какие сочтешь нужными. Ты получаешь приказ не дать Орко бежать.

— Да, командор. — Боб Стар облизал губы. — Я...я понял.

— Очень жаль, что нам приходится щадить жизнь предателя, — с сожалением нахмурился Джей Калам. — Твой отец был против этого. Я настоял, чтобы совет согласился с этим, потому что это могло спасти миллиарды жизней.

Быть может, выглядит удивительным, что Орко доверился Легиону, но он, очевидно, знает наши понятия о чести, хотя и презирует их, думая о собственной карьере. Тем не менее, все было улажено, и он стал нашим узником — самым опасным человеком, которого нам когда-либо приходилось содержать под замком.

— Так оно и есть. — Боб Стар быстро шагнул назад. — Если он знает секрет моей матери!

— Он под хорошей охраной, — продолжал Джей Калам. — Мы объявили, что он осужден и наказан, чтобы обескуражить возможных спасителей. В потайном месте мы построили надежнейшую крепость, которую только могли создать наши инженеры. Он содержится там под именем Меррин, мертвый для всего мира. Но не, — тихо добавил командор, — для кометчиков.

— Да? — спросил Боб Стар. — Это почему?

— Существа с кометарного объекта открыли, что Стивен Орко жив, — хладнокровно сказал Джей Калам. — Именно по этой причине твоему отцу и было приказано немедленно уничтожить комету.

— Но как... — Боб Стар сглотнул, чтобы прочистить горло. — Как они разузнали?

— Точная информация о Стивене Орко, в том числе, о месте его заключения, хранилась в подземелье Зеленого Холла. Подземелье считалось недосягаемым и всегда охранялось верными людьми.

Однако невидимки с кометы проскользнули в здание. Они убили четырех часовых, причем неизвестным оружием. Они взломали замки, которые проверил и не смог открыть сам Жиль Хабибула. Они выкрали все документы, касающиеся Стивена Орко.

— Если они выпустят его... — Боб Стар покачал головой. Лицо его было серым от раздумий. — Я даже не хочу об этом думать. Стивен Орко не станет хранить верность человечеству. Если кометки станут нашими врагами, он охотно присоединится к ним.

— В это трудно поверить. — Командор поднял голову, хмуро улыбаясь. — В любом случае, я надеюсь, что кометки встретят нас как друзей. Если им не удастся расшифровать наш жест приветствия, вспомни о долге. — Голос его стал тверд. — Не дай Орко бежать.

Боб Стар утонул в огромном кресле, дрожа. Тонкое лицо превратилось в маску боли, и шрам от Железного Исповедника был мертвенно-бледен. Искривленные мукой глаза с мольбой глядели на Джея Калама.

— Я попытаюсь, — жалко прошептал он. — Однако я... боюсь...

ДЕВУШКА В СТЕНЕ

«Непобедимый» снижался над южным полюсом Нептуна. Восьмая планета была огромным и негостеприимным миром бледных сумерек и суровой ночи. Огромные сооружения планетарных инженеров, возводившиеся в течение долгих веков, уже очистили ядовитый воздух от метана и аммиака, выработали достаточно чистого кислорода, чтобы

поддерживать человеческую жизнь, и на много градусов повысили температуру поверхности. Над большими залежами полезных ископаемых в экваториальных зонах были построены города, но гигантский полярный континент еще не был готов к колонизации. Застывшие пустоши, большие, чем вся Земля, покрытые замерзшими бесконечными болотами. Они были обозначены на межпланетных картах так: «Необитаемо и опасно». «Избегать посадок».

Несмотря на это предупреждение, «Непобедимый» приземлился в трех градусах от полюса. Боб Стар и его двое телохранителей спустили трап на темную застывшую равнину. Уже дрожа, они спустились с корабля бегом. Позади загрохотали дюзы. Они упали ничком, чтобы укрыться от жаркого урагана струй. Корабль поднялся и исчез в облачных зеленоватых сумерках, унося Джея Калама навстречу кометчикам с миссией доброй воли.

Из туманной тьмы вышло подразделение легионеров. Они проверили всех троих, рассмотрели их удостоверения и проводили их в крепость, стоявшую на низком и пустынном холме. Они уже почти поднялись на него, прежде чем Боб Стар смог что-нибудь увидеть. Внезапно над ним в зеленоватом сумраке нависла массивная стена.

— Стена кольцевой формы, сэр, — сообщил ему офицер стражи с благоговейным уважением к подписи Джея Калама на его бумагах. — Внутри круглое поле, на котором сейчас находятся четыре наших крейсера. Однако тюрьму вы даже не увидите. Это закрытый цилиндр из пердьюрита. Камера Меррина в тысяче футов под поверхностью.

Гигантская бронированная дверь пропустила их в стофутовую толщину стены. Боб Стар немедленно попросил, чтобы ему показали узника. И наконец его повели мимо удивительно длинных пердьюритовых стен коридоров, через огромные цилиндрические двери, которые тщательно закрывались за ним, по скрытым лифтам, мимо хмурых бдительных стражников в сторожевых витрилитовых полусферах, и он увидел человека, которого должен был убить.

Огромная дверь пропустила его в маленькую квадратную комнату, где стояли двое часовых. Противоположная стена представляла собой толстый сияющий лист витрилита. За этой непроницаемой прозрачной стеной находилась камера Стивена Орко.

Заклученный сидел в большом кресле и читал. В одной из своих больших рук он держал стакан с красным напитком, и его красивое тело выглядело расслабленным в зеленом халате. Боб Стар увидел красивое лицо и легкую улыбку, наползающую на широкий женственный рот.

— Это Меррин, сэр, — сказал офицер. — Он был закрыт витрилитовой стеной два года назад, при завершении строительства тюрьмы. Никто с ним до сих пор не разговаривал. Камера звуконепроницаема, и охранникам приказано игнорировать любые сигналы, которые он подаст. Все металлические предметы у него забрали. Воздух, вода и жидкая пища поступают к нему по скрытым трубам из другой комнаты, в которую имеет доступ только начальник...

Он замолчал, чтобы показать маленькую красную кнопку на серой стене рядом с ним.

— Я должен предупредить вас, сэр. К этой кнопке нельзя прикасаться. Она соединена с клапаном, который может наполнить комнату смертельным газом. В наши обязанности входит защищать его жизнь, доверенную Легиону.

Боб Стар едва слышал его последние слова сквозь внезапный звон в ушах. Его тело вдруг покрыл холодный пот. Он качался от тошноты и слабости. Маленький красный диск глазел на него, как зловещее око.

Он должен был всего лишь коснуться ее. И только.

И обида девяти лет исчезнет. Невыносимое пламя погаснет в нем. Даже эта старая боль, чувствовал он, уйдет, и Система будет освобождена от злого гения Стивена Орко...

Он сознавал, что узник видит его. Голубые глаза, холодные и горящие безрассудством, оторвались от книги. Благородное лицо иронично улыбнулось. Стивен Орко лениво встал и подошел к прозрачной несокрушимой стене. Он показал на красную кнопку и насмешливо похлопал себя по ноге. Полные губы изобразили ироничное беззвучное приветствие.

Боб Стар вдруг почувствовал желание поговорить с ним. Это была их первая встреча с той ночи пыток. Он пытался надеяться, что вцепившийся в него ужас рано или поздно растает, что исчезнет иллюзия боли, когда он встретится со Стивеном Орко при новых обстоятельствах.

— Да, — сказал офицер, — телефон здесь есть, однако об его предназначении забыли.

— Всем известно, какие мне даны указания, — сказал Боб Стар. — Мне необходимо поговорить с Меррином.

После переговоров с комендантом он получил разрешение. Боб Стар остался один в прозрачной серой комнате. Магнитный динамик ухнул, и затем он услышал чистый густой баритон Стивена Орко:

— Приветствую, Боб! Меня забавляют твои попытки прикоснуться к красной кнопке.

Боб Стар почувствовал, как его лицо стало жестоким.

— Смейся, если хочешь, — пробормотал он хрипло. — Однако я смогу это сделать, если надо.

— Если хочешь, попробуй снова. — Издевательский смех Орко громко раскатывался из динамика. — Нет, тебе ни за что этого не сделать, Боб. Не сделать с тех пор, как ты пообщался с Железным Исповедником — я слишком много раз видел, что ультразвуковые волны делают с мозгом и той штукой, что зовется храбростью. Я никогда не буду бояться, что ты сможешь меня убить. И никто другой не посмеет, я уверен, из-за этого дурацкого кодекса, которого придерживается Легион.

Задрожав от внезапного приступа омерзения, Боб Стар отчаянно повернулся к кнопке. Он мрачно потянулся к ней, однако старый страх завопил в нем: «Ты не сможешь!» Руку охватила немота. Он отошел назад, шатаясь, плечи его поникли. Слезы затуманили глаза. Руки безвольно повисли.

— Я действительно рад тебя видеть, — гроыхал голос Стивена Орко. — Потому что ты, должно быть, послан сюда в глупой надежде, что можешь меня уничтожить. Это означает, что эти фантастические меры предосторожности сочтены неадекватными. Отсюда я делаю вывод, что снаружи у меня появился мощный союзник и что я могу питать надежду на скорое освобождение.

— Нет, если только я смогу помешать этому!

— Не сможешь, Боб. Я тебя одолел. — Боб Стар был изумлен и сбит с толку той кипучей ненавистью, которая вдруг прорвалась сквозь маску иронии. — Я сломал тебя навсегда!

Голос Орко внезапно стал тише. Он говорил с придыханием, все более скрипуче, переполненный чудовищной ненавистью:

— Когда я впервые услышал о твоём существовании, еще будучи ребенком, я испытал просто-таки бешенство при мысли, что совершенно ни на что не способный слабак, благодаря чистой случайности, однажды может стать самым могущественным из людей. А я в то же время буду ничем. И я решил, еще до того, как увидел благородного ребенка из Пурпурного Холла, раздавить тебя и присвоить все твоё наследство.

Стивен Орко помолчал. Широкий рот его скривился вдруг в сверкающую удовлетворенную улыбку, и голос его вновь был легок, когда он заключил:

— Тебя было несложно сломать, Боб. Железный Исповедник убил в тебе все опасное в ту же ночь. Я признаю, что позднее меня беспокоили вопросы этики, но время вскоре ответило на них. Подумай так: один из нас имеет АККА, которое ему дали, второй смог открыть его собственными силами. Кто его больше заслуживает?

— Владение АККА — не просто утеха для эгоиста, — хрипло ответил Боб Стар. — Это сложнейшая задача, она забирает всю жизнь и, в конце концов, требует смерти Хранителя. Но как... ты его открыл?

Узник покровительственно улыбнулся.

— Я расскажу тебе, Боб, — сказал он спокойно. — Однако только для того, чтобы заявить свои права на него и подчеркнуть полную справедливость моих действий. Я должен

заметить, кстати, что не намеревался позволять этой тайне стать для меня каким-нибудь бременем. Твоя беда, Боб, что ты просто недостаточно большой для такой работы.

Он насмешливо покачал головой, видя, как бессильно дрожит Боб Стар.

— Как бы там ни было, — легко продолжал он. — Я просто следовал методам исследований, которые мог предложить себе любой разумный индивидуум. Я тщательно собирал данные, формулировал гипотезы экспериментальным путем и, наконец, пришел к удовлетворительному заключению.

Еще когда я был в Академии, я нашел тайный проход в закрытую почти для всех библиотеку и прочел все существующие доклады об использовании АККА со времени его создания великим предком твоей матери, Чарльзом Антаром, когда он сам был узником, охраняемым почти так же, как я теперь.

Последняя запись о применении оружия относилась ко времени уничтожения старого спутника Земли — после того, как он был захвачен и укреплен ни о чем не подозревающими союзниками Претендента. На яхте моего приемного отца я обыскал орбиту исчезнувшего спутника. Наконец, после долгих поисков, я нашел три металлических пуговицы.

Не больше, чем кончик моего большого пальца — это было все, что осталось от Луны. Очень скоро я понял, что мне бы повезло, если бы я нашел один-единственный атом. Только потому, что твоя мать работала в спешке, наспех собранным инструментом, аннигиляция тяжелых элементов произошла не полностью.

Несколько месяцев напряженной работы в лаборатории, которую финансировал отец, открыли мне природу воздействия АККА на эти металлические образцы. Связать причину со следствием — это уже вопрос математической логики. Осталось лишь проверить альтернативные гипотезы и построить действующую модель — и тайна была моя.

Узник помолчал, опять улыбнувшись.

— Ты не согласен со мной, Боб, что такие способности заслуживают награды? Определенно, я — самый одаренный из людей; логика уверяет меня, что, в таком случае, я их полноправный правитель. И я стал бы им, Боб, если бы не одна оплошность.

Боб Стар хрипло прошептал:

— Какая?

— Я не смог убить твою мать. — Стивен Орко беззаботно пожал плечами. — Беда в том, что я не увидел, пока не стало слишком поздно, единственного ограничения этого оружия. Я не пытался использовать его, пока она сама не пыталась. Это была неудача для нас обоих, и эта оплошность привела меня сюда. Однако она не повторится, если у меня появится новый шанс.

Он зловеще хихикнул.

— Я не боюсь сказать тебе об этом, — добавил он нежно, — потому что знаю, что ты не станешь трогать красную кнопку, даже для того, чтобы спасти жизнь собственной матери.

Боб Стар знал теперь, что ему надо делать, но все же не мог — в любом другом случае, однако не сейчас. Он устало дал сигнал стражникам, и телефон разъединили. Узник снова оказался запечатан в безмолвной гробнице, и он остался один в маленькой внешней комнате, хмуро решив оставаться здесь, пока не сможет нажать на кнопку или пока надобность в этом не отпадет.

Стивен Орко тихо вернулся в кресло к своей книге. Он расслабился в зеленом халате, потягивая напиток и явно не принимая во внимание никаких опасностей для своей жизни. Дважды Боб покидал твердую скамью, на которой сидел, пытаясь притронуться к кнопке.

Этот простой акт казался невозможным. Попытки не приводили ни к чему, только усилили нестихаемую пульсацию в голове, и он слабел от дурноты. Он отступал на время, в отчаянии надеясь, что стимуляция экстремального случая побудит его на это действие, если ситуация станет критической.

Он безнадежно отступал к скамье. Внезапно, когда он сидел, глаза его раскрылись. Дыхание прервалось, и длинные пальцы сжались в кулаки. Он подался вперед, уставясь на серую твердую стену. Ему показалось, что ее поверхность начинает покрываться смутными

движущимися тенями.

Массивная дверь по-прежнему была закрыта за спиной. Тревожные сигналы молчали. Лист витрилита был по-прежнему непроницаем, и гигант в кресле за ним не обращал на него внимания. Не было ни намека на присутствие другого человека — некому было отбрасывать на стены ползущие тени. Он смотрел на них, не дыша.

На сером фоне замерцал смутный синий крут. В нем метались призрачные тени. Внезапно, словно некая трехмерная проекция собралась в фокус, твердая броня стены растаяла, сменившись изумительной сценой.

Он смотрел в странную комнату, утопавшую, словно глубокая ниша, в стене подвала. Ее поверхность была покрыта завивавшимися спиралью кривыми линиями, и цвет их был совершенно черным, и усеяны были эти линии маленькими блестящими голубыми кристалликами, узорчатыми как снежинки.

В этой полости в стене на многоугольном пьедестале, голубом и прозрачном, стояла девушка. Где-то внутри этого огромного сапфирового многоугольника горело нестойкое пламя, и смутные отблески танцевали на крошечных снежинках.

Сверхъестественно живая на фоне этой спиральной раковины и синего огня, девушка стояла и глядела на него. Выражение ее лица было отчаянным — можно сказать, это был мучительный порыв. Одна красивая рука была вытянута вперед и приподнята, словно в жесте предупреждения об опасности. Бледный овал лица искажен ожиданием опасности, яркие губы раскрыты, словно хотели сказать какое-то предупреждающее слово.

Она повернулась, чтобы показать через прозрачную стену на Стивена Орко, который сидел, погружившись в книгу и питье. Не сводя изумительных золотых глаз с Боба Стара, она настойчиво показывала на красную кнопку, которую он никак не мог нажать.

Он опять двинулся к ней, и снова в нем поднялась вся боль Железного Исповедника и остановила его. Он безнадежно отвернулся от девушки, чувствуя себя ничтожеством. Она явно хотела, чтобы он убил Стивена Орко, — и он подумал внезапно, что эта искаженная паникой красота — не более чем галлюцинация, оживший символ его бессильного отчаяния.

Она увидела, как он повернулся, и на лицо ее набежала трагическая тень печали. В золотистых глазах погас свет. Белые суставы пальцев поднялись ко рту в жесте полного отчаяния. Затем она вздрогнула, словно услышав некий безмолвный голос. Она задрожала, вновь предложив ему нажать на красную кнопку, безнадежно и отчаянно. Потом, когда настойчивая мольба на ее лице сменилась печалью, в голубом пьедестале взорвалась бомба холодного пламени. Сапфировые блестки хрустальным инеем заплясали на спиральных стенах. Голубое свечение наполнило нишу и медленно погасло. Темные тени сгустились и не спеша растворились.

Серая стена опять стала сплошной.

И Боб Стар снова остался один. Он покачивался, дрожа, слезы поражения и отчаяния наполнили глаза. Он покачал головой и резко взглянул на Стивена Орко, который отставил пустой стакан и по-прежнему глядел в книгу.

В мозгу Боба Стара бушевало смятение. Неужели она была реальна? Все прежние сомнения поднялись в нем в тот последний момент его бесплодной попытки и ее печального ухода, однако теперь в нем молотом стучал вопрос. Живой человек... здесь? Или только мучительная проекция собственных невыносимых тягот?

Он вскочил, услышав, как раскалывается тишина в комнате. Рядом из динамика хрипло послышалась команда:

— Экстренная ситуация! Запереть все выходы! Находиться... — Голос непонятно почему прервался кашлем. — Быстро! — Теперь это был прерывистый шепот. — Невидимки... Я не вижу...

Теперь Боб Стар судорожно вздохнул. Он должен действовать или предаст Легион. Сопrotивляясь ломоте во всем теле, он повернулся к серой стене. Кнопка мигнула ему — красный издевательский глаз. Он сознавал, что Стивен Орко отложил книгу и глядит на него, откровенно забавляясь.

Он заставил себя сделать еще один шаг. Внезапно он облился потом. В ушах вновь ревели. Это усилие опять бросило его в объятия Железного Исповедника. Он снова почувствовал давление холодной стали вокруг головы, и жесткий напор трехгранного лезвия, и жаркую боль невыносимой вибрации. Он увидел во тьме комнаты бешеное лицо Стивена Орко и услышал усиленный голос, свирепый и превращающийся в невыносимую боль:

— Что, не нравится, щенок? В таком случае, тебе лучше передумать. Потому что ничего ты с этим уже не сделаешь. Сейчас я сделаю так, что ты никого уже не сможешь убить. Эта машина сильнее, чем чья-либо воля. Когда она тебя сломает, ты останешься сломанным. Даже если ты и не был до сих пор ничтожным трусом — будешь. Ты не сможешь убить меня. Ты не сможешь...

Эти слова вновь и вновь эхом отзывались в его мозгу — постгипнотический эффект. Он не мог убить — но он должен! Образ испуганной девушки в стене снова вернулся, и он сделал еще один неуверенный шаг к проклятой кнопке.

Однако он все равно не мог убить...

Что-то случилось с освещением в комнате. Лампы стали зелеными. Или, вернее, это зеленый свет проникал сквозь массивную дверь за стеной. Критическая ситуация. Он должен действовать, и осталось всего два шага...

Зеленоватый туман заполнил комнату, быстро поднимаясь против витрилитового барьера, который отделял его от Стивена Орко, — или так было только в его глазах? Серые стены расплывались, и ему показалось, что они намерены раствориться и открыть ему новую неожиданную картину.

В коже возник странный зуд. Что-то заставило онеметь все его ощущения. Немота охватила все его члены. Он яростно выбросил руку к красной кнопке, или только попытался? У него больше не было руки. Тьма аннигилировала все. Он не почувствовал, когда упал на пол.

ЗВЕРЬ ТУМАНОВ

Боба Стара привел в чувство приглушенный рев дюз снижающегося корабля. Пронизывающий холод заставил онеметь его напряженные конечности, и глаза открылись навстречу гнетущим зеленым сумеркам. Он увидел, что лежит на замерзшей земле, все еще скованный зудящим параличом, который лишил его сознания.

Пытаясь собраться с чувствами, он огорченно пытался вспомнить, что пробел в сознании содержал что-то невыносимо ужасное. Наверное, мозг не справился с этим и оторнул для сохранения рассудка.

Спустя мгновение, однако, тошнотворный факт собственной неудачи вернулся. Отчаяние смыло все остальные полувоспоминания, и он опять на время погрузился в безнадежную и сокрушенную апатию, пока усиливающийся рев дюз не стал настолько громким, что он уже не мог его игнорировать. Вдохнув ледяного воздуха, он с трудом уселся. Он был изумлен, обнаружив, что находится на самом краешке манящей бездны. Плоское и пустое лицо Нептуна было изуродовано не более чем в двенадцати футах от того места, где находился он, жутким провалом зеленоватой тьмы. Он, похоже, не имел ни противоположной стены, ни дна. Он отполз от него, собрав все свои силы.

Хруст под чьей-то ногой подхлестнул его нервы. Он мгновенно повернулся и затем ухмыльнулся с потрясенным облегчением, увидев двух своих телохранителей, благополучно выбравшихся из этой неопишуемой бездны и глядящих на смутное голубое мерцание в облачной тьме над головами.

— Эй! — громыхнул Хал Самду. — Это корабль.

— И вовремя же, мы спасены! — прохрипел Жиль Хабибула. — Знает дорогая жизнь, мы достаточно долго ждали, погибая в этой коварной стуже.

— Жиль, — позвал возбужденно Боб Стар. — Как вы здесь оказались? И что это за провал?

— Ах, парень. — Толстяк подошел к нему, колыхаясь при ходьбе, стараясь не приближаться к жуткой бездне и, тем не менее, с облегчением вздыхая. — Мы думали, ты так и не очнешься, прежде чем умрешь от холода.

Гигантская сила Хала Самду подняла его на ноги. Слабо вцепившись в двоих мужчин, он почувствовал, что Жиль Хабибула рыдает от радости.

— Долго мы ждали, дружище. Смертельно долго...

— Провал? — Он пустым взглядом посмотрел на него, в то время как Жиль Хабибула оттаскивал его подальше от края. — Где мы?

— Это то, что осталось от тюрьмы. — Голос старого солдата был тонок от страха. — После того, как нападавшие забрали узника, с неба ударил красный свет — там, должно быть, находился их невидимый корабль. Стены под ним превратились в ничто. Сама земля превращалась в красное пламя и исчезала. Ах, дружище, этот жуткий провал — все, что осталось от тюрьмы, гарнизона и крейсеров Легиона, стоявших за стеной. Я не понимаю...

— Так он сбежал!

Боб Стар тяжело повернулся к этой чудовищной бездне, чувствуя себя слишком слабым даже для того, чтобы броситься в нее. Он подвел Легион, и последствия этого парализовали его мозг. Теперь ничто не имело значения. Он был пуст, равнодушен, и глаза его глядели на судорожные всплески пламени, вырывающегося в облаках из дюз.

— Он садится поблизости! — просопел Жиль Хабибула с благодарностью. — Кометчики бежали с узником, а все остальные погибли, но мы, по крайней мере, спасены.

— Скажи мне, — настойчиво прошептал Боб Стар, — как вам удалось выбраться?

— Нам и не удалось, парень, — ответил Жиль Хабибула. — Это узник пощадил наши жизни. Я даже не знаю, почему. Он сказал нам, что в действительности он — великий мятежник Орко, однако я полагаю, что ты об этом уже знал.

— Знал, — грустно ответил Боб Стар. — Я должен был убить его, если возникнет опасность его бегства. — Он всхлипнул, хотя и пытался сдержаться. — Но... я не смог этого сделать.

— Мы с Халом ждали тебя в коридоре снаружи. — По счастью, старик, похоже, не заметил его слез. — Внезапно мои старые нервы были потрясены жуткой тревогой. Зазвучала сирена, и на посты побежали полуодетые люди.

Большинство из них не добежало. Они падали, приятель, поражаемые тварями, которых даже не видели. И зеленый туман закрыл мои старые глаза. Я беспомощно упал вместе с остальными. Пожалуй, немного раньше остальных, ради спасения моей драгоценной жизни.

Хотя в то время, когда я цеплялся за свой старый помутневший рассудок, Хал и все остальные, похоже, уже ничего не видели. Я услышал лязганье замка и увидел, как поворачиваются эти огромные двери. Потом я услышал, как какие-то жуткие существа проникли внутрь, — я их так и не увидел.

Неожиданно из камеры вышел заключенный Орко — он говорил и жестикулировал, обращаясь, похоже, к пустому пространству. Ответом ему были совиные крики и громохание, от которых кровь стыла в жилах. И твое тело, парень, плыло за ним следом, несомое кем-то, кого я, по счастью, не видел.

Узник показал на Хала и на меня, и что-то подняло нас — что это было, я не знаю. Однако нас вынесли из тюрьмы и бросили сюда, на эту мерзлую землю — не постелив покрывала или хотя бы куртки и не дав даже жалкого кусочка пищи.

Поблизости находился какой-то гигантский корабль. Ничего подобного я прежде не видел — да его и нельзя было увидеть, так как он был невидим, — но зато слышал гул механизмов и лязг открывающихся воздушных шлюзов. Мое бедное старое сердце едва не остановилось, когда узник заговорил со мной. Голос его звучал прямо напротив, хотя я и не видел его.

— Ты Жиль Хабибула, взломщик замков, — приветствовал он меня. — Поклон твоему знаменитому искусству. — Он засмеялся, однако мне это не очень понравилось. — Я думаю,

мы с тобой братья.

Затем его голос почернел от ненависти.

— Я знаю, что вы, двое, — два ничтожных телохранителя того жалкого придурка, который называет себя Бобом Старом, — сказал он. — Я думаю, он вновь придет в сознание. Скажи ему, что я пощадил его еще раз — в награду за то, что он не убил меня.

Он засмеялся, словно это была грязная шутка.

— Скажи ему, что вы, трое, — единственные живые люди на этом континенте, — продолжал он. — Скажи ему, что до моря пять тысяч миль и девять тысяч миль паковых льдов до острова Виляр. Боюсь, ему не хватит жизни, чтобы добраться туда, но вполне хватит времени, чтобы пожалеть, что он не нажал кнопку.

Он не сказал, какую кнопку, парень. Однако он рассмеялся опять — это был страшно-гулкий смех из пустоты. И затем он сказал:

— Передайте Бобу Стару, что я исправлю допущенную оплошность в отношении его матери.

Потом он закрыл люк. Кто-то закричал, заухал — возможно, это были его новые друзья. Завизжал штурвал воздушного шлюза, зеленый туман за клубился, и корабль, который нельзя было увидеть, улетел — даже струи не светились.

Старый солдат задрожал.

— Это потому, что с неба ударил бледно-розовый луч света, я и предположил, что это был корабль. Луч прорезал облака и уперся в форт. Ужасное зрелище! Стены растворились в туман, искры и огненную пыль, и сама земля сгинула, и остался этот жуткий провал, уходящий вглубь планеты.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Ах, я, бедный! Кометчики — страшные враги. Я почти жалею, что этот корабль прилетел спасти нас. Если мы и покинем Нептун, то лишь для того, чтобы увидеть, как человечество будет уничтожено оружием, которого мы не знаем, и врагами, которых мы даже не увидим.

— Не говори так, Жиль! — Хал Самду грозно сжал гигантские кулаки. — Если мы выживем, то будем драться за Систему и за Хранителя Мира. Пошли! — Он нетерпеливо повернулся. — Мы должны отыскать корабль Легиона, прежде чем он улетит и оставит нас здесь.

Неуверенное сияние струй исчезло в облаках, но Боб Стар почувствовал слабый удар, когда корабль коснулся мерзлой равнины.

— Он опустился слишком жестко, — тревожно прошептал он. — Кажется, дюзы не работали временами, судя по свечению. Боюсь, что он рухнул.

Они бежали, спотыкаясь в тяжелой тьме, вдоль кромки бездны, туда, где исчезли отблески дюз. То, что они нашли, уже не было великолепным крейсером Легиона, а только грудой искореженного металла.

— Жизнь моя дорогая! — прохрипел Жиль Хабибула. — Здесь осталось не больше носа от несчастного корабля. Он никого уже не унесет с этой жуткой земли. Мы останемся здесь замерзать и умирать, как задумали Орко и его друзья-чужеземцы.

Боб Стар мрачно взирал на обломки. Огромные пластины брони были измяты и почернели, а массивные балки выпирали из разорванной плоти корабля, как сломанные кости. Иллюминаторы были выбиты, как ослепшие глаза. Дюзы расплющены. А колоссальная протонная пушка вырвана с турели. Этот погибший корабль только что был боевым кораблем Легиона...

Сердце его подскочило к горлу. Он отвернулся и грустно покачал головой. Он увидел, что Жиль Хабибула и Хал Самду глядят на него.

— «Непобедимый»...

Отчаяние парализовало голос, однако уже не нужно было ничего говорить. Могучий «Непобедимый» превратился в эти исковерканные обломки. Это означало, что жест дружбы не увенчался успехом. Это означало, что кометчики не имеют мирных намерений, и теперь,

поскольку они освободили Стивена Орко, этот архипредатель сможет защитить их от АККА.

— О, горе! — горько стонал Жиль Хабибула. — Это только ничтожный кусочек великого «Непобедимого». И, несомненно, гроб для бедного Джей...

— Возможно, он остался жив. — Боб Стар вцепился в эту слабую надежду. — Его каюта была впереди, в этой секции. И кто-то, должно быть, оставался жив, раз эти дюзы работали...

— Перед крушением, — пробормотал старик. — И я не вижу признаков жизни.

Хотя именно он заметил после того, как Боб Стар и Хал Самду не смогли проникнуть в этот фрагмент корабля.

— Парень, — спросил он, — ты видишь, что передний люк не поврежден?

— Да, — сказал Боб Стар. — Но он заперт.

— Так помоги мне добраться до него.

Они подняли его повыше, к механизму огромного входного люка. Он повис возле него на изогнутой балке, вглядываясь во тьму, в замок.

— Ах, я, бедный! — прошептал он печально. — Зачем понадобилось запирасть боевой корабль, как драгоценный сейф? Неужели не доверяют людям Легиона?

Боб Стар глядел и восхищался быстрой проворной уверенностью пухлых рук старика. Он почти не удивился, когда что-то щелкнуло под почерневшей броней и загудевшие моторы стали открывать наружный люк.

— Знаешь, дружище, — победно засопел Жиль Хабибула, — что нет другого человека в Системе, который мог бы открыть такой замок? Дело в том, что вряд ли мне удалось бы это — обратиться Джей ко мне, чтобы я помог конструкторам разработать его. Однако давайте поищем его.

В рубке было пусто и темно. Они остановились, чтобы прочитать последнее, аккуратно написанное послание в журнале:

«Падаю в направлении южного полюса Нептуна. Геодины отказали, дюзы повреждены. Пытаюсь сесть возле тюремной базы. Генеральный приказ: кометчики — наши враги, и Легион должен сражаться до конца.

Калам».

— Джей! — озабоченно гроыхнул голос Хала Самду. — Где ты?

— У себя в логове, конечно, — прошептал вдруг Боб Стар. — Оно звуконепроницаемо.

Они побежали назад через помещение с картами к задраенной двери, что вела в салон. Боб позвонил и стал ждать. Небольшая дверь открылась. Изнутри заструился золотистый свет, и затем он увидел высокого командира Легиона.

— Я думал, что я один. — Тихий голос Джей Калама звучал с внезапной радостью. — Боб! Хал... и Жиль! Я уже совсем было с вами распрощался.

Он провел их в спартанскую роскошь длинного потайного салона и закрыл дверь. Гигантское тело Хала Самду расслабилось в его тепле. Жиль Хабибула поспешил на кухню за горячей пищей, но Боб Стар не чувствовал ни комфорта, ни аппетита.

— Я пытался... — вырвалось вдруг у него. — Я действительно пытался, командор! — Он поставил чашку с парящим супом, не в силах глотать. — Однако я не смог. — Его тонкое лицо исказилось свирепым самоомерзением. — Я всего лишь трус, как и говорил Орко...

— Не говори так. — Джей Калам покачал головой, — Я слишком хорошо знаком с последствиями, которые оставляют такие устройства, как Железный Исповедник, чтобы винить тебя в чем-либо. Но я хотел дать тебе шанс проверить себя — отчасти ради тебя же.

— Спасибо, командор, — горько прошептал Боб Стар. — Однако я не оправдал! Я позволил Стивену Орко уйти, чтобы вынашивать замыслы убийства моей матери и вести кометчиков на Систему...

— Нет! — Голос Джей Калама был решителен и хмур. — Если здесь и есть чья-либо вина, то лишь моя — я слишком высоко поднимал знамя чести. Пожалуй, мне следовало

приказать убить Орко. Я знаю, что мне надо было позволить твоей матери уничтожить кометарный объект.

— Вы уверены?

Командор мрачно кивнул.

— Способ, которым кометки приняли предложенный нами жест дружбы, доказывает, что они абсолютно лишены высоких качеств, на которые я рассчитывал. Но, позволь, я тебе расскажу.

Не прошло и трех часов после того, как мы покинули Нептун, как экраны курсопрокладчика засветились. Мы ничего не смогли увидеть с помощью телеперископов, однако детекторы гравитации обнаружили присутствие невидимого объекта массой в пятьдесят тысяч тонн, приближающегося к нам сзади, словно он следовал за нами от Нептуна.

В надежде установить мирное общение я приказал гелиографическому отсеку высветить сигнал: МЫ ДРУЗЬЯ. Я был уверен, по предварительным докладам о невидимых налетчиках, что кометки знают о нас достаточно много, чтобы прочесть такое сообщение.

Однако они вовсе нам не друзья. Прежде, чем мы смогли повторить сигнал, «Непобедимый» был подхвачен грандиозной невидимой силой. Геодины против нее оказались бессильны. Словно гальку в потоке, нас понесло ко вражескому кораблю.

Ты можешь представить себе невидимый луч энергии, Боб, — тубулярное силовое поле, как могут назвать это математики, — достаточно мощное, чтобы тащить «Непобедимый», несмотря на включенные геодины, пять тысяч миль за пять минут? Именно это и произошло.

Затем на миг среди звезд мелькнул красный луч — со стороны невидимого корабля. И «Непобедимый» был разрушен, вся кормовая часть была уничтожена.

— Ого! — Жиль Хабибула отложил ложку, чтобы содрогнуться. — Я видел этот страшный свет. Я видел, как он испарил тюрьму и оставил этот кошмарный провал.

— Могу себе представить. — Командор помял длинный подбородок. — Материя не может быть уничтожена, и оружие твоей матери, Боб, не выводит, не должно выводить вселенную из равновесия, хотя и уничтожает бесследно целые планеты. Я могу догадаться, что случилось с кораблем и тюрьмой. Полагаю, я даже знаю это.

Он задумчиво кивнул, в то время как остальные придвинулись ближе.

— Материю нельзя уничтожить, — повторил он тихо. — Но ее можно превратить. Я полагаю, что красное свечение — эффект чего-либо, что превращает атомы в нейтрино, крошечные частички массы, которые могут проходить незамеченными сквозь любую материю.

— Должно быть, это и есть ответ, — согласился Боб Стар, с некоторым облегчением найдя какое-то объяснение появлению загадочного провала и все же покрываясь холодным потом при мысли о неведомой силе кометчиков.

— Как бы там ни было, — заключил вдруг Джей Калам, — вместе со мной остались в живых около сорока человек. Я не предпринимал попыток помешать им эвакуироваться на спасательных ракетах. Вихревая пушка была повреждена, мы не могли драться. Я остался на борту судна.

Шесть маленьких ракет помчались сюда, в направлении форта. Крошечный рой голубых звездочек, быстро мигающих во тьме пространства. — Темные глаза на мгновение прищурились, словно от боли. — Они отошли совсем недалеко, — хрипло прошептал он, — когда вдруг снова появился красный луч. Маленькие голубые звезды покраснели и погасли.

Огромное усталое лицо Хала Самду побагровело от гнева.

— Так они, выходит, перебили уцелевших? — пробормотал он.

Джей Калам мрачно кивнул.

— Вот какова цена кометчикам — и Стивену Орко, потому что, похоже, он теперь их новый союзник.

Боб Стар изумленно посмотрел на него.

— Каким путем они ушли, командор?

— Насколько я смог проследить за ними с помощью детектора, Боб, они возвратились на комету.

— Мы должны идти следом, — прошептал Боб Стар. — Стивен Орко должен быть уничтожен!

— Должно быть, — Джей Калам безрадостно улыбнулся, — он уже не заслуживает неприкосновенности. — Он устало пожал плечами. — Я надеялся получить подмогу в форте.

— Однако теперь для нас здесь нет помощи, — горько пробормотал Боб Стар. — Мы — единственные люди на этом застывшем континенте, и у нас нет корабля...

Вмешался Хал Самду.

— Боб, мы здесь не единственные люди.

— Что?

— Ах, верно, здесь есть и другие... враги, — засопел Жиль Хабибула. — В этом чудовищном смятении у нас не было времени рассказать тебе, парень. Но какой-то чужак выходил на нас из тумана, пока ты лежал без сознания возле провала.

— Почему ты назвал его врагом?

— Он мне не друг! — Старый солдат вздрогнул. — Поначалу я решил, что это случайно уцелевший человек из гарнизона, и позвал его. Ответ пришел из протонного пистолета. Луч прошел мимо — спасибо туману. Затем Хал бросил камень, и чужак убрался, рыча и подвывая, как раненый зверь.

— Вот как? — Казалось, у Джея Калама перехватило дыхание. — Вы уверены, что этот парень вышел не из форта?

— Это ясно как смерть, Джей. Я видел его в свете вспышки и уверен, что прошло много времени с тех пор, когда он мылся и брился для строевой проверки. Бородатый, волосатый, нечесаный, в выцветших тряпках.

— Странно, — сказал командор и тихо присвистнул. — Хотел бы я знать...

СМЕРТЬ НА НЕПТУНЕ

Когда они еще находились в окруженной стенами цвета слоновой кости роскоши салона Джея Калама на разбитом «Непобедимом», Боб Стар спросил:

— Мы можем подать сигнал о помощи?

Командор покачал головой.

— Рубка связи разрушена вместе с запасным оборудованием в складских отсеках.

— Но не можем же мы бездействовать, — прошептал Боб Стар. — Будь у меня еще шанс... — На время он погрузился в горестное молчание, пока у него не мелькнула искорка надежды. — А можем мы построить новый корабль из обломков?

— Я доволен хотя бы тем, что смог спуститься, — сказал тихо Джей Калам. — Лучшие мастера Легиона никогда уже не оживят эту груду металлолома.

— А нельзя ли?.. — Бобу Стару пришлось прикусить губу, чтобы не разрыдаться от бессилия.

— Я думаю, мы должны найти чужака из тумана, — сказал спокойно командор. — Если это не солдат гарнизона, то может оказаться, что он имеет возможность связи с внешним миром. Это не очень обнадеживающий план, однако ничего лучшего я не вижу.

Они искали косматого чужака три дня, но Бобу Стару удалось найти кое-что другое. Он остановился в туманной ночи. Фонарик качнулся в его руке, и тонкий луч света на миг покинул то, что он открыл. Жиль Хабибула подобрался поближе и вопросительно произнес:

— Во имя жизни, что это?

Из морозной тьмы вышли Джей Калам и Хал Самду, и все они склонились над находкой Боба Стар: клочками разорванной и заляпанной кровью одежды, небольшой грудой смерзшихся внутренностей, несколькими обглоданными костями и пустым черепом, все еще покрытым скальпом с желтыми волосами.

— Зеленая ткань... — Боб Стар поднял оторванный рукав. — Это форма Легиона.

— Ах, даже так! — Голос Жилия Хабибулы стал тонким стоном ужаса. — Какой-то бедный солдат Легиона был сожран здесь ужасным чудовищем из тьмы, может быть, и с нами...

Джей Калам вдруг склонился, чтобы поднять блестящий, запачканный кровью предмет. Он повернул его под светом. Это была эмалированная заколка из белого металла — фигура птицы, держащей в когтях маленький свиток. Командор изучил ее, склонившись, прерывисто дыша сквозь сжатые губы.

— Нет, — тихо сказал он, — этот человек был не из этого гарнизона. Мне довелось его знать. — Он помолчал и выпрямился, задумчиво глядя в туманный мрак. — У него были бледные робкие голубые глаза под желтыми волосами, а голос — мягкий, как у женщины. Он писал картины — обычно небольшие пейзажи. Он сочинял то, что считал стихами, и читал их вслух друзьям. Кажется странным, что такой человек мог вот так умереть.

— Кто это был? — прошептал Боб Стар.

— Его звали Джустин Малькар — друзья обычно называли его мисс Малькар. Однако только за глаза, потому что на деле он был компетентным офицером. Экипаж любил его достаточно, чтобы подарить ему эту заколку в последний раз, когда он привел корабль на Землю. Хорошо выбранный подарок. К таким безделушкам он тяготел, как женщина.

Командор нагнулся, чтобы положить заколку на камень возле обглоданных костей, и Боб Стар сказал:

— Не понимаю, что привело его сюда?

— Его слабость, я полагаю, — сказал Джей Калам. — И сила Стивена Орко. Он был, по-моему, на несколько лет старше Орко, но они имели одно звание, когда получали назначение в Юпитерианский Патруль. Очень скоро Орко прибрал его к рукам. Насколько я помню, его корабль одним из первых примкнул к смутьянам. Хотя он был неплохим человеком — просто Орко воспользовался его необычными слабостями.

Когда мятежники были разбиты, корабль Малькара исчез. Это была «Птица Зимородок», мощный новый крейсер. Орко сказал, что он был уничтожен нашими атомными выстрелами. Мы, однако, вскоре установили, что на нем бежал Марк Лардо — богатый каллистянский промышленник, главный помощник Орко.

Мы заподозрили, что они задумали возвратиться на крейсере и освободить Орко. Два года Легион обшаривал пространство в поисках исчезнувшего корабля, но это первый след...

Он вновь взглянул вниз, на сверкающую на камне яркую заколку.

— Но кто на него напал?

— Я думаю, мы найдем ответ, — тихо сказал Джей Калам, — когда отыщем бородатого бродягу, который стрелял в Жилия и Хала.

Он протянул руку и отстегнул с пояса картограф. Он взял с собой этот небольшой прибор, чтобы отмечать их продвижение. Он открыл крышку и вытащил ленту с записью.

— Мы примерно в семи милях от тюрьмы, — задумчиво сказал он. — Пока мы не располагаем иной информацией, предположим, что Джустин Малькар погиб поблизости от своего корабля. Следующий логичный шаг — обыскать округу, двигаясь по расширяющейся спирали...

— А, верно! — понимающе кивнул Жиль Хабибула. — Давайте уйдем подальше от этих костей, прежде чем за нами не начало охотиться чудовище.

Они пошли опять, дрожа в тумане. Боб Стар держал путь вокруг нагромождений валунов, по замерзшим склонам, через узкие долины вечной ночи. Джей Калам смотрел на светящийся прибор и тихо указывал направление.

Они не нашли других следов и повернули обратно, под кров разбитого корабля. Но вдруг Боб Стар свернул в сторону чего-то, возвышающегося во тьме и похожего на очередной валун. Странная тень по мере приближения приобрела реальные черты.

Блеск металла остановил его. Он различил черные овалы иллюминаторов и купол орудийной турели. Дрожащая надежда перехватила дыхание. Он услышал зов Джея Калама

и молча побежал обратно.

— Тихо! — прошептал он. — Это корабль...

Слова его были прерваны лучом слепящего света, который врезался в морозную землю рядом с ним.

— Он услышал нас! — прохрипел он. — Ложись!

Они простерлись на земле и заползли под укрытие скалы. Внезапно в скалу ударил меч фиолетового света, разбросав искрящиеся осколки.

— Боб! — прошептал Джей Калам. — Жиль? Хал? Все целы?

Однако застывшая тьма не ответила.

Боб Стар, будучи ближе всех к кораблю, едва избежал палящего луча огромной протонной пушки. Он ощутил шок, когда падал, и увидел, как огненная игла двинулась за ним следом, словно указующий палец смерти.

Он отчаянно пополз прочь, к кораблю. Игла опустилась до предела и вспыхнула снова. За его спиной взорвалась замерзшая скала, но ударная волна едва его коснулась. Он был уже вне пределов досягаемости иглы и побежал к главному входному люку. Мгновенный осмотр дал понять, что он закрыт.

— Парень! Где ты, парень! — Испуганный голос Жилия Хабибулы остановил его. — Ах, какие коварные вещи происходят с бедным старым солдатом Легиона!

Боб Стар вдруг с восхищением увидел, что тот ползет к корпусу, благополучно избежав светящегося луча.

— Первая вспышка меня ослепила, — горько прошептал Жиль Хабибула. — Я побежал не в том направлении, и теперь мы возле корабля, как в ловушке. Если попытаемся уйти, он нас срежет.

— Сюда, Жиль! — Вновь появилась надежда. — Ты можешь открыть этот замок?

— Возможно... если только ты будешь спокоен. — Жиль Хабибула порылся в карманах. — Ах, вот он — тот самый кусочек проволоки, который пропустил нас на «Непобедимый». — Он двинулся к люку, но тут же отпрянул. — Но зачем, дружище? Мне вполне достаточно того, что он благополучно заперт и из него не выскакивают вооруженные люди, чтобы убить нас.

— Открой, — сказал Боб Стар, — если можешь.

— Я могу, если я должен. — Он уже занялся со своей проволокой. — Странная штука — дорога гения, — печально сопел он. — Никогда мне не удавалось применить свой великий талант в мире и удобстве: когда кто-нибудь вызывает меня с просьбой проверить замок в целях безопасности закона, он кажется мне совершенно надежным. Мои способности словно спят до тех пор, пока не возникнет опасность. Они совершенно не хотят действовать без тоника спешки и опасности...

Загудели моторы, опуская наружный люк.

— Годится. — Он торопливо отступил. — Твоя очередь, парень.

Боб Стар прыгнул в открытую камеру воздушного шлюза. Прислушавшись, он услышал быстрые осторожные шаги, приближавшиеся по внутренней палубе. Он распластался на изогнутой металлической стене возле внутреннего люка и стал ждать, затаив дыхание. Затем перед ним появилось тупое дуло протонного пистолета.

Он схватил оружие и державшую его руку. Быстрый рывок выдернул коренастого бородатого мужчину из-за внутренней стены в узкое помещение воздушного шлюза. Чужак вдвое превосходил его весом, однако тут сказалась долгая тренировка. Быстрый удар нашел жизненный нерв, и он вытащил бородатого противника из шлюза.

— Жиль, — тихо позвал он. — Вот пленник для тебя.

В захламленном корабле его встретила тишина. Он нашел рубку брошенной, помещение для карт пустующим. Он устало поднялся во тьму, освещая путь лучом фонаря, но орудийная башня тоже была пуста. Бородатый был здесь один. Он вернулся наружу и закричал в морозную ночь:

— Командор, «Птица Зимородок» наша!

Пленный приходил в сознание в ледяном тумане. Жиль Хабибула сидел около его головы.

— Я — вице-король Каллисто, — глухо прорычал он. — Я Марк Лардо, друг великого Орко. Если вам нужна еда, я покажу, как ее добыть.

Двенадцатью часами позже Боб Стар и Джей Калам находились в рубке. Беспорядок и грязь исчезли, разорванные карты были аккуратно склеены и возвращены на стеллажи. Боб Стар почистил и осмотрел навигационные приборы, в то время как командор хмуро рассматривал загаженный корабельный журнал. Хал Самду, вычищающий грязь с палуб и из жилых отсеков, вошел, чтобы сообщить:

— Джей, пленный в каземате воет, как волк.

— Я думаю, он безумен, — сказал Джей Калам. — Это неудивительно. В любом случае, мы мало что могли для него сделать. Ты закончил?

— Ага, Джей, это уже становится похоже на прежний корабль Легиона. Ты еще не выяснил, как он здесь оказался?

— Здесь изложена часть этой истории. — Командор показал на загаженные измятые страницы журнала. — Из записей можно сделать вывод, что Джустин Малькар хотел сдаться вместе со Стивеном Орко. Он не ожидал особого снисхождения, однако в нем заговорила совесть. Он был готов заплатить за измену.

Ему не дали сдаться. Марк Лардо, первый фаворит Стивена Орко, проник на борт с дюжиной вооруженных головорезов. С этого момента записи стали неясны. Из тех фактов, которые нам известны, выглядит достаточно ясно, что Лардо действительно замыслил освободить Стивена Орко.

Он опять нахмурился, глядя на изорванные и окровавленные страницы.

— Удивительнее всего для меня, как ему удалось обнаружить местонахождение тюрьмы. Из датированных записей видно, что он знал это еще до того, как тюрьма была построена, — словно Стивен Орко был достаточно умен, чтобы рассчитать, где именно ее построят.

— Возможно даже такое. — Боб Стар не смог сдержать дрожи. — Он всегда казался нечеловечески разумным.

— В любом случае, — продолжал Джей Калам, — становится достаточно ясно, что Джустин Малькар сознательно саботировал попытки спасения, возможно, сознавая свою вину за другие преступления. План, видимо, состоял в посадке на Тритон, почти необитаемый, чтобы ждать там, пока не появится шанс выручить Орко, когда его будут этапировать в новую тюрьму.

Что Малькар достаточно удачно провел срыв плана, можно прочесть между строк. Несмотря на то, что он был опытным офицером, он ухитрился очень значительно сбиться с курса во время путешествия на Тритон — и неосторожно растратить топливо.

Он до конца держал заговорщиков в уверенности, что он вместе с ними. Он сумел использовать катодные платы до последнего кусочка и топливо до последней капли — и он сел здесь. Хотя форт был не более чем в дюжине миль, запись в журнале говорит о том, что он, якобы, находится в тысяче миль от этого места.

Он оторвал взгляд от последней захватанной страницы.

— Остальное мы узнаем из других следов. Похоже, что Малькар надеялся добраться до форта и выдать своих сподвижников. Ему это не удалось, возможно, открылся саботаж. В любом случае, корабль находится здесь без топлива и почти без продуктов — большинство припасов, видимо, было истрачено во время ожидания на Тритоне.

И Марк Лардо — единственный выживший.

— Останки, которые мы нашли... — Голос Боба Стара содрогнулся от ужаса.

— Этим плотоядным зверем был Марк Лардо. — Командор кивнул, губы его плотно сжались. — Похоже, ему удалось выманить сподвижников наружу, где их убил и сохранил холод. Возможно, он рассказал им сказку о посадке поблизости спасательного корабля, но на

самом деле он до налета кометчиков не имел представления о том, что находится возле самого форта.

— Ах, каннибал! — Жиль Хабибула слабо засопел, лицо его позеленело. — Трюм заполнен человеческими костями!

Джей Калам резко улыбнулся.

— Художник в тонкой душе Джустина Малькара должен быть удовлетворен, — прошептал он, — тем возмездием, которое он уготовил Марку Лардо. Послушайте его!

Из дальнего каземата слабо донесся прерывающийся хриплый крик безумца:

— Не выгоняйте меня! Они проголодались — Малькар и остальные! Не выгоняйте меня!

Задрожав, Жиль Хабибула закрыл дверь.

— Ах, Джей, ты подверг меня большому испытанию, — пробормотал он. — Но я вычистил силовые отсеки и проверил все дюзы и геодины.

Все трое вопросительно повернулись к нему, и Джей Калам спросил:

— Они способны работать?

— Насколько я могу видеть. — Старый солдат кивнул. — Однако катодные платы для генераторов отработаны до последней унции. А топлива, что осталось в резервуарах, не хватит, чтобы сдвинуть корабль даже на драгоценный дюйм!

ПОЛЕ КОМЕТЫ

Жиль Хабибула оставался на страже, в то время как остальные брели по замерзшей земле к поврежденному «Непобедимому» и возвращались обратно с носилками, груженными тяжелыми бочками с ракетным топливом. Затем Джей Калам, капитан, включил насосы, и Боб Стар, навигатор, занял пост в рубке.

Дюзы взревели, выпустив синее пламя, и «Птица Зимородок» оторвалась от мерзлой земли и сквозь зеленые сумерки полетела к месту крушения.

Потом они трудились многие часы, перетаскивая катодные платы и оставшиеся бочки с топливом из неповрежденных хранилищ мертвого «Непобедимого». Жиль Хабибула наведалься в камбуз, и прежде, чем они были готовы к полету, у них была горячая пища.

— Итак, отправляемся в Зеленый Холл, — довольно засопел он во время еды. — Чтобы собрать все флотилии Легиона против этого предателя и его чудовищных друзей... — Он вопросительно посмотрел на командора и на мгновение замолчал. — Мы будем держаться драгоценной Земли или, по крайней мере, легионерских доков на Марсе, правда, Джей?

Оставаясь мрачно-сосредоточенным, Джей Калам покачал головой.

— Я боюсь возвращаться, — тихо ответил он. — Вообще-то, я даже боюсь давать любые позывные Легиона. Потому что может оказаться, что Легион — это мы.

— Мы?.. — Жиль Хабибула поперхнулся. — Во имя сладкой жизни, что ты имеешь в виду?

— Кометчики подбили «Непобедимый» и освободили Стивена Орко, — сказал Джей Калам. — Это означает войну на истребление. Мы ничего больше не выиграем, если будем медлить: все говорит о том, что нам надо улетать немедленно, потому что кометчики собираются разгромить Легион и уничтожить Хранителя Мира.

— Мою мать... — Боб Стар прикусил задрожавшую губу. — Что мы можем сделать?

— Я обдумал наши действия и принял решение. — Высокий командор выпрямился, задумчиво потирая небритый подбородок. — Мы отправляемся немедленно в направлении кометы.

— Прошу тебя, Джей, — зарыдал Жиль Хабибула, — не надо так жутко шутить!

— Я думаю, что, находясь в полете к комете, мы будем в большей безопасности, чем на Земле. — Джей Калам по-прежнему печально глядел на него. — Если Хранитель Мира получит мат, нашим силам ничего не останется, только смотреть, что это за оружие, которое превратило крепость в провал.

— Ах, не говори таких вещей! — Жиль Хабибула шмыгнул и моргнул. — Неужели мы даже не можем попросить помощи?

— Не можем, не рискуя тем, что враг перехватит наше сообщение и ответит своим аннигилирующим лучом. — Затем Джей Калам сказал: — Может быть, мудрее не пытаться сигналить вовсе, но я решил, что надо попытаться счастья и при отправлении вызвать вспомогательную базу Легиона здесь, на Нептуне, возле заводов, вырабатывающих атмосферу.

— А если... — Боб Стар попытался сглотнуть ком в горле. — Если они не ответят?

— Тогда пойдем на дальнейший риск и пошлем весточку в Зеленый Холл.

— Однако на получение ответа уйдет много часов, — возразил Боб Стар.

— Неважно, кто ответит, — Легион или кометки. Мы не можем ждать, — тихо сказал Джей Калам. — Если даже окажется, что мы — единственная эффективная сила, оставшаяся от Легиона, я намерен действовать. Помни, что, если нам удастся убить или хотя бы снова пленить Орко, это может изменить всю ситуацию.

Джей Калам поднялся из-за стола, тихо добавив:

— Пожалуйста, рассчитай курс к комете на полной тяге. Не старайся экономить топливо на возвращение.

— Но ты же уже попытался! — Жиль Хабибула хотел было подняться и вновь утонул в кресле, выкатив бледные глаза. — У тебя был корабль в тысячу раз мощнее этого! — Он задрожал. — Теперь от него остались смертельные обломки!

Однако Боб Стар уже кипел воодушевлением. Несмотря на все предчувствия командора, намерение покинуть черный Нептун подняло его настроение. Он мечтал о чистом пространстве свободного космоса и о будоражащем кровь пении геодинов, и о новом шансе.

— Стыдно, Жиль! — громыхнул Хал Самду. — Если у нас есть хоть какой-нибудь шанс уничтожить этого человеко-зверя, прежде чем он сможет причинить вред Аладори, мы должны отправляться.

Его гневный взгляд опустился на вилку, и Боб Стар увидел, что огромные пальцы бессознательно смяли металл.

Командор послал его в оружейную башню. Жиль Хабибула был отправлен в силовой отсек, а Боб Стар пошел в рубку. И, наконец, они вырвались в открытые просторы космоса. Дюзы выбрасывали струи пламени, и в безмолвствующий корабельный передатчик вернулась жизнь.

Используя узкий луч и ограниченную мощность, тщательно заэкранировав все оборудование, Боб Стар вызвал вспомогательную базу на атмосферных заводах. Ответа не было. Он увеличил мощность и попытался опять, однако услышал лишь сухое потрескивание статики.

— Достаточно. — Джей Калам остановил его. — Мы не можем рисковать, увеличивая мощность, и не можем терять время. — Он дал Бобу Стару краткую зашифрованную радиogramму. — Это мой генеральный приказ: доклад об уничтожении «Непобедимого» и освобождении Орко и приказ Легиону драться до конца — если только от Легиона что-нибудь осталось. Отправь его на Контр-Сатурн и направляйся к комете на полном ускорении.

Тусклый зеленый сплюснутый шар — Нептун — тонул во тьме, испещренной звездами и оплетенной голубыми туманностями. Боб Стар вырубил дюзы после того, как была отправлена радиogramма, и затем он включил геодины. Чувство движения исчезло, потому что изменилось качество тяги, но зеленоватая планета стала пропадать с волшебной скоростью, уносясь прочь, к меньшему шару, Тритону.

Позади пылало яркое, но крошечное далекое солнце в стылой тьме, едва соперничая с наиболее яркими звездами. Гигантский Юпитер и более мелкий Сатурн казались слабыми искорками на экранах телеперископов. Земли, которая была гораздо меньше их, вовсе не было видно.

Боб Стар, однако, не смотрел назад, взгляд его был прикован к комете. Он был в рубке

один. Единственным звуком, помимо его дыхания, являлось высокое гудение нагруженных генераторов. Яркое бледно-зеленое свечение кометы поглощало невеселые мысли. Что это было на самом деле?

Очевидно, они были разумны. Сверхразумны. Они были невидимы или могли становиться такими. Вооружение невидимого разведывательного корабля разрушило лучший боевой корабль Системы и растворило тюрьму-крепость в ничто.

Больше люди ничего о кометчиках не знали, но Боб Стар настойчиво пытался нарисовать их в своем воображении. Человекоподобны ли они? Он пытался поверить, что да, человекоподобны, ибо на эту мысль наводило явление девушки в тюремной стене...

— Парень, парень, — растормошил его Жиль Хабибула. — Ты задремал. Мне кажется, твой отец слишком долго держал тебя взаперти в Пурпурном Холле, раз уж ты разглядел какую-то девушку. Однако не надо путать любовные сны с правдой.

— Сны! — быстро возразил он. — Девушка, которую я видел, была так же реальна, как и ты, Жиль. И она оказалась в ужасной беде причем из-за Стивена Орко и кометчиков. Я все же верю, что мы найдем ее, если вообще доберемся до кометы.

Джей Калам был, тем не менее, столь же скептичен.

— Если девушка, которая, как тебе кажется, была реальна, то она не может быть жительницей какой-нибудь из планет Системы. Мы не имеем представления о научных принципах проектирования образа, подобного описанному тобой, без компьютерного оборудования. Ты считаешь, что она — обитательница кометы, возможно, член какой-нибудь дружественной нам фракции. Но существуют миллионы шансов против этого.

— Почему? — прошептал Боб Стар.

— Потому что возможности для разнообразия жизненных форм бесконечны, — рассудительно ответил командор, — и структурная адаптация протоплазмы к влиянию условий настолько удивительно сложна, что на всех планетах всех солнц по всей вселенной, возможно, не было и никогда не будет другой расы, в точности похожей на нашу.

Джей Калам печально и добродушно улыбнулся.

— Я боюсь, что Жиль прав. Я полагаю, тебе следует относиться к этому инциденту, как к полностью субъективному — как к продукту твоих собственных подсознательных страхов и надежд, реагирующих на стимуляцию агента, который, вероятно, лишил тебя сознания. Скорее всего, кометчики не человеческие существа, а нечто, что ты вообще навряд ли назвал бы жизнью.

Боб Стар стоял, глядя на зеленоватое пятно кометы в телескоп, пока корабль и весь окружающий мир не прекратили существовать. И остались в космосе он да этот огромный зеленый глаз, и глаз притягивал его к себе, в свою неведомую бездну.

Если кометчики не люди, то кто же они? Монстры со щупальцами? Одушевленные растения? Кристаллическая жизнь призматической формы? А может быть, вся комета — единое древнее существо? Может ли разум существовать не в отдельных индивидуальностях, а быть принадлежностью целого?

В мозгу пустил корни ужас, питаясь его фантастическими умозаключениями. Пытаясь найти путь бегства от этих ужасов собственного воображения, он вернулся к астрономической задаче, которую начал решать в Пурпурном Холле. Глядя на этот забытый астероид, он пытался выяснить, откуда он мог появиться. Ему ничего не удалось обнаружить, однако он открыл кое-что другое.

— Что-то происходит с Плутонем, — сказал он Джейу Каламу, когда командор пришел сменить его. В его усталом голосе слышалась хрипота ужаса. — Я проверил десяток раз свои наблюдения, и ответ все тот же. Он покинул орбиту и дрейфует к комете! Я знаю, что это звучит безумно и вряд ли вы поверите...

— Поверю. — Темное лицо командора не выражало скептицизма, лишь сосредоточенность. — Это сходится с секретными сообщениями, которые мы получили от обсерватории на Контр-Сатурне. Множество малых астероидов оттягивается с их орбит к

комете — возможно, это та же сила, которая схватила «Непобедимого». Похоже, они похищают планеты...

— Если они могут это... — Боб Стар лишился дара речи и дрожал в страшных ожиданиях.

Высокий командор пожал плечами, готовый смириться со всем, что бы ни произошло.

— Ты устал, Боб, — сказал он. — Иди в свою каюту и поспи.

Боб Стар побрел прочь как выработавшийся робот. Не раздеваясь, он упал на койку. Но сон не шел, потому что зеленый глаз кометы все смотрел на него. Он следил за ним даже здесь, в каюте, и рыскал в его мозгу.

Тонкий вой генераторов стал призрачной гипнотической мелодией. Онемевший мозг воспринимал их как расстроенные минорные струны. Когда, наконец, он погрузился в тяжкий полусон, страх его не оставил.

Спустя четыре таких же напряженных дня он доложил Джею Каламу с тусклым удовлетворением в голосе:

— Через пять часов при нынешнем торможении мы достигнем поверхности объекта.

— Если только кометчики нас пустят!

Боб Стар покинул рубку. Слишком возбужденный, чтобы заснуть, он прогуливался по крейсеру. В силовом отсеке он нашел Жиля Хабибулу, сидящего на полу возле геодинов, раскинув широко толстые ноги. Вокруг валялись пустые бутылки, он сам был очень пьян. Завидев Боба Стару, он вопросительно уставился на него.

— Смерть моя! — прохрипел он. — Ты меня ужасно напугал, парень. Сначала мне показалось, что это какой-то жуткий монстр подкрался, чтобы меня уничтожить. Ах, что за страшное путешествие!

Он пошуровал среди бутылок и нашел не совсем пустую.

— Садись, парень, и прими капельку винца. Его драгоценная теплота слегка разгонит холод в твоём сердце. Ах, бедный старый Жиль стал жалким солдатом, Боб, и спасает его только красная храбрость, что вытекает, пенясь, из бутылки.

Это печально, дружище, но век человека закончен. Эти монстры будут отныне править Системой. Возможно, нам посчастливилось быть среди первых, кто встречает кометчиков, и умереть прежде, чем мы узнаем, кто они такие. Однако я намерен встретиться с ними пьяными. — Он снова приложился к бутылке.

Боб Стар вернулся к телеперископам и стал смотреть, как растёт комета. Ее острый по краям, зеленоватый овал был размерами с яйцо, а теперь оказался величиной с человеческую голову. Она мчалась в черном космосе. Она глотала звезды, превращаясь в зеленое море, заполняя все небеса...

Он и Джей Калам изучали ее с помощью всех приборов, которыми располагал корабль.

— Я ничего не могу обнаружить. — Командор покачал головой, смущенный и явно испуганный. — Эта зеленая поверхность — идеальный геометрический эллипсоид. Он полностью лишен каких-либо особенностей. С этого расстояния мы должны были бы увидеть любой предмет размером в дом или в дерево. Однако ничего подобного.

— Налетчики были невидимы, — заметил Боб Стар.

— И возможно, что они живут на поверхности, которую мы видим. — Джей Калам задумчиво потер уголок смуглой челюсти. — Но я так не думаю. Более похоже, что эта зеленая поверхность окажется каким-либо покрытием, хотя и из неизвестного нам материала. Корпус, будем говорить так, огромного корабля. Он движется как корабль. Следующая наша проблема — как пробраться внутрь.

А объект все увеличивался. Он уже закрыл половину звезд, когда зазвенела система тревоги. Боб Стар в замешательстве подскочил к приборам. Он быстро считал информацию со светящихся шкал и проанализировал результаты с помощью компьютера.

— Мы встретились с мощным отталкивающим полем, — сказал он Джею Каламу. — Оно уже погасило большую часть нашей скорости.

Он запросил силовой отсек, чтобы приказать отключить генераторы, однако поглощение не прекратилось. Он вновь обратился к Жилу Хабибуле, чтобы встретить поле толчком геодинов. Четверть мощности... половина... полный рывок...

Наконец, он повернулся к командору, ошеломленно качая головой.

— Вся наша скорость погашена, — сказал он. — Мы теперь пятимся прочь от кометы, и это при полной тяге геодинов!

— Выходит, видимо, что зеленая поверхность — действительно защитное покрытие, — медленно сказал Джей Калам. — Это барьер той же энергии, которая притягивает Плутон к комете.

— Как бы там ни было, нам туда не проникнуть. — Боб Стар выпрямился, стараясь не показать своего отчаяния. — Из полученных мною данных ясно, что это отталкивание у зеленой поверхности должно возрастать до бесконечности. Ничто уже не сможет прорваться в... — Дикий крик ужаса прервал его.

— Это сумасшедший, — прошептал он хрипло. — Марк Лардо.

Булькающий визг повторился:

— Они здесь! Они голодны! Не давайте... Не давайте им есть!

Боб Стар повернулся к своим приборам, чтобы опять узнать об интенсивности отталкивания. Пленный время от времени орал с момента его заточения, хотя еще ни разу в его крике не было такого одинокого ужаса. Он почувствовал ладонь Джея Калама на своей руке.

Он хотел возразить, поскольку это было слишком чудовищно, чтобы быть правдой. Собственно говоря, он ничего не слышал. Глаза его не видели ничего. И все же, еще до того, как Джей Калам прикоснулся к его руке, разум его съежился, почувствовав чье-то страшное невидимое присутствие.

— Смотрите! — С губ его сорвался крик. — Зеленый...

Зеленый туман затягивал приборы у него на глазах. Тело покрылось мурашками. Все чувства каким-то образом отключились. Он едва слышал шепот Джея Калама:

— Так было в тюрьме Орко?

Он не мог ответить. Тело превратилось в неуклюжую, не повинующуюся машину. Он понял, что падает. Смутно, с далекого расстояния он слышал тонкие безумные вопли Марка Лардо:

— Не давайте им есть!..

КОМЕТЧИК

Боб Стар, преодолевая боль, поднялся с палубы на узком мостике. Члены онемели, и их неприятно покалывало. Смутное настойчивое звучание системы тревоги медленно стихало в ушах, и корабль погружался в грозную тишину. Крики Марка Лардо прекратились. Он вдруг понял, с чувством отчаяния, что не слышит геодинов.

Джей Калам стонал там, где он упал, и Боб Стар склонился над ним. Тело его было скорченным. Кожа покраснела и была холодна от пота. Биение сердца и дыхание — нерегулярны и замедленны.

Боб Стар вернулся к приборам. По оси отклонения — ноль, потенциал поля — ноль. Корабль уплывает прочь от кометы, беспомощный против поля отталкивания.

— Наш посетитель? — слабо произнес Джей Калам с того места, где лежал. — Ушел?

— Думаю, ушел. — Боб Стар помог ему подняться.

— Что это было?

— Я не знаю. — Боб Стар попытался сглотнуть сухой ужас в горле. — Я ничего не видел, кроме зеленого тумана.

— Интересно, действительно ли это был туман? — Джей Калам неуверенно стоял, покачиваясь, однако на его лицо уже вернулась хмурая озабоченность. — Или, быть может, это эффект излучения, который закорачивает нервные волокна. Инженеры Легиона

экспериментировали с радиацией, которая способна это сделать. — Он взглянул на хронометр. — Как долго мы были без сознания.

— Пожалуй, минут десять, — сказал Боб Стар.

Джей Калам послал его посмотреть, что случилось с остальными. Сдавленный стон привел его в оружейную башню.

Хал Самду с трудом поднимался на ноги подле огромной протонной пушки, изо всех сил напрягая могучие руки.

— Эй, Боб! — пробурчал он. — Что с нами стряслось?

— Я еще не знаю. Скажи, Хал, ты что-нибудь слышал? Или чувствовал?

Хал Самду потряс головой.

— Ничего не видел. В корабль заползла чудовищная тень. Потом — зеленый туман перед глазами, и я не смог ничего увидеть. Тело охватил паралич, и я не мог двигаться. Это все, что я знаю.

Боб Стар начал спускаться в силовой отсек, но тут придушенное хлюпанье заставило его пройти в каземат. Он посмотрел сквозь решетку на Марка Лардо. И тут ужас лишил его сил. Хрипя и дрожа, он вцепился в прутья, глядя на тварь, лежащую на полу. Марк Лардо прежде был большим — косматый могучий человеко-зверь. Но это сморщенное существо перед ним было не больше ребенка. Кожа у него была неестественно белой и чудовищно иссохла. Он неподвижно лежал на палубе и жалобно подвывал.

— Лардо! — Голос Боба Стара звучал глухо от ужаса. — Марк Лардо! Ты можешь меня слышать?

Тварь слегка пошевелилась. Сморщенная головка запрокинулась, и Боб Стар попятился от решетки. Он увидел ее глаза. Они были глубоко погружены в крошечный череп и казались странными. Он подумал, что Лардо, должно быть, ослеп. Вокруг глаз лежали длинные желтые тени. В этих глазах не было ничего человеческого. Чувствуя тошноту, Боб Стар поплелся прочь.

Марк Лардо, хоть и безумный, всего лишь час назад был человеком, массивным и мощным, и его сильный дикий голос звучал по всему кораблю. Это иссушенное ужасом существо не было больше человеком. Оно было более чем вдвое меньше Марка Лардо, и очень мало в нем осталось от свирепой животной жизни.

Боб Стар, спотыкаясь, спустился по ступенькам в силовой отсек и остановился, раскачиваясь, на палубе.

— Жиль! — хрипло позвал он. — У тебя есть вино?

Безутешный Жиль Хабибула лежал, привалившись к одному из геодиновых генераторов. Он хныкал и, казалось, не слышал его.

— Жиль, — опять окликнул его Боб Стар, — я хочу выпить.

Тот услышал и медленно побрел по помещению.

— Ах, парень! — Он уже не был пьян, зато горько плакал. — Ты нашел меня в злой час, парень. Мои бедные геодины... будто дорогого друга убили! Я думаю, нам обоим нужно выпить.

Он нашел полную бутылку в ящике, в котором следовало хранить инструменты. Боб Стар залпом осушил ее наполовину. Жиль выпил остальное и вытер понурое желтое лицо обратной стороной ладони.

— Я старый генераторщик, — хрипло пробормотал он, — однако никогда я не встречал таких мощных геодинов, как эти, и чтобы они так же сладко пели. Когда они были живы, парень, они всегда отвечали на мои прикосновения. Они пели мне. Они любили меня, и посильнее, чем иная женщина.

Но теперь они мертвы, парень. Мертвы. Убиты и искалечены. Каждый виток разрезан на тысячу бесполезных кусочков проволоки. Каждая сетка, каждый проводок — все раскурочено, разорвано. Даже все платы разбиты, и генераторы уже никогда не запоют снова.

— Они выглядят целыми, — возразил Боб Стар.

— Ах, да, — печально засопел старик, — сияющая красота осталась. Однако драгоценная жизнь кончилась. Я сидел здесь, слишком основательно наполненный вином, вином и осторожностью, чтобы остановить тварь, которая их убила. — Он повернулся, чтобы извлечь новую бутылку. — Но давай-ка еще выпьем и не будем больше говорить о страшной твари, которую я видел.

— Ты видел ее? — Боб Стар взял бутылку и потащил его к скамье. — Садись, Жиль, и расскажи, что ты увидел.

— Дай мне выпить, парень, — взмолился тот хрипло. — Дай мне залить это чудовищное воспоминание, пока я не спятил, во имя драгоценной жизни!

Боб Стар отобрал у него бутылку.

— Ах, ладно, я расскажу тебе, что я увидел, — пробормотал Жиль наконец. — Если ты считаешь, что это поможет нам защитить твою драгоценную мать. Но не то, что я увидел, заморозило мои бедные старые кости. То, что я чувствовал, — холодное, зловонное дыхание смертельного зла.

— Так что же ты видел?

— Болезненное предчувствие беды угнетало меня еще с тех пор, как мы покинули Нептун, — засопел Жиль Хабибула. — Даже вину было не под силу справиться с ним. Внезапно, совсем недавно, я почувствовал, что какая-то ужасная тварь заползла на корабль. Я услышал, как Марк Лардо завыл громче.

Мне следовало бы убежать, однако бежать было некуда. И вскоре я не мог двигаться, потому что зеленый туман заледенил мое бедное тело. Я не мог пошевелить и пальцем, даже поднять драгоценную каплю вина. Ах, да, парень! Я сидел здесь, на палубе, а бутылка была у меня между коленей. Я никогда так не нуждался в выпивке за сорок лет службы, но я не мог поднести эту жалкую бутылку к губам.

Затем тварь пришла в силовой отсек. Я с трудом мог повернуть свои тусклые старые глаза из-за паралича. Она прошла отчасти по проходу, отчасти прямо через механизмы. Даже защита геодинов не была для нее преградой. Она прошла к нам...

— На что это было похоже? — хрипло прервал его Боб Стар. — На человека?

— Не спрашивай, как она выглядела, — взмолился старик. — Давай выпьем и забудем этот коварный ужас.

— Прошу тебя, — настаивал Боб Стар, — ради моей матери!

— Эх, ну, если мы должны. — Наполненные ужасом глаза закатились вверх. — Она стояла десяти футов в высоту. Сотворенная из движущегося пламени! Голова фиолетовая, яркая и крошечная как звезда, и холодная как лед, окутанная маленьким облаком пурпурного тумана.

Ногами ее была другая звезда, горячая и красная, а посередине маленькая луна красноватого тумана. Между фиолетовой звездой и красной — столб зеленоватого пламени. Веретенообразной формы. Он вращался, он ни на миг не останавливался. Вокруг утолщенной середины веретена было широкое зеленое кольцо. Какой-то кристалл, быть может. Он казался твердым — но все же он был не слишком твердым, чтобы не пройти через механизмы. Вот на что это было похоже, насколько я могу тебе это передать. Однако весь ужас в том, как я при этом чувствовал себя.

— Выходит, гость выглядел именно так? — задумчиво кивнул Боб Стар. — А теперь расскажи мне, что он делал.

— Он вполне достаточно сделал для моих драгоценных геодинов, парень. Заклубился туман — рука протянулась сквозь твердый металл их блоков. И песня геодинов превратилась в ужасный надрывный звук. Это был их смертный крик.

Тварь оставила их на миг и пошла ко мне. — Толстый загривок старика задрожал. — Я думал, что пропал, парень. Тварь была голодна, причем шумным зловонным голодом. Она жаждала моей жизни, парень. И она протянула зеленый палец, чтобы убить меня, как убила геодины.

Но тут снова завизжал Марк Лардо. — Жиль Хабибула вздохнул. — Это-то и спасло

меня, парень. Злая тварь увидела, что я старик, ослабевший от многих тягот, и плоть моя отравлена вином. И она покинула меня ради сладкого мяса сильного молодого мужчины.

Она уплыла прочь сквозь металлическую обшивку корабля, даже не подумав воспользоваться дверью. А я остался сидеть, прислушиваясь к визгу. Последний крик превратил кровь в лед в самом сердце у меня, парень. И это было все, что я услышал.

Боб Стар стоял безмолвно, думая о хнычущем сморщенном существе, которое оставалось в камере Марка Лардо. Жиль Хабибула взял из его рук бутылку и запрокинул ее. Желтое горло конвульсивно пульсировало, пока не вытекла последняя капля.

Тварь в камере еще не умерла, когда Боб Стар, борясь с дрожью, заставил себя вернуться. Существо, однако, больше самостоятельно двигаться не могло, потому что смертельная дезинтеграция уже сказалась. Видя, что оно больше не проявляет признаков жизни, Боб Стар позвал Джея Калама. Они безмолвно вошли в камеру, чтобы вынести его, и заставили себя стянуть с Марка Лардо одежду, которая была ему уже слишком велика.

К тому времени, когда они уложили его на койку, сморщенные пальцы рук и ног начали отваливаться. Пытаться оказать медицинскую помощь было бесполезно, хотя последнее болезненное проявление жизни произошло еще более чем через час. Отсутствовали какие-либо признаки сознания, но выражение на кукольном лице и хнычущие звуки убедили Боба Стару в том, что существо еще чувствует боль.

Наконец, глаза покинул желтоватый оттенок. Они оставили ужасное, белое, явно слепое и сияющее какой-то иризацией, которая охватила уже все тело, существо. Оно уже не двигалось. Останки продолжали съеживаться, пока Боб Стар и Джей Калам не завернули то, что осталось, в покрывало и не выбросили с корабля в космос.

Джей Калам провел после этого два часа, изучая маленький образец, который он взял для анализов. Он вернулся с выражением смутного беспокойства на лице.

— Это не человеческая плоть, — сказал он Бобу Стару. — Несколько элементов, которые должны находиться, в теле, полностью отсутствуют. Остальные присутствуют, но в неправильных пропорциях. Химический состав протоплазмы полностью изменился.

Что-то съело Марка Лардо, — сдавленно заключил он. — Он потерял девятнадцать фунтов веса. То, что от него осталось, не было ни человеком, ни даже живым существом.

— Командор, — прошептал Боб Стар. — Но... что, по-вашему, это было?

Джей Калам задумчиво нахмурился.

— Мы ожидали найти на этом объекте подобную жизнь. Однако я верю, что тварь, которую видел Жиль, в некотором роде живая. Она проявляет разумность и целенаправленность. Она движется. Она ест.

Голос его перехватило, бледное лицо стало жестким, но он тут же продолжил, почти неслышно:

— Она, должно быть, в некотором роде, материальна. Она потребила девятнадцать фунтов вещества из тела Марка Лардо. Хотя она достаточно свободна от материальных ограничений, чтобы двигаться сквозь прочный металл.

Он неуютно пожал плечами.

— Пожалуй, нам чего-нибудь в этом роде и следовало ожидать, — добавил он, — потому что кометки явно далеко обошли нас в науке. Они наверняка способны манипулировать материей и энергией, возможно, даже пространством и временем посредством способов, находящихся вне нашего понимания.

Боб Стар некоторое время молчал, мрачно цепляясь за прежнюю свою веру в человекоподобность существ с кометы, ибо для него это означало реальность девушки в стене тюрьмы Стивена Орко. Однако вера в ее существование угасла под натиском безмолвного ужаса, который до сих пор не покидал корабль.

— Я читал одну старую легенду, — проговорил он вдруг, — о существах, которые считали, что пить кровь живых...

— Вампиры... — Джей Калам покачал темной головой, словно в беспомощном протесте против того, что они увидели. — Давний и неубедительный миф в сравнении с

кометчиками.

Он помолчал, затем сделал долгий хриплый вздох.

— Мы догадывались, чего они хотят, — сдавленно прошептал он, — а теперь, я думаю, мы это знаем. Я полагаю, что они явились в Систему ради... еды.

Хал Самду издал хриплый нечленораздельный звук.

— Драться! — всхлипнул он. — Мы должны драться! Жиль, ты должен наладить генераторы.

На щеках старика заблестели слезы.

— Это невозможно, — простонал он. — Мои горделивые красавцы — они убиты кометчиками.

Боб Стар вернулся в рубку вместе с Джейм Каламом.

— Мы уже за пределами поля отталкивания, — сообщил он, когда они провели наблюдения. — Но мы по-прежнему на высокой скорости летим прочь от кометы и не в состоянии ничего сделать. — Он горько засмеялся. — С помощью одних лишь дюз...

В этот момент экраны вспыхнули красным. Зазвучали тревожные сигналы. Он повернулся взглянуть на экран носового телеперископа и, не дыша, произнес:

— Впереди астероид!

АСТЕРОИД

Пальцы Боба Стара носились по клавиатуре управления дюз. «Птица Зимородок» дрожала от рывков. Голубые струи пламени полыхали в вакуум прямо по курсу, освещая экран телеперископа.

— Астероид? — прошептал Джей Калам. — Ты уверен?

— Уверен, — сказал Боб Стар, слишком занятый, чтобы повернуться. Детектор гравитации показывает впереди инертную массу. Миллионы тонн. Поля отражателей не могут сдвинуть ее ни на дюйм. Однако я изменил курс с помощью дюз... Я думаю, достаточно...

— Астероид, — задумчиво произнес Джей Калам. — Конденсационные теории космогонии указывают на существование таких крошечных тел на окраинах Системы. — Но я не слышал, чтобы хотя бы одно из них было открыто так далеко от Солнца. Мы ведь в миллиардах миль от орбиты Плутона.

Боб Стар за телеперископом внезапно перестал дышать.

— Я вижу его! — закричал он. — Он еще далеко и, по счастью, левее...

Он склонился над экраном.

— Что это?

— Это всего лишь крошечный неправильной формы камень, — неуверенно ответил Боб Стар. — Возможно, не более полумили в диаметре. Однако, мне кажется... — В голос его закралось сдерживаемое восхищение. — Мне кажется, что он обитаем.

— Боб, — возразил командор, — это почти невозможно. Слишком далеко... отсутствует на картах...

— Диффузия света, — настаивал Боб Стар, глядя на экраны, — говорит о существовании атмосферы. А такое маленькое тело не может удерживать атмосферу без искусственного гравитационного поля. Я уверен...

— Планетарная инженерия — дело дорогостоящее, Боб, — напомнил ему Джей Калам, — особенно если оборудование приходится доставлять так далеко. И построить что-либо на подобном астероиде втайне выглядит делом невозможным.

— Вижу! — прошептал Боб Стар. — Я опять заметил, уже на большом увеличении.

Он оглянулся, лицо его сияло удивлением.

— Да! Он обитаем, командор! Я видел растительность — там есть растительность! И еще я вижу здание — длинное белое здание. Рядом корабль — маленький геодезический крейсер. А позади, на маленьком холме, — башня ультракоротковолновой связи.

Рука Джея Калама твердо сжала его плечо.

— Ты можешь сесть туда, Боб?

— Сесть? — Боб Стар отвернулся от экрана, чтобы взглянуть на другие приборы. — Не знаю, — сказал он медленно. — Наша относительная скорость очень велика. Мне понадобится много ракетного топлива для остановки без геодинов.

— Мы должны, если можем, — сказал Джей Калам. — Потому что на этом калеке мы беспомощны. Если сядем, то, может быть, нам удастся воспользоваться этим кораблем, который ты видел. Или, по крайней мере, дать сигнал о помощи на какую-нибудь базу Легиона.

Боб Стар, занявшийся приборами, казалось, уже не слушал его. Наконец, он снял данные с последнего прибора и быстро повернулся к зажиганию ракетных двигателей.

Встревоженный Джей Калам спросил:

— Что ты решил?

— Я думаю, мы сможем это сделать, — сказал Боб Стар. — При этом топлива, которое останется, вряд ли хватит даже на то, чтобы зажарить яйцо. Мы не сможем покинуть астероид вновь, если не получим другой корабль или, по крайней мере, новый запас ракетного топлива.

Снова взревели дюзы, повинувшись клавиатуре.

— Я найду Хала Самду, — сказал командор, — и пошлю его к протонной пушке. Будь наготове, Боб, потому что я не думаю, что мы обязательно встретим дружественный прием. Честные люди не устраивают потайных убежищ в миллиарде миль за пределами Системы. Если честно, этот астероид меня озадачил.

Очевиднейшая догадка — что это укрытие преступников. Однако оно удалено от возможной сцены действий. Пираты вряд ли сочли бы это место удобным для своих randevu. Никакой выгоды отвозить так далеко синтетические наркотики. Я не знаю, чего и ожидать, кроме враждебности.

Но даже в этом командор был разочарован. Боб Стар пристально осмотрел крошечный мир, когда «Птица Зимородок» спускался на него на голубых огненных струях. Хал Самду тем временем дежурил за своей огромной протонной пушкой. Однако из ультракоротковолновой башни не последовало вызова. Не выстрелило и скрытое протонное орудие. Опускающийся чужой корабль не вызвал ни малейшего движения. Крошечная белая пылинка геодезического крейсера неподвижно покоилась на ракетодроме рядом с загадочно застывшим белым зданием.

«Птица Зимородок» затихла, наконец, на выровненной щебенке маленькой площадки возле другого корабля.

— Ну что ж, — невесело рассмеялся Боб Стар, показывая на топливный манометр, который стоял на отметке «Пусто».

Джей Калам всматривался в иллюминатор с недоумением на лице.

— Странно, — сказал он, — что наше прибытие не произвело никакого впечатления. Чужие корабли не должны бы садиться здесь ежедневно.

Боб Стар огляделся. Возле стройного яркого корпуса неподвижного корабля он увидел белые стены и колонны здания. Оно было огромным, прочно сложенным, и сияющая поверхность его говорила о дорогостоящей художественной простоте. Маленькое искусственное озеро сверкало, словно снежинка белого серебра в пурпурном сумраке звездного неба. И все вокруг было окутано тишиной и окружено экзотической красотой ландшафта.

Такие маленькие планетоиды никогда не бывали круглыми. Поверхность этого представляла собой нагромождение шипов и утесов, выбоин и пропастей. Бледная трава и яркие ровные рощицы покрывали наиболее пологие склоны.

Разноцветные лишайники покрывали выступающие камни зеленым, алым и золотым.

По тонкому лицу Джея Калама поползла медленная улыбка восхищения.

— Да, это волшебная страна, — прошептал он. — Мечта.

Его сияющие глаза перемещались с одной странной перспективы на другую, выделяя красоту покрытых лишайником каменных нагромождений, детский смех мерцающих садов, прохладную улыбку серебристого озера и простое гостеприимство длинного белого здания.

Возле него Боб Стар почувствовал странную, болезненную радость, прокрадывающуюся в сердце. Каждый камень, каждое дерево зывали к нему в тихой молитве. Вся крошечная планета тянула к нему манящие, ласковые руки волшебства. Они качали его разум, словно в колыбели покоя. Система внезапно оказалась очень далеко, бедствия человечества стали совершенно нереальны. И он знал, что уйти будет очень непросто.

— Ты чувствуешь, Боб? — прошептал вновь Джей Калам. — Ты чувствуешь руку гения в равновесии, ритме и форме каждого камня, каждого растения и каждой травинки? Слышишь ли пение художника в очертаниях, массе и цвете?

Боб Стар молча кивнул.

— Этот мир обжитой, Боб, не иначе, — продолжал он тихо, — он обжит духом человека, который его создал. Он зовет к тебе из любой перспективы, с радостью, с миром, со смехом и с любовью. Или, иногда, с ужасом, когда камни дики и темны, а деревья бледны и скрючены, словно чудовищные карлики.

Что-то заставило его задрожать.

— Но он мертв. Его создатель мертв. — Тихий голос звучал со странной полуотвлеченной убежденностью. — Он мертв, и его дух пытается звать к нам голосом красоты, которую он создал.

Внезапно он покачал головой.

— Я почему-то чувствую это, — сказал он кратко. — Однако у нас нет времени на болтовню, Боб. Мы должны разобраться, что случилось с этим миром, почему все так недвижимо. И выяснить, сможем ли мы летать на этом корабле.

Они оставили Хала Самду дежурить в оружейной башне. Трое, осторожно сжимая в руках протонные пистолеты, спустились из воздушного шлюза «Птицы Зимородок». Синтетический воздух крошечного мира был свеж и прохладен, к нему добавлялся аромат садов. Но над всем довлело неуютное молчание.

Они быстро пересекли пустынное посадочное поле и подошли к другому кораблю. На полированных серебристых боках не было названия. Он был маленький, но зато новее, современнее и совершеннее, чем последние геодезические крейсера Легиона.

— Хороший корабль, — сказал Джей Калам. — Люки задраены, иллюминаторы закрыты, словно он подготовлен к полету.

— Ах, да, — пробормотал Жиль Хабибула слабым встревоженным голосом. Глаза его испуганно и нервно метались туда-сюда. Казалось, что желтое лицо его побледнело, толстые члены дрожали. Он старался держаться между Бобом Старом и командором.

— Ах, да, — повторил он, — однако это не так. — Он показал на темное маслянистое пятно на щебенке возле корабля. — Заглушки резервуаров открыты, — сказал он. — Драгоценное топливо все вытекло на щебенку.

— Это так, — сказал Джей Калам.

Жиль Хабибула вздрогнул.

— Мне не нравится эта тишина, Джей. Место слишком уж тихое. Ах, видимо, какая-то грозная рука коснулась этого мира. Он мертв, Джей. Мертв! И совершенно уж не годится для живых.

Он подошли к задраенному входному люку.

— Он закрыт, Жиль, — сказал Джей Калам. — Откроешь?

— Если пожелаешь. — Старик равнодушно кивнул. — Но ничего хорошего мы нам не найдем. Это мне говорит боль в старых костях. Мы ничего не найдем, кроме призрачных следов ужаса.

Он раздобыл из огромного кармана кусок проволоки и вперевалку подошел к люку.

Боб Стар тревожно озирался. Молчание давило на нервы. Длинное белое здание позади

них было сложено из местного белого камня. Однако его белая манящая роскошь достигалась за счет металла, стекла и тропического дерева, импортированного из далекой Системы, — эти материалы говорили о богатстве и огромных ценах за транспортировку на миллиарды миль. Темные окна приглашающе смотрели на него. Гнетущий дух пустоты и покинутости исходил отовсюду и прикоснулся к его душе холодом угрозы.

— Пока мы ждем, Боб, — сказал Джей Калам, — не заглянешь ли ты на ультракоротковолновую станцию? Посмотри, в рабочем ли состоянии передатчик. И, может быть, автоматические принтеры получили новости. На таком расстоянии понадобится несколько дней, чтобы получить ответ на любое сообщение. Но, возможно, мы узнаем, как обстоят дела в Системе.

Он быстро пошел по маленькому полю туда, где высилась паукообразная башня. Его обступила зловещая тишина. Трудно было идти, не оглядываясь.

Он толкнул дверь-вертушку и вошел в небольшую, облицованную камнем комнату под башней. Ужас вытолкнул его обратно. Каждая деталь оборудования в комнате была бесполезной. Приемники безмолвствовали. Передатчик был испорчен точно так же, как геодины на «Птице Зимородке». Каждый проводок был разрезан на множество кусков. Каждая лампа разбита. Платы каждого конденсатора были искорежены и непонятным образом разъедены.

И с того, что лежало на полу, кричал на него безмолвный ужас. Прежде это был человек. Повсюду валялась разбросанная и изорванная одежда. Небольшая горстка серой, похожей на желе массы переливалась бледными неприятными отсветами. До него здесь побывали кометчики.

Он закрыл дверь и, вздрагивая, побрел обратно по посадочной площадке. Жиль Хабибула и Джей Калам стояли возле входного люка. Он шепотом сообщил командору о том, что увидел, и спросил Жили Хабибулу:

— Ты можешь открыть?

— Ах, парень. — Старик печально покачал головой. — Неужели ты не веришь в мой драгоценный гений? Я мог бы открыть это в один момент, парень, но я ждал, когда ты вернешься. Старый Жиль слишком стар и слаб, дружище, чтобы безрассудно рисковать головой, открывая этот корабль...

Он опять коснулся замка, и гудящие моторы опустили люк. Боб Стар и Джей Калам вошли плечом к плечу. Внутри, на палубе, они нашли скомканную одежду, наполненную иризирующим пеплом и испачканную темным там, где натекла какая-то странная жидкость. Джей Калам отпрянул, вздрогнув.

— Жиль, — хрипло прошептал он, — посмотри, не испорчены ли геодины?

— Пойдем со мной, — взмолился старик. — Старый Жиль не смертельный дурак, чтобы разгуливать здесь в одиночку.

Вторая горстка жутко отсвечивающего пепла остановила их у двери в силовой отсек. Жиль Хабибула посмотрел на сияющие генераторы и с сожалением покачал головой.

— Мертвы! — просопел он. — Уничтожены, как и наши. Этот корабль столь же бесполезен, как «Птица Зимородок».

— Корабль, вероятно, был готов к отправлению, когда это случилось, — задумчиво пробормотал Джей Калам. — Люки закрыты, экипаж на местах. Я предполагал, что владельцы этого места пытались бежать. Однако они должны были оставить след для нас...

Длинные пальцы его сжались, словно от неожиданной боли. Мрачная гримаса исказила лицо.

— Это все, что нам осталось! — горько добавил он. — Играть в детективов! Ибо мы выброшены сюда, и у нас нет способа выбраться или позвать на помощь... Нам ничего больше не остается...

ИЗ СТЕНЫ

Некоторое время они стояли в молчании на безмолвной палубе мертвого корабля. Возле них лежали серые отсвечивающие груды чего-то, что раньше было людьми. Черное отчаяние сковывало их, пока Джей Калам вдруг не расправил плечи.

— Я вижу лишь одно, — сказал он, — обследовать астероид и узнать как можно больше о людях, которые здесь жили. Возможно, мы сможем открыть еще какие-нибудь ресурсы. Возможно, у них есть запас ракетного топлива или новый комплект геодинов. Мы можем начать с этого корабля. Тут должны быть документы.

Они нашли еще одиннадцать кучек сияющего пепла там, где умирали люди. Две — в маленькой рубке. Боб Стар остановил их, чтобы посмотреть журнал. Координаты, занесенные в него, говорили о том, что корабль сделал много рейсов на Плутон, в экваториальные колонии на Нептуне и на некоторые маленькие астероиды. Однако он не содержал ни малейшего намека на род занятий или личность владельцев. Джей Калам сделал более неожиданное открытие. Он вышел из одной из кают, держа в руках кольцо и маленькую черную книгу.

— Я нашел это, — сказал он, — в пепле, где умер человек. Возможно, он был владельцем корабля: костюм на нем был не таким, как на других, и каюта очень тщательно обставлена. Я не знаю, что с этим делать.

Он показал Бобу Стару свои находки. Кольцо было из обычного золота. Оно было с широкой черной печаткой, глубоко врезанной и с очертаниями скрещенных костей и креста. Тот же символ был оттиснут в красном цвете и на обложке черной книги. Боб Стар увидел, что ее тонкие страницы были заполнены письмами, ничего ему не говорящими.

— Я полагаю, — это дневник, — ответил на его озадаченное выражение Джей Калам. — Разница в цвете чернил говорит о прерывистом характере записей, сделанных в разное время. Это должно быть очень интересно, но похоже на какую-то скоропись, возможно, зашифрованную. Посмотрю, что можно будет с этим сделать.

— Может быть, мы найдем еще какие-нибудь бумаги в здании, — с надеждой предположил Боб Стар.

— Сомневаюсь. Бизнес этих людей, видимо, требовал особой осторожности. — Он снова внимательно посмотрел на кольцо и на красную эмблему на книге и нахмурился. — Этот символ меня смущает.

Боб Стар склонился, внимательно посмотрев на этот любопытный витой крест и скрещенные кости.

— А это не тот символ?.. — У него перехватило голос, и он задрожал.

— Он самый, — кивнул командор. — Символ, которым был запечатан магниево-литиевый цилиндр, в котором Эдвард Орко нашел странного младенца, которого он назвал Стивен. — Бледные губы его стали тонкими. — Я думаю, тайна этого астероида будет для нас полезна — если только мы ее узнаем.

Они пошли к огромному широкому белостенному зданию и поднялись на просторную веранду. Боб Стар, содрогаясь, переступил через зловещее сияние груды сероватого пепла возле широкой черной лужи. Он постучал в огромную дверь из потемневшего серебра, на которой был символ из красной эмали — скрещенные кости смерти и витой крест жизни.

Молчание служило ему проводником, и он встретил зловещее гостеприимство смерти. Осматривая просторные, тускло освещенные залы и величие покинутых комнат, они вновь и вновь изумлялись доказательствам расточительной роскоши. Одного взгляда на огромную кухню было достаточно, чтобы развеять все тревоги Жилия Хабибулы.

— Ах, дружище. — Его морщинистое лицо засияло. — Вот где настоящее изобилие! Кто бы он ни был, хозяин этого места, он знал тайну жизни. Лучших яств и вин не найти во всей Системе.

Он вздохнул, облизывая толстые синие губы.

— Нам нужно подольше пожить в этом смертельном гробике, Джей, оставив одного из нас на страже. Одна жизнь знает, как долго нам придется оставаться на этом мрачном камне. Очень похоже, что навсегда. Мы сможем заодно поесть или выпить...

Голос его вдруг замер, когда он наткнулся на сияющий пепел еще одного человека.

В одной огромной длинной тусклой комнате они нашли обширную библиотеку из роскошно изданных томов. Высоченные стены были увешаны работами известных художников. В нишах стояли прекрасные скульптуры. В алькове находился отличный оптифон, и было много тысяч записей, от чего засияли глаза Джей Калама.

— Это тайное королевство, — сказал он тихо. — Это мечта великого разума о рае, воплощенная в реальность некоей необычной силой. Сияющий свет гения отражается здесь во всем: в красоте, что поет в садах, в архитектуре здания, в чудесной этой комнате...

— Ах, да, Джей, — вмешался Жиль Хабибула, — не забудь кухню и драгоценный погреб.

— Подлинный художник, — тихо продолжал командор. — Великий творец, и печать его здесь на всем. — Он огляделся, недоумевающе хмурясь. — И его способности требовали анонимности: нам никак не удалось найти ни письма, ни фотографии, ни меморандума, кроме кольца и книги.

Джей Калам вернулся на «Птицу Зимородок» в надежде узнать тайну зашифрованного дневника, а тем временем Жиль Хабибула сделал новое открытие. Боб Стар и Жиль Хабибула бродили по библиотеке, и вдруг старик остановился.

— Дружище, — сказал он, и голос его был тих и гулок в просторах комнаты. — В стене алькова есть потайной ход.

Боб Стар спросил со скептическим интересом:

— Откуда ты знаешь?

— А откуда ты знаешь, парень, где верх, а где низ? — Он тяжело вздохнул. — Это чувство, парень, жалкий инстинкт. Подсознательное ощущение, если угодно. Точное восприятие, усиленное долгой тренировкой.

Старый Жиль Хабибула не всегда служил в Легионе, парень. До той ночи, когда его с прямой дорожки столкнула женщина, он был свободным охотником, живущим за счет своего гения.

Люди не умеют прятать свои сокровища от Жили Хабибулы, парень. Потому что мозги у них действуют так же, как их замки. — Его тонкий голос зазвучал доверительно. — Когда хочется найти что-нибудь, спрятанное человеком, парень, достаточно выяснить, что это за человек, обстоятельства, в которых он находился, и прямиком выйдешь к потайному месту.

— Ты действительно думаешь, — с сомнением спросил Боб Стар, — что здесь есть потайной ход?

— Думаю? — эхом ответил старик. — Я знаю. — Он показал. — Видишь, эта стена достаточно толстая, чтобы скрыть потайной ход.

— Не вижу! — возразил Боб Стар. — Она выглядит достаточно тонкой...

— Это потому, что колонны и занавеси предназначены для того, чтобы скрывать ее толщину — хитроумная оптическая иллюзия. — Он, покачиваясь, пошел к алькову. — Вход, должно быть, в этом углу. Он хорошо скрыт от остальной части комнаты, и здесь удобно входить.

Толстые проворные, странно чувствительные пальцы надавливали и постукивали по роскошной полировке красного твердого венерианского дерева.

— Ах, вот она, — выдохнул он. — Вот она, дверь. Видишь, на шве отсутствует пыль.

— Не вижу, — сказал Боб Стар. — Но если ты думаешь, что она действительно есть, я выломаю ее.

— погоди, парень! — возмущенно запротестовал Жиль Хабибула. — Сломать ее можно. Однако в выламывании дверей не может быть эстетического удовлетворения. Это грубое допущение того, что искусство здесь бессильно. Сама эта мысль — кривой нож в сердце гения.

Эта дверь должна открываться рукой, а поэтому надо лишь положить на нее пальцы. Несомненно, это кнопка, потому что механизм, несомненно, электрический. Хозяин этого дома, — сказал он медленно, — был методичен и трудолюбив, и, вне всякого сомнения, он

сам — великий гений. — Тяжелые веки ненадолго опустились на рыбы глаза. — Ах, да, — просопел он. — Несомненно, оптифон! Какой-то трюк с дисками...

Толстые пальцы прикоснулись к кнопкам. Неожиданно красная панель поднялась вверх, и за ней вспыхнула белая лампа.

— Иди вперед, — парень, — сказал он, — и держи оружие в руках. Возможно, в этом тайнике остался кто-то живой. А жизнь — слишком драгоценная штука, чтобы рисковать ею в схватке с каким-нибудь отчаянным обитателем с протонными пистолетами...

Боб Стар осторожно пошел вперед по узкому длинному пролету из каменных ступеней. Тем не менее, он не нашел внизу никого живого. То, что он нашел, лишь увеличило таинственность астероида. У подножия лестницы, проложенной в самом центре крошечного мира, находилась огромная комната. Она содержала в себе биологическую исследовательскую лабораторию. Там были мощные микроскопы, радиологические и исследовательские аппараты, печи, инкубаторы и чаны с призрачными образцами — по большей части, человеческими. Кометчики, очевидно, нашли этот тайник так же легко, как Жиль Хабибула. На полу мерцал пепел от семи человеческих существ.

На борту «Птицы Зимородок» Джей Калам выслушал сообщение Боба Стара о находке, сжав тонкие губы. Он ничего не сказал, и Боб Стар спросил:

— Вы расшифровали дневник?

— Нет, — сказал командор, покачав головой. — Это посложнее, чем я рассчитывал.

На планетоиде шло время, и каждый следующий час вносил новую каплю горечи в чашу четырех легионеров. Растаяла одна надежда, за ней другая. Они не нашли ни сигнального оборудования, ни запасных геодинов, ни даже лишней бочки ракетного топлива. Тайна одинокой скалы оставалась неразгаданной. Джей Калам не сообщал о прогрессе в расшифровке дневника.

Наконец, с мостика «Птицы Зимородка» Боб Стар заметил, что Плутон по пологому эллипсоиду приближается к кометарному объекту. Вот уже много дней он двигался, сойдя со своей прежней орбиты. Он в тревоге ждал, что его встретит отталкивающее поле, но ничто не остановило его. Он столкнулся с морем светящейся зелени и исчез.

Боб Стар повернул телеперископ на Нептун. На миг он уверился, что эта планета находится на месте, однако потом он увидел, что расстояние между Нептуном и Тритоном увеличилось. Спутник был уже в пути.

— Тритон, — пробормотал он сдавленно. — Потом Нептун и, наконец, Земля. — Он беспомощно сжал кулаки. — Но я ничего не могу сделать...

В ту же ночь он один вошел в безмолвный мрак огромного холла в белом особняке. Бледные лампы холодно светили на высоких стенах, облицованных черным и алым. Белый пол был из твердого металла. Он внезапно остановился, неверяще глядя на панель в стене.

Он увидел там движущуюся тень. Она тут же вызвала у него в памяти видение, которое было ему в форте на Нептуне, и лицо, которое не покидало его тяжелые сны. Дрожа от нетерпения, он быстро двинулся к тени. Он прошептал:

— Приди ко мне опять... Прошу тебя, приди...

Тени стали более темными и начали сиять, что-то проявилось под поверхностью черно-алой стены. Теперь между тенями сиял чистый голубой свет, ярче, чем их сияющие края. Сердце его забило, когда они соединились и стали совершенной светящейся реальностью.

Ему показалось, что в стене внезапно была вырезана глубокая ниша. Форма у нее была спиральная. Она была черной и сияла бесчисленными огнями разбросанных повсюду кристалликов, словно голубых снежинок. Внутри полыхал пламенем многоугольный пьедестал чистого сапфира.

На пьедестале, как и прежде, стояла девушка.

Красота ее вызывала спазмы в горле. Нежное тело светилось белым на фоне тьмы и сапфирового огня спиральной ниши. При первом взгляде на нее возникало удивительное и восхитительное впечатление ее стройности, гибкого совершенства, сгустившейся полночи

отливающих красным волос, бледного трагического овала лица и огромных печальных карих с золотыми отблесками глаз.

И тут же он увидел, что она ранена. Белое платье было порвано и в крови. Она покачивалась, стоя на огромном сапфире. В лице была мертвенная бледность боли, и глаза были глубоки и темны от муки. Он видел, что она в отчаянии сопротивляется слабости и боли, и чему-то еще. Боб Стар почувствовал грозный невидимый конфликт, в котором ее разум пытался найти путь к победе.

Он бросился к ней в неудержимом порыве.

В двух ярдах от стены он опомнился. Ее там не было. Это была всего лишь тень в стене. Она была здесь не больше, чем когда явилась в тюрьме на Нептуне в двух миллиардах миль отсюда. Всего лишь тень...

А может, даже не тень. Может быть, всего лишь галлюцинация, дочь разума, который Стивен Орко сокрушил с помощью Железного Исповедника. Красный молот боли, не утихнув за девять лет, все стучал под шрамом — и ему теперь казалось, что голубое пламя в кристалле под ней пляшет в ритме с этими ударами.

Он вдруг понял, что она не машет ему, как это было в тот раз. Ее застывшее лицо с трагическим взглядом было испуганным, молящим и обессиленным отчаянными усилиями. Покачиваясь на, огромном сапфире, она простирала к нему руки. И ее изображение непонятным образом мерцало. Это было, как он понял после, словно он смотрел на нее сквозь огромную пластину какого-то идеально прозрачного кристаллического вещества, и затем этот барьер оказался убран.

Он был изумлен, услышав ее голос. Это был тихий, без дыхания, вскрик. Но было в нем облегчение и радость. Какая-то странная радость смыла бледность и муку усилий с ее лица. Стройное тело расслабилось, и она упала к нему.

Падающая тень? Борясь с парализующим воздействием невероятного, он бросился вперед. Он покачнулся, совершенно изумленный и восхищенный, когда почувствовал в своих руках эту теплую настоящую тяжесть. Некоторое время она казалась безжизненной. Потом к ней вернулись чувства. Она посмотрела назад, на спиральную комнату, где сапфировое пламя все продолжало взметаться над опустевшим пьедесталом. Необычный зов, единая текучая, очень чистая нота, сорвался с ее губ.

Немедленно вслед за этим сапфир взорвался, словно огромная бомба света. Нишу заполнило голубое пламя. Оно растаяло в вихрящемся столкновении теней. И тени исчезли с черной с красным стены. Словно от полного изнурения, девушка вновь обмякла у него на руках. Он некоторое время стоял, поддерживая ее и глядя на полированную пустоту стены.

— Тень? — прошептал он и повернулся вместе с ней. Он понес ее обратно по огромному холму, по широкой, с колоннами, галерее, по щебенке посадочного поля, к «Птице Зимородку».

Возле воздушного шлюза его встретил Жиль Хабибула.

— Ну, что? — обратился он к старику. — Ты и теперь не думаешь, что она реальна?

— Достаточно реальна. — В рыбьих глазах появилась теплота одобрения. — И я рад видеть, что ты забываешь о своих болезненных снах. Это хорошо. И она красивая девочка. Скажи мне, парень, она не лучше, чем то твое видение?

— Нет. — Боб Стар засмеялся. — Потому что она и есть видение.

Изумленный Жиль Хабибула прохрипел:

— Откуда она взялась, парень?

— Из стены, — сказал Боб Стар и опять засмеялся, видя его замешательство.

— Не шути над старым бедным Жилем. — Он встал. — Джей тебя звал, — объявил он. — Он в рубке.

— Зачем?

— Я не знаю, парень, однако я видел, что он в замешательстве.

— Я иду, — сказал он, — но сначала я должен найти для нее место.

На борту «Птицы Зимородок» были свободные каюты, и Жиль, колыхаясь, пошел

вперед, чтобы открыть дверь и снять покрывало с койки.

— Что случилось с драгоценной девочкой? — просопел он.

Девушка казалась без сознания. Однако золотистые глаза с трепетом распахнулись, когда Боб Стар выпустил ее из рук. Овальное лицо снова напряглось в страхе. Она попыталась сесть, вцепившись в его руку. Он попытался ее уложить.

— Не беспокойтесь, — сказал он. — Не надо волноваться.

Его прервал ее голос. Он был тихим и сдавленным от натуги.

Боб Стар покачал головой. Он смог почувствовать текучую красоту слов ее языка, но он был для него совершенно непонятен. Он не нашел ни одного знакомого слова, да и не ожидал этого. И она обернулась к Жилю Хабибуле, смущенная и разочарованная его непониманием.

Старик наклонил желтую голову набок, прислушиваясь.

— Ах, девочка, — пробормотал он. — Твой голос — сама драгоценная сладость. И, очевидно, ты говоришь что-то, что считаешь важным. Однако такого языка, как твой, старый Жиль никогда прежде не слышал.

Она преодолела слабость и вновь повернулась к Бобу Стару. Усталый голос настойчиво зачастил. В лице явственно был виден призыв.

— Мне жаль, — покачал он головой. — Но мы не понимаем. Когда вы отдохнете, мы найдем способ...

Ее пальцы сжали его руку с конвульсивной бешеной силой. Голос зазвучал громче, выше, и в нем появились рыдания. В золотистых глазах замерцали слезы отчаяния.

— Что она пытается сказать? — Боб Стар безнадежно уставился на Жилю Хабибулу. — Первый раз она появилась, затем чтобы предупредить меня о кометчиках...

Пальцы ее отпустили его руку. Она упала на койку, бесчувственная.

— Эта рана у нее на плече. — Боб Стар вопросительно склонился над ней. — Она не может быть серьезной?

— Ах, нет, парень. Это всего лишь царапина. Отдых и сон скоро восстановят ее силы. Старый Жиль перевязывает ее ранку, парень. В его старых руках еще осталась известная сноровка. Не забудь, что Джей ждет тебя в рубке.

— Боб, — высокий командор встретил его тихим голосом, который выдавал сдерживаемое волнение, — не проверишь ли ты орбитальное движение этого астероида относительно кометарного объекта?

Джей Калам стоял и смотрел, пока он считывал положение Солнца, Юпитера и Сириуса с калиброванного экрана телеперископа и, склонившись над столом, проводил быстрые расчеты.

— Я вижу ответ на твоем лице. — Командор кивнул, увидев там выражение изумления и тревоги. — Он сходится с моим. Астероид подхвачен тубулярным силовым полем. Очевидно, нас затянет в комету вместе с большими планетами.

ЭНЕРГИЯ КОМЕТЫ

Кометарный объект висел неподалеку.

Чтобы посмотреть на закат, Кай Нимиди взобралась с помощью Боба Стара на вершину высокой голой скалы за посадочным полем. Они сидели бок о бок на подушке алого мха. Ноги их свисали над бездной.

Внизу лежало сложное разнообразие крошечного мира, превращенного мертвым гением его неведомого хозяина в фантастические ландшафты писаной красоты. Травянистые склоны миролюбиво улыбались, а яркие заросли цветущих лесов весело смеялись. Однако над ними, повсюду, зубчатые пики и гряды высились мрачно и недоступно в лишайниковом одеянии зеленого, золотого и алого цветов.

И пурпурная чернота космоса представляла собой свод непознаваемых тайн. День мог осветить лик астероида, но не небеса. Солнце уже садилось позади Боба Стара и девушки —

точка бело-голубого великолепия, сопровождаемая крошечными искорками Юпитера и Сатурна. Оно бросало черные, острые, как нож, тени на двух людей, сидевших на скале.

Перед ними, над черными тенями и горящими лишайниками, поднималась комета — в последний раз. Ее эллипс возникал как бесформенная маска зеленого цвета, зловеще вглядывающаяся поверх крошечного мира. Злобный лик ее был уже близок и огромен.

Боб Стар схватил девушку за руку; Кай Нимида в тревоге вцепилась в него.

— Темно ист ноки, — пробормотала она на собственном странном языке. Голос ее звучал глухо и сдавленно от страха.

— Да, — прошептал он, — я думаю, мы скоро окажемся внутри комнаты. Но мы ничего не можем сделать... — Он спохватился и заставил себя улыбнуться. — Однако ты не тревожься, дорогая...

Уже почти неделя прошла со времени их непредвиденного появления на астероиде; и сейчас она, похоже, почти оправилась от испытания, которому подверглась. Рана на плече зажила, и прекрасная кожа опять светилась здоровьем.

Несмотря на затруднительность общения, Боб Стар узнал ее имя — Кай Нимида. Он узнал, что она действительно жила в комете. Он выяснил, что она ненавидит и боится кометчиков, которых она звала Айтрин.

Но это было и все.

Она выглядела разочарованной и удивленной неспособностью легионеров понять ее язык. Она отчаяние пыталась выучить их язык, заставляя Боба Стару показывать разные предметы, обучать ее произношению и производить действия, чтобы объяснить глаголы. Прекрасная и заинтересованная ученица, она уже могла произносить множество простых конкретных фраз. Однако что-либо более абстрактное, чем зелень травы или сладость вина, все еще было за пределами ее понимания.

Широкие золотистые глаза смотрели в его лицо. В меркнувшем свете зрочки казались огромными прудами трагической тьмы. Они были полны всепоглощающей печали, горького отчаяния, которого ему не удалось развеять. Но они светились, когда он вглядывался в них, мудрым золотым сиянием. На миг на ее лице расцвела сдержанная улыбка.

Боб Стар порывисто прижал ее к себе.

— Кай, — прошептал он. — Дорогая...

Некоторое время она покоилась, расслабившись, на его груди, однако затем страх сделал ее тело твердым. Испуганные глаза снова обратились к комете, и лицо ее в зеленом свете стало еще более боязливым и странным.

— Махниана... — послышался полный страха голос. — Махниана...

Боб Стар выпустил ее.

— Это верно, — горько прошептал он. — Мы не можем успокоиться ни на мгновение, пока жив Стивен Орко.

— Стивен Ор-рко!

Она, казалось, вцепилась в это имя в изумленном отчаянии. Настойчивый голос повторял его со странным акцентом. Красивая рука взметнулась к жуткому, поднимающемуся лику кометы. А затем она почти яростно что-то втолковывала Бобу Стару на своем текучем, прекрасном, непонятном языке.

Он безнадежно покачал головой.

— Стивен Ор-рко! — Он вновь уловил это имя, однако это было все, что он понял. Голос ее повысился. На глазах замерцали слезы. Она схватила его за плечи, словно пыталась растряссти его, заставить понимать. Но, наконец, сдалась и зарыдала в его руках.

Голубая точка солнца опустилась и воцарилась комета. Зеленоватый грозный лик заполнял темное небо от горизонта до зенита. Он становился все более различимым, все более ужасным, он рос. Под этим неземным светом огромное здание превратилось в нереальный кошмар. Под его черными стенами корчились деревья, словно темные ползучие монстры. Высокие голые скалы мерцали в этом свете как фантастические ледяные шпильки.

«Птица Зимородок» стала зеленым призрачным кораблем, когда Боб Стар помог

девушке спуститься. Остальные ждали возле воздушного шлюза, глядя в ужасное небо. Они тоже выглядели призрачно: странное свечение делало их плоть мертвенно-бледной, лица казались масками ужаса.

Что-то в голосе Джея Калама, тихо и спокойно говорившего с Жилем Хабибулой, показалось Бобу Стару несоответствующим обстановке.

— Очевидно, — говорил он, — что кометчики способны генерировать и контролировать некую силу, аналогичную гравитации. Мы имеем родственные возможности — достаточно взять геодины и собственные гравитационные ячейки. Но их турбулентные поля неизмеримо мощнее.

Жиль Хабибула автоматически кивал, однако лицо его было поднято в сторону неуходящей кометы и призрачно светилось в ее жутких лучах.

— Их инженерная наука, должно быть, на миллионы лет старше нашей, — буднично продолжал Джей Калам. — Когда думаешь о грандиозной силе, заставляющей планеты покидать свои орбиты, или о способности кометы перемещаться как корабль... — Голос его утонул в бездне тишины.

Зеленые края кометы с завораживающей быстротой расширялись. Словно зеленые занавеси закрывали все горизонты. Бобу Стару пришлось сглотнуть, чтобы обрести голос. Он спросил Джея Калама:

— Не подняться ли нам на борт?

— Если пожелаешь, — тихо ответил командор. — Корабль беспомощен; я не думаю, что он хоть сколько-нибудь может гарантировать безопасность. Я не знаю, в чем заключается опасность. Можешь делать, что хочешь. Что касается меня, то я останусь здесь, на поле, чтобы можно было видеть, все, пока... пока это не случится.

Боб Стар схватил Кай Нимида за руку и потащил ее к воздушному шлюзу. Она покачала головой и снова подняла лицо в сторону простирающегося лика кометы. Ожидая возле нее, Боб Стар вдруг испытал неприятное ощущение, что астероид падает вместе с их телами, падает в опасную зеленую бездну. Бледные острые края ее мчались к горизонтам, и вскоре все небо превратилось в пылающий зеленый купол.

Он услышал голос Джея Калама:

— Мы вот-вот встретимся с зеленым барьером.

С губ Жили Хабибулы сорвался тонкий дрожащий стон.

— Жуткое время! — всхлипнул он. — Что толку теперь быть гением!

Боб Стар обнял Кай Нимида и слегка подтолкнул ее к сияющему кораблю. Что случится, когда они врежутся? Кто может знать?

Он ждал, не дыша. Он слышал, быстрое биение сердца девушки. В небе появилось странное мерцание зеленого купола. Однако ничего не происходило. Ждать становилось невозможно. Дрожа, он прошептал:

— Когда, Джей? Когда?..

Он услышал, как Джей Калам сделал глубокий вдох.

— Мы прошли зеленый барьер, — сказал командор. — Мы уже внутри кометы. Ты только погляди на небо!

Боб Стар вместе с Кай Нимида неуверенно отошел от корпуса «Птицы Зимородок».

Глаза его в замешательстве обегали небо. Оно было зеленым, этот опрокинутый котел неприятного бледного пламени. Но оно уже кишело странными небесными телами.

Он обежал их изумленным взглядом. Это были испещренные пятнами диски, словно темные луны несущиеся в зеленом свете. Они были самых разных размеров, окрашены в тысячи оттенков красного, оранжевого, желтого и коричневого цветов и все были омыты призрачной зеленью. Это были скопившиеся вместе планеты, заполнившие зеленое небо. Пятна имели очертания континентов. Огромные площади зеленого, как показалось ему, должны быть морями, отсвечивающими в небе.

— Солнце! — захрипел Джей Калам. — Пленное солнце!

Глядя туда, куда показывала его рука, Боб Стар увидел огромный шар пурпурного

пламени. Его жаркий цвет был фантастически необычен на зеленом фоне. Он казался в три раза больше Солнца Системы, если смотреть на него с Фобоса.

Кай Нимида быстро отошла от них. Красивая белая рука ее, дрожа, указывала на одно из множества темных тел, которое не было таким исковерканным, как остальные. Это был гладкий диск цвета индиго. Между этой планетой и пленным солнцем Боб Стар увидел три сияющие пурпурные линии.

— Боб, Джей, Хал, Жиль! — с мягким акцентом звала их по именам девушка. И она по-прежнему показывала на лишенный характерных очертаний диск фиолетово-синего цвета. — Айтрин настойчиво крикнула она. — Стивен Ор-рко!

Она подбежала, чтобы дотронуться до отливающего зеленым корпуса «Птицы Зимородок», и затем сделала жест, как если бы корабль поднимался к миру цвета индиго.

— Стивен Ор-рко! — повторила она и потерла ладони друг о друга, словно растирая что-то.

— Смотрите! — прошептал Боб Стар. — Она хочет, чтобы мы поднялись на эту синюю планету. Там Стивен Ор-рко вместе с кометчиками — она называет их айтрин. Она хочет, чтобы мы отправились туда и убили его.

Девушка тем временем смотрела на них, и карие глаза ее сияли. Она схватила его за руку, темпераментно заговорив на своем языке. Она кивала, трясла головой, пожимала плечами, делала гримасы, жестикулировала. Боб Стар, пытаясь ее успокоить, положил обе руки ей на плечи.

— Бесполезно, — сказал он. — Мы не можем понять. И мы не можем летать на «Птице Зимородок», если ты этого хочешь...

— Она хочет сказать нам что-то еще, — сказал командор. — Интересно, не могла бы она нарисовать это?

Он поискал у себя в карманах письменные принадлежности и вложил их в ее руки. Она тут же нарисовала круг и указала на огромный диск цвета индиго. Потом сделала отметку внутри круга и проткнула рисунок, снова быстро заговорив.

— Круг означает планету, — сказал Боб Стар, — но эта отметка внутри...

Ему пришлось, как и остальным, покачать головой. И на ее глазах вдруг появились слезы отчаяния. Она опустила рисунок с гневным безнадежным жестом и зарыдала.

— Это слишком плохо. — Джей Калам с сомнением покачал головой. — Мне приходится предположить, Боб, что она — обитательница кометы, хотя принадлежность ее к человеческой расе, видимо, противоречит ортодоксальной науке. Вполне похоже, что она пришла к нам с какой-то информацией о кометчиках и Стивене Ор-рко.

Однако ничего из того, что она знает, не может помочь нам. Без общих знаний языка и культуры, или даже форм мышления, потребуются месяцы или годы, как бы она ни была способна, чтобы изучить английский достаточно для того, чтобы оперировать сложными или абстрактными идеями.

Он неожиданно повернулся и прищурился на пурпурное солнце.

— Мы должны подняться на борт, Боб, — сказал он, — и провести все возможные наблюдения. Мы должны выяснить как можно больше о комете и о том, что происходит с нами. — Что-то заставило его голос звучать неуверенно. — Хотел бы я, — сказал он, — чтобы для наблюдений у нас оказалось достаточно времени.

— Почему?

— Я считаю, что астероид падает на пленное солнце.

Некоторое время они молча работали на мостике. Боб Стар лишился дара речи под натиском ужаса. Но Джей Калам, по-прежнему мрачно-сосредоточенный, начал преобразовывать их открытия в слова.

— Этот объект, который мы называем кометой, — медленно начал он, — это скопище планет. Мы насчитали сто сорок три. Поскольку мы оказались на передней стороне астероида, мы должны видеть их почти все. Мы уже знаем по ее гравитационному воздействию на Систему, что масса кометы приблизительно в тысячу раз превосходит

земную. Масса пленного солнца составляет меньше ее половины. Средняя масса планет, следовательно, должна быть в три раза больше земной. Из них построен корабль. Этот зеленый барьер — корпус, покров отталкивающей силы. Планеты размещаются внутри в виде огромного эллипсоида...

— Чего я не пойму, так это как такая система может оставаться стабильной. — Боб Стар тревожно поглядел вверх. — Такие огромные массы, такое переполненное пространство. Что удерживает их от столкновения?

— Должно быть, они удерживаются в пространстве теми же самыми тубулярными полями — лучами силы, которые предназначены для балансировки гравитации. Каркас, так сказать, корабля. — Командор говорил отвлеченно, отчетливо, словно приводил собственные мысли в порядок. — Пленное солнце — один фокус эллипсоида. Планета, которая беспокоит Кай, должна быть другим...

— Только посмотри на нее! — Боб Стар вглядывался в экран телеперископа. — Поверхность ее кажется абсолютно гладкой, однако посмотри на эти машины! Слегка напоминают наши протонные иглы. Но они должны быть огромны, раз видны с такого расстояния. По одной машине стоит под каждым из пурпурных лучей между планетой и пленным солнцем.

— Кажется, я понял! — Тихий голос Джея Калама дрожал от сдерживаемого возбуждения. — Пленное солнце не может быть заурадной звездой — об этом говорит пурпурный цвет. Я считаю, что оно искусственное — это атомная энергостанция.

Вероятно, тройной луч — это трансмиссионная система для получения энергии. И если это правда, то синяя планета должна быть рубкой управления корабля. Эти меньшие машины вокруг тех больших, видимо, преобразуют энергию для управления им.

Должна требоваться огромная энергия для удержания и движения этих планет и для защиты их от барьера отталкивания. Атомных реакций должно быть недостаточно. На станции должен осуществляться процесс аннигиляции материи...

У него перехватило дыхание, и длинное лицо вытянулось.

— Я не могу найти Плутон среди этих планет, — прошептал он хрипло. — И, кажется, понимаю, почему.

Боб Стар невидяще глядел на него.

— Мне кажется, что кометчикам он понадобился на топливо, — сказал он. — Я думаю, что они уже ободрали с него все, что хотели сохранить, а остальное бросили в эту атомную печь.

Некоторое время он безмолвствовал. Лицо его казалось пустым и жестким, словно посмертная маска.

— Кажется, это дополняет наши представления о кометчиках. — Голос его остался необычно спокойным. — Это мародеры Вселенной. Они бороздят пространство от солнца к солнцу. Они грабят планеты и питаются жизнью, которую им удастся найти. Они захватывают сами планеты, чтобы восполнять этот рой или сжигать их в качестве топлива...

— И это то, для чего им потребовался астероид? — вздрогнул Боб Стар.

— Я думаю, да. — Джей Калам кивнул, совершенно спокойный. — Кометчики уже напали на астероид. Вероятно, они не имеют в нем больше никакой заинтересованности, разве что как в кусочке топлива... — Он, задумавшись, почесал длинную челюсть. Внезапно он очень тихо произнес: — Сколько нам осталось, Боб?

Боб Стар несколько мгновений оставался в хмурой задумчивости. Он нервно зашевелился и повернулся поспешно к телеперископу, компьютеру и хронометру. Наконец, он выпрямился и вытер со лба холодный пот.

— Три часа, — прошептал он сдавленно. — Всего лишь три часа...

ГОЛОС ОРКО

Дверь в рубку Джей Калам закрывал, чувствуя усталость и обреченность. На миг он

тяжело привалился к ней. Затем на подкашивающихся ногах он последовал за Бобом Старом на палубу и вышел в открытый шлюз.

Кай Нимида, Хал Самду и Жиль Хабибула по-прежнему находились снаружи, на щебенке ракетодома, возле пустынного особняка. Они выглядели призрачно в бледно-зеленом свечении, исходившем с неба.

Хал Самду стоял, запрокинув голову. Огромные узловатые ладони сжимались и опять разжимались. Косматая голова была откинута, взгляд голубых глаз был прикован к индиговому диску главной планеты. Суровое лицо было искажено свирепостью.

— Если Стивен Орко там, — хрипло произнес он, — мы должны отправиться за ним... и убить его. Ради Аладори...

Жиль Хабибула и Кай Нимида сидели бок о бок на щебенке. Девушка рисовала на земле пальцем маленькие чертежи и настойчиво втолковывала что-то старику. Он спокойно слушал, устало качая головой.

— Старому Жилю очень жаль, девочка, — сказал он мягко. — Но это бесполезно...

Они все посмотрели вверх, когда Джей Калам и Боб Стар спустились по трапу.

— Ну что, Джей? — громыхнул Хал Самду. — Вот мы и в комете, и рядом Стивен Орко. Как мы сможем добраться до него и убить?

Джей Калам устало отошел назад, чтобы прислониться к омываемому зеленым светом корпусу «Птицы Зимородок». Темные глаза на миг закрылись, и длинное лицо его в этом неземном свете превратилось в застывшую маску боли.

— По-прежнему, Хал, — сказал он медленно, — мы ничего не можем сделать.

Он с усталой жалостью посмотрел на Жилия Хабибулу и на девушку.

— Через три часа, — сказал он, — астероид упадет в эту атомную печь. Мы по-прежнему не имеем способов покинуть его.

Массивное лицо Хала Самду исказил болезненный спазм. Он надломленно прохрипел:

— Аладори...

Жиль Хабибула встревоженно поднялся на ноги. Лысая голова его запрокинулась, маленькие глазки с ужасом уставились на растущий шар пурпурного огня.

— Только три часа! — прерывисто просипел он. — Ради жизни, Джей, не мог бы ты дать нам побольше времени? — Глаза его на миг остановились на жестком лице командора, и он покачал головой. — Бедный старый Жиль! — всхлипнул он. — Вот награда за все его таланты и за жизнь, отданную преданной службе Легиону и Системе! Сгореть в печи, в топке чудовищной кометы!

Он заморгал и высморкался.

— Вино! — прошептал он. — В доме есть вино. Драгоценное крепкое древнее вино, отобранное и выдержанное тем, другим гением, который освоил этот камень. Прекрасное старое вино, слишком редкое, чтобы позволить ему сгореть в печи...

Смутная улыбка разгладила беспокойство на его лице, и он тяжело пошел к огромному белому особняку. Прислушиваясь, Боб Стар различил тихо насвистываемый мотив печальной, но гордой баллады Легиона «Воробей Луны».

Хал Самду по-прежнему стоял, выпрямившись во весь рост и глядя на планету индиго. Мускулы его угловатого обветренного лица напряженно работали: он что-то неразборчиво бормотал. Высокий командор опирался на корпус «Птицы Зимородок», словно его покинула жизнь. Боб Стар повернулся к Кай Нимида, которая перевела взгляд с него на пурпурное солнце.

— Пошли, Кай, — сказал он сдавленно. — Погуляем.

Она улыбнулась.

— Си, — сказала она медленно. — Ахндар.

Они пересекли посадочное поле и поднялись на груды валунов. Въехавшие в них лишайники имели необычный цвет, изменяющийся под зеленым небом, так что дикие пики были фантастичны, как шпили волшебного города.

Боб Стар усадил ее возле покрытого мхом карниза. Он сомкнул вокруг нее руки. Он

чувствовал, как она дрожит. Она глядела в зеленое небо, и глаза ее походили на огромные пруды ужаса. Они были потеряны, сбиты с толку, беспомощны на мертвом обреченном мире. И все же он прижал ее к себе и попытался думать только об ее белой красоте.

Внизу, среди камней, показался Жиль Хабибула, задыхающийся от возбуждения.

— Пошли, парень, — пропыхтел он. — Восторги любви — пища и питье юных, это я знаю. Однако это может подождать, пока мы не сделаем самое необходимое. Пошли?

— Что случилось? — Боб Стар не сделал попытки подняться, ибо для него ничто не имело значения.

— Джей просит тебя прийти помочь нам грузить на «Птицу Зимородок» ракетное топливо.

— Ракетное топливо? — изумленно переспросил Боб Стар. — Но его же нет!

— Есть!

Боб Стар помог девушке спуститься, и они пошли за Жилем Хабибулой.

— Где? — прошептал он, затаив дыхание. — Где Джей нашел ракетное топливо?

— Ах, дружище. — Старый солдат покачал лысой головой отливающей зеленым отсветом кометы. — Судьба гения всегда одинакова: она ложится безвестным в безымянную могилу. Это не Джей нашел драгоценное топливо. Это старый бедный Жиль Хабибула.

— Где ты его нашел?

— Бедный старый Жиль отправился поискать винца, которое помогло бы ему забыть о жутких кlyках смерти. Однако под этим смертельным зеленым небом его старый дух, слабый и вялый, внезапно восстал. Ах, да! Его драгоценный гений пробудился от прикосновения опасности и воспротивился гибели! Он вспомнил теорию Джея о том, что владельцы астероида должны были прятать топливо от космических пиратов. Это позволило понять натуру того, другого гения, который создавал это место. Ах, и это направило его старый палец на скрытое топливо.

Они шли по посадочному полю. Толстая рука старика показывала на коробку переключателя, встроенного в стену белого дома, с помощью которого можно было контролировать освещение.

— Я просто подошел к этой коробке, дружище, и открыл ее. Мои пальцы еще не покинула ловкость, парень. Я нашел секрет коробки, который был бы вряд под силу кому другому. И вот топливо здесь.

Они обогнули омываемый зеленым светом корпус «Птицы Зимородок». За ним, в дюжине ярдов от воздушного шлюза, над щебенкой поднимался небольшой цилиндр. Хал Самду выкатывал из его дверей черные бочки с корабельным топливом.

Боб Стар бросился ему на помощь. Не более чем двумя часами позже Боб Стар вместе с командором и Кай Нимида поднялись в рубку «Птицы Зимородок». Девушка настойчиво показывала в смотровой иллюминатор на индигоый диск главной планеты.

— Айтрин, — сказала она тихо и серьезно. — Стивен Ор-рко! Мы летим?

— Мы можем отправляться? — спросил командор, повернувшись к Бобу Стару.

— Можно попытаться.

Его пальцы коснулись клавиатуры. Голубые струи омыли щебенку поля, и дюзы взревели над белыми колоннами пустого особняка. «Птица Зимородок» вновь была жива и летела в зеленой бездне кометы. Астероид остался позади, замерцал и исчез на фоне зловещего лика пурпурного солнца.

Боб Стар почувствовал сожаление, что ему предстоит погибнуть. Ибо именно в этой возвышенной экзотической красоте он встретил Кай Нимида. Любовь к ней каким-то образом распространилась и на смеющиеся заросли и дикое величие раскрашенных лишайником скал, и на покой длинного белого здания над улыбающимся озером. Он огорченно подумал, что эту загадку никогда не удастся решить. Затратив на попытки несколько дней, Джей Калам убедился, что не сможет расшифровать книгу, которая, видимо, была дневником. Анонимность неведомого автора отныне станет вечной. Цель потайной лаборатории, значение витого креста жизни над скрещенными костями смерти, возможная

связь между астероидом и Стивеном Орко — на эти вопросы им уже не найти ответа.

— У нас достаточно топлива, чтобы добраться до главной планеты? — спросил командор.

— Резервуары не полны даже наполовину. У нас не было времени на погрузку. — Боб Стар некоторое время молчал, хмуро глядя на калиброванные экраны и проводя подсчеты. — Я думаю, мы сможем...

У него перехватило голос, когда экраны курсопрокладчиков вспыхнули и зазвенели сигналы тревоги. Удивленный, он отвернулся от приборов.

— Силовой луч — вот что это! Между планетой и атомной энергостанцией. Мы пойманы ее силовым полем. Это опасность, которой я не предвидел...

Он помолчал, чтобы снова посмотреть данные, и быстро рассчитал новый курс корабля.

— Я думаю, мы сможем высвободиться, но это потребует много топлива. — Вновь проверив свои расчеты, он покачал головой и прикусил губу. — Я боюсь, что посадка наша будет не слишком мягкой.

Сосредоточенный, с отвердевшим лицом, он опять повернулся к экранам и компьютеру, вступив в безмолвную борьбу за сохранение каждой драгоценной капли горючего.

Полет длился часы и, пожалуй, был долгим. Однако Бобу Стару казалось, что они едва успели покинуть астероид, прежде чем «Птица Зимородок» стала спускаться в бледном зеленом небе, загроможденном разноцветными мирами, к темной, необычно выровненной поверхности главной планеты.

Этот великий мир выглядел совершенной сферой цвета индиго, не нарушаемой ни горой, ни морем. Он казался совершенно лишенным характерных черт, предназначенным исключительно для ошеломительно колоссальных машин, красным и таинственным под их бледными куполами зеленоватого свечения, разбросанными на дистанции в сотни и тысячи миль.

Когда эта темная, необычно грозная поверхность простерлась перед ними, Кай Нимида показала сквозь смотровой иллюминатор на возвышающийся купол одной из этих машин.

— Лететь... — сказала она нетерпеливо и искала подходящее слово. — Туда.

Боб Стар кивнул и направил в указанном направлении нос «Птицы Зимородок».

— Я попытаюсь, — прошептал он.

Однако стрелка указателя топлива неудержимо ползла к нулю. Гул дюз стал прерываться предупреждающим кашлем. Он покачал головой и перевел «Птицу Зимородок» в пологое пики над миром цвета индиго, и дюзы замолкли еще до того, как корабль прекратил движение.

— Резервуары пусты, — ровно сообщил он. — Корабль больше не будет двигаться.

Кай Нимида схватила его за плечо и показала на малиновую циклопическую машину впереди, на удивительную и фантастическую загадку красного металла под прозрачным куполом мерцающего зеленого цвета.

— Извини, Кай. — Он снова покачал головой. — Нам до нее не долететь.

Вопросительное выражение в ее карих глазах медленно сменилось испугом и разочарованием.

— Возможно, мы сможем дойти, если нас не обнаружили, — с надеждой предположил Джей Калам. — Кай, похоже, решила провести нас к машине. И она не настолько, видимо, далеко...

— Расстояние обманчиво, — сказал Боб Стар, — из-за огромных размеров планеты, замечательной чистоты атмосферы и отсутствия других объектов для сравнения.

— Какое оно?

Боб Стар взглянул на свои приборы.

— Согласно моим последним наблюдениям, — сказал он наконец, — эта машина примерно в ста двадцати милях от нас.

Враждебный удар чужого мира поверг всех пятерых в замешательство, и прошло пять

часов, прежде чем они покинули воздушный шлюз бесполезного корабля. Они провели это время, готовясь к отчаянному походу более чем за сто миль. Боб Стар и Хал Самду тащили носилки, сооруженные из металлических дверей, выломанных на корабле. На носилках была пища, вода и оружие.

Их шаги музыкально звенели над плоской бесконечностью поверхности планеты. Эта удивительная субстанция была совершенно гладкой и твердой, и ноги скользили по ней. Нигде, насколько они видели, она не нарушалась ничем выдающимся. Поначалу им было трудно идти; Жиль Хабибула дважды растянулся. Но было и преимущество: носилки, поставленные на поверхность, скользили при малейшем усилии.

— Целый мир под броней? — удивился Боб Стар. — Это металл?

— Это не металл. — Джей Калам покачал головой. — У меня оставалось время для изучения после того, как я закончил проверку атмосферы, однако я до сих пор не знаю, что это такое. — Он тяжело пожал плечами. — Это тверже алмаза и прочнее стали. Кислоты на него не действуют. Он не поглощает и не выделяет тепла. Возможно, это вовсе не материал, а некое стабильное силовое поле, более или менее похожее на зеленый барьер.

Как это ни удивительно, проверки показали, что атмосфера пригодна для дыхания. Большое содержание кислорода компенсировало низкое атмосферное давление. Поверхностная гравитация, как сообщил Боб Стар, чуть меньше земного стандарта. Поскольку планета была в четыре раза больше Земли в диаметре, это говорило о том, что ее относительная плотность крайне низка.

На небольшом расстоянии от «Птицы Зимородок» Джей Калам остановился, и все они посмотрели назад. Серебряный крейсер стоял, маленький и одинокий, на синеватой алмазно-ровной поверхности. Это был единственный объект на бесконечном мире, слабо мерцавший под бледно-зеленым небом.

Внезапно у них на глазах из орудийной башни вырвалось голубое пламя. Блестевший корпус быстро раскалился докрасна, из иллюминаторов появилось пламя. Они отправились прочь с сожалением, потому что это был хороший корабль.

— Они наверняка найдут обломки, — сказал Джей Калам, — но я думаю, что они решат, что мы погибли с кораблем.

Они тащились, устало толкая носилки, к красному решету огромной машины, располагавшейся в сотне миль от них. Боб Стар не сводил с нее глаз, апатично удивляясь. Она стояла на квадратной платформе, которая, как он установил, должна быть около двух миль в высоту и десяти в длину. Машина высилась над платформой, столь огромная, что он не отважился попытаться вычислить ее высоту.

Кроваво-красный материал, из которого она была сооружена, сиял как металл. Это был огромный каркас из колоссальных лучей и балок. Тут были движущиеся части, столь сложные и столь странные, что он не мог найти для них ни названия, ни объяснения. В частности, взгляд его уловил большой белый предмет, имевший форму сплюснутого апельсина, который нерегулярно двигался вверх и вниз между двумя очень большими малиновыми пластинами. Все это было заключено в прозрачный зеленоватый купол, который казался в чем-то родственным небу.

Им овладело отчаяние.

— По сравнению с этой машиной, — пробормотал он, — мы — не более чем пять мух.

Они продолжали брести. В идеально чистом воздухе машина всегда выглядела так, будто до нее можно было дотронуться в любую минуту. И она всегда отступала, издеваясь над их жалкими усилиями. Наконец, уступив жалобным стенаниям Жили Хабибулы, они остановились. «Птица Зимородок» пропала из виду. Они сгруппировались в маленький круг возле носилок на необъятном мерцающем пространстве. Они поели, напились, экономно расходуя продукты, и попытались отдохнуть.

Ветра не было. Холодный воздух был гнетуще неподвижен. Зеленое небо не менялось. Облака отсутствовали.

— Планета не вращается, — прокомментировал Джей Калам. — Здесь нет ни погоды,

ни даже времени. Это неизменный мир.

Над ними нависла грозная тишина. На этой огромной равнине никто не жил, не двигался и не подавал голоса. Зеленые небеса были в равной мере лишены жизни или движения. Холодный диск пурпурного солнца висел неподвижно высоко над ровным горизонтом. Они видели сияющие линии тройного луча, направляющиеся к ним. Множество планет неподвижно застыло в бледно-зеленом вакууме. Они не двигались, не меняли положение.

Жиль Хабибула вытер пот с желтого лба обратной стороной руки.

— Ах, я, несчастный, — застонал он. — Какой неподходящий и жуткий мир для того, чтобы умереть в нем! Однажды, в одном безнадежном походе, Жиль Хабибула пронес бутылочку вина сквозь смертельные преграды континента, гораздо большего, чем драгоценная Земля. Однако потом он встретился с врагами, которых не мог понять. Он никогда не испытывал такой нужды в светлой силе вина. — Он похлопал по мешкам на волокуше и нашел бутылку какого-то редкого разлива с астероида. Поглядев на нее ревнивым взглядом, он предложил ее по очереди всем остальным и затем с благодарностью осушил сам.

Даже Джей Калам был слишком утомлен, чтобы скрывать подавленность.

— Это верно, — сказал он, — что никогда еще дела не обстояли для нас так плохо, даже тогда, на Убегающей Звезде. Хотя твари, с которыми мы тогда встретились, были способными учеными и страшными врагами, они все же были проигравшими и разбитыми беглецами из своей среды обитания.

Но кометки их превосходили. Существа с Убегающей Звезды были смертны, мы могли их иногда убивать, а кометки бесплотны. — Он сжал тонкие губы. — Я очень сомневаюсь, что какое-либо из сделанных человеком орудий может уничтожить одного из них.

Вздвогнув, Хал Самду уставился на него.

— Даже Аладори?

Джей Калам покачал головой.

— АККА уничтожает все материальное, однако я не уверен, что кометки материальны.

— Ах, да, Джей, — прохрипел Жиль Хабибула. — Это всего лишь жест отчаяния. В своей попытке разгромить кометчиков и уничтожить Стивена Орко мы — не более чем пять муравьев, кочующих по всей Системе...

Сопящий голос сменился молчанием. Тусклые глаза, глядящие в зеленое небо, казалось, наполнились влагой. Он тяжело вздохнул.

— Хорошо, — сказал он, — что мы выпили вино.

Боб Стар увидел далекий объект, быстро скользящий к ним в зеленом свете. Он двигался в сторону «Птицы Зимородок». Джей Калам схватил Жиль Хабибулу за руку.

— Не беги, — сказал он, — бежать здесь некуда. Если мы ляжем, возможно, нас не увидят.

Боб Стар рухнул возле Кай Нимида. Он схватил ее за руку и в отчаянии прижал к себе. Лицо ее было белым от напряжения, измученным. Бледные губы дрожали. В глазах был неодолимый ужас. Жалость вонзилась в его сердце, словно нож.

Раздирающий нервы звук оторвал его от девушки, он вскочил, ошеломленный и испуганный. Некоторое время он не мог понять, что это за звук. Потом догадался, что это кричит Жиль Хабибула. Старик дрожал, медленно опускаясь на колени. Лунное лицо его было желто-серым, искаженным ужасом. Маленькие круглые глаза — неподвижны, блестящи, выпучены.

— Что такое, Жиль?

— Смерть моя! — всхлипнул старик. — Эта ужасная тварь, или похожая на нее, та, что съела Марка Лардо!

Боб Стар посмотрел и увидел объект, который только что сиял вдалеке, а теперь находился над ними. Впервые его полные ужаса глаза увидели одного из кометчиков.

Он висел в воздухе неподалеку от них.

Внизу медленно плыла крошечная красная звезда, окутанная туманной алой оболочкой. В десяти футах над нею висела фиолетовая звезда, окутанная фиолетовым туманом. Красная казалась раскаленной как солнечная поверхность, а фиолетовая — холодной как космическое пространство.

Между обеими звездами струился туман. В его движении была жизнь — это было похоже на пульсирующую артерию света. Красная и фиолетовая звезда также пульсировали, как огненные сердца. Туман, опоясывающий столб пламени, был широким зеленым кольцом. Это была только часть существа, которое выглядело совершенно материальным, — но, тем не менее, Боб знал, что оно может пройти сквозь прочный сплав корпуса космического корабля.

Его ошеломленный ум вначале воспринял существо как нечто совершенно невозможное. Он моргнул и посмотрел на темную равнину, протер глаза. Однако существо не исчезло, когда он посмотрел вновь. И его чудовищная реальность въедалась в мозг, словно едкий яд. Он сопротивлялся пронзительному, парализующему ужасу, исходящему от существа.

— Всего лишь цветные лампочки, — пробормотал он. — Движение тумана. Не надо бояться...

Но разум-убийца тут же нахлынул на него. Онемевшие чувства угадали ужасную сущность в этих разноцветных лампочках — чужой мозг, сверхъестественно мощный и совершенно злой. Каждый атом его тела взаимодействовал с ним, автоматически внезапно изменяясь.

И непрекращающееся биение старой странной боли под треугольным шрамом Железного Исповедника внезапно усилилось. Каждый импульс становился болезненным, умопомрачительным ударом об обнаженную ткань мозга.

Он боролся со страхом и болью. Быстро, полубессознательно, пальцы его подзарядили два протонных пистолета. Эти два пистолета одновременно поднялись.

Изумрудное кольцо выглядело наиболее материальной частью существа. Он навел на него оружие и нажал одновременно на оба спуска, и не отпускал пистолеты, пока не истощил оба заряда одним-единственным выстрелом. Два этих слепящих фиолетовых луча могли прорезать бронированную сталь футовой толщины и расцедь на расстоянии в милю любое живое существо — насколько в Системе понимают жизнь.

Однако, словно призрачные мечи, они прошли сквозь зеленое кольцо, не причинив ему вреда.

Дрожа от потрясения и ледяного разочарования Боб Стар вспомнил мнение Джея Калама о том, что человеческое оружие не может убить кометчика.

— Кай... — неожиданно вырвалось из его пересохшего горла. — Кай...

Голос его прервался, словно от прикосновения смерти. От столба светящегося пламени послышался другой голос, чья беззаботная ироничная легкость была самым поразительным из того, что Бобу Стару приходилось слышать.

— Это совершенно бесполезно, Боб. — Это был голос Стивена Орко.

Боб Стар, зашатавшись, отступил. Легкий звонкий голос был более ужасен, чем весь этот светящийся в воздухе кошмар.

— Ты уже имел шанс, Боб, — сказал голос. — Когда я был в тюрьме на Нептуне, тебе было достаточно коснуться красной кнопочки. Но тебе это не удалось. И боюсь, что никогда не удастся. Отныне, Боб, мое тело невозможно уничтожить.

— Ты... — Ужас поставил его голос на край срыва. — Это... ты?

— Я — то, что ты видишь, Боб. Один из водителей кометы.

Внутри сияющего существа послышалось тихое насмешливое хихиканье. Затем последовала короткая тишина, и чистый голос заговорил опять.

— Возможно, Боб, — весело предположил он, — тебе было бы интересно услышать о своей матери? С того момента, как ты с ней простился, прошло некоторое время.

Дрожа и чувствуя тошноту, Боб Стар наклонился вперед. Ликующая удовлетворенность в этом беззаботном голосе подсекла ему хребет, словно ледяной топор. Хрипло, жесткими непослушными губами он заставил себя проговорить:

— Что с ней?

— Я побеспокоился насчет твоей матери, Боб. — Текучая ирония не исчезала из голоса Стивена Орко. — Потому что она пропала. Мои новые помощники обыскали в ее поисках всю Систему, но тщетно. Я даже встревожился, потому что ее жизнь — единственная преграда для меня.

Однако мне только что сообщили об ее пленении. Оказалось, что твой отец на своей «Звезде-Фантоме» увез ее из Системы к звезде 61 Сигмы. Мои помощники с ними справились. И я надеюсь, Боб, в ближайшее время встретить твою мать здесь, в комете.

СТАДО И ПАСТУХ

Боб Стар проснулся от необычного сна.

В этом сне он думал, что его тело приняло сияющую форму одного из кометчиков. И эта бестелесная сущность — он сам — плыла сквозь зеленую пустоту кометы. Впереди, такой же сияющий призрак, летел Стивен Орко.

Этот, из сна, Стивен Орко уносил женщину. Он намеревался сожрать ее самым ужасным образом. От нее должна была остаться только сморщенная кожа — окровавленная, ужасная. И даже эта кожа должна была распасться и превратиться в иризирующий пепел и жидкость. Иногда эта женщина была его матерью, иногда — золотоглазой Кай Нимиди.

Иногда, даже в своей бестелесной форме, Боб Стар нес оружие. Он не сознавал его формы, однако это было нечто, способное убить Стивена Орко и спасти зовущую его женщину. Но ужасный страх сбивал его с ног, отправляя в зеленую бездну. Его сияющие черты метались под ударами огромного красного молота боли. Стивен Орко бешено кричал на него, превращал боль в муку, в жестокий механизм Железного Исповедника:

— Ты не можешь! Ты не можешь никого убить!

Он проснулся и понял, что это был испуганный тихий голос Кай Нимиди, которая его разбудила.

— Са деспете! — Она была встревожена. — Са деспете!

Он лежал лицом вниз, головой на ее коленях. Прохладные руки лежали на его лбу, и, казалось, они утоляли старую боль под шрамом. Он посмотрел вверх и увидел ее обеспокоенное лицо, необычно расплывчатое и странное под бледным зеленым небом. Он попытался подняться и обнаружил немоту во всем теле. Страшное, как сон, воспоминание возвратилось. Он снова услышал звенящий в мозгу насмешливый и презрительный голос Стивена Орко:

— Я не намерен торопить твою гибель, Боб. Корабль был допущен сюда, чтобы доставить тебя и твоих спутников. Ты будешь помещен вместе с партией пленных с Плутона в эту крепость, к моим новым друзьям. И окончательно...

От сияющей твари вновь донеслось хихиканье.

— Ты когда-нибудь видел, как мы питаемся, Боб? — Этот легкий голос звучал еле слышно. — Ну что ж, увидишь. Но, пока ты будешь ждать, я хочу, чтобы ты подумал еще кое о чем.

Я не могу быть убит.

Ты уже доказал это с помощью своих пистолетов. И бесполезно трясти головой и сжимать кулаки — твое лицо все равно выдает невольное восхищение моей физической оболочкой. Действительно, она восхитительна. Космос для меня больше не является преградой, точно так же, как и любая материальная стена. Однако лучшая ее черта — это бессмертие.

Мое новое тело воистину вечно, Боб. Оно имеет массу и потенциальную энергию. Но это не та форма материи, которая тебе известна, Боб, и энергия эта за пределами понимания

ваших физиков. Его не уничтожит даже оружие твоей матери.

Эта бессмертная обитель для интеллекта — высшее достижение моих новых сподвижников, Боб. Ты не предполагал, что они искусственные? Но водители кометы некогда были существами из плоти. Возможно, они не слишком отличались от людей. Однако они не могли смириться со слабостью, бессилием, смертью. Они призвали науку превратить свои разумы в вечные конструкции специализированной энергии.

Кометчики согласились принять меня в свою среду, чтобы обезопасить себя от оружия твоей матери: АККА способна уничтожить все их тончайшее оборудование и все их владения, хотя и не способна аннигилировать их тела.

— А теперь, Боб, — издевался над ним веселый голос, — я вынужден покинуть тебя. Твои родители, как я тебе говорил, доставлены на комету. Надо пойти поприветствовать твою мать.

Стивен Орко хихикнул в лицо Боба, и лицо того исказилось мукой.

— Я хочу обсудить с нею принцип АККА. Мне не все удалось выяснить во время собственных исследований. И тогда наши обсуждения закончатся, Боб...

Если тебя удивляет, почему мы вынуждены питаться именно так, как мы это делаем, то это лишь потому, что даже эти неистребимые устройства для жизни несовершенны. Они предназначены быть вечными носителями интеллекта и они способны бесконечно сохранять наши разумы, несмотря ни на какие обстоятельства. И все же их совершенство иногда может показаться изъязном.

Потому что это не те тела, к которым мы привыкли. Чувства их превосходны, однако они не те же самые. Механизмы эмоций, в основном, были уничтожены при их конструировании, как бесполезное убежище плоти. Закономерное наказание, которое мы вынуждены нести за свое бессмертное совершенство, — это периодический голод по эмоциям и ощущениям, которых мы лишились.

Будучи, однако, существами способными, мои новые друзья нашли способ удовлетворять этот голод. Жизненная энергия наших бессмертных тел требует регулярного пополнения за счет преобразования обычной материи. Забирая эту материю из тел, к которым мы в свое время привыкли, причем делая это так, что при этом стимулируются наиболее сильные эмоции и ощущения, мы способны удовлетворить оба аппетита — и физический и духовный, так сказать, одновременно.

Поскольку наши разумы — выходцы из множества совершенно различных рас, мы вынуждены держать собственные стада соответствующих созданий. Я намерен создать человеческую колонию, Боб, и ты, и твои друзья в скором времени увидите приготовления.

Тем не менее, я намерен первое свое блюдо сделать из твоей матери. Я узнал от своих новых друзей, что близкая взаимосвязь разума и чувства, установленная за время процесса приема пищи, позволит мне узнать ее мнение обо все, что мне хочется знать. А потом...

Сияющая тварь тихонько захихикала.

— Ты видел, что остается после того, как один из нас поест, Боб? Сможешь ли ты после этого смотреть на свою мать? Маленькая как дитя, дрожащая и бесцветная. Когда ты это увидишь, Боб, у меня будет к тебе вопрос. Я намерен спросить, а что, если безымянный отверженный космоса возьмет в жены эту изнеженную милашку из Пурпурного Холла?

Сардонический голос растаял, и зеленый туман затянул кометчика...

Боб Стар вновь неуверенно пошевелился, пытаясь бороться с охватившим его параличом, и Кай Нимида помогла ему сесть. Моргая, чтобы прочистить глаза, он увидел в зеленом небе не дающее тепла пурпурное солнце и простирающуюся вокруг скользкую синюю поверхность главной планеты. Импровизированная волокуша лежала рядом с ним. Джей Калам, Хал Самду и Жиль Хабибула торопливо разгружали ее, откладывая в сторону запасные протонные пистолеты и заряды к ним.

— Ах, вот как! — жалобно просопел Жиль Хабибула. — Этот монстр все испортил, абсолютно все, точно так же, как мои драгоценные геодины на борту «Птицы Зимородок». — Он увидел Боба Стар и просветлел. — Ах, дружище, старый Жиль рад видеть тебя опять.

Мы думали, что ты уже не проснешься...

— Смотрите! — громыхнул Хал Самду. — Похоже, что этот корабль, о котором он говорил, идет за нами.

Быстро поднявшись на ноги, Боб Стар взгляделся в зеленое небо.

Он увидел летящий объект, снижающийся в их направлении. Это было толстое горизонтальное блюдо, красное как эта колоссальная машина, высящаяся над голубым горизонтом. На его верху была площадка, окаймлявшая низкий красный купол. Оно снижалось без рева дюз, без посредства каких-нибудь видимых проявлений работы двигателей.

Боб Стар встревоженно взял Кай Нимиди за руку.

— Что... — хрипло прошептал он. — Что нам делать?

— Ничего, просто попытаемся спастись, — произнес усталый голос командора. — И будем надеяться на счастливый шанс — на какое-нибудь чудо, пока мы живы.

Красный диск медленно опустился неподалеку от них. Обманчивые условия не позволяли точно определить расстояние до него, но он внезапно оказался значительно больше, чем поначалу предположил Боб Стар.

Лязг какого-то металлического приспособления — возможно, механизма люка — заставил Боба Стару напрячься даже в его безнадежной апатии. Он услышал совиный крик и затем что-то, похожее на грохот каменных барабанов. Это были те же звуки, вспомнил он, что он слышал из невидимого корабля, который унес Стивена Орко с Нептуна. Внезапно в малиновом боку диска распахнулось огромное квадратное отверстие. Квадратная дверь распахнулась наружу, образовав наклонный пандус. По этому пандусу спустились чудовищные твари.

Несмотря на нерешенную загадку принадлежности Кай Нимиди к человеческой расе, Боб Стар уже не ожидал, что они будут похожи на людей. И все же он не был готов к тому ощущению потрясения, которое вызвали у него эти твари, спускающиеся по пандусу.

Впереди двигалась десятифутовая сфера из какого-то серебристого металла, окруженная посередине темным обручем. Поначалу Бобу Стару показалось, что она катится, однако затем он увидел, что это катится только обруч, скользя вокруг сферы. Каждый полюс ее представлял собой темный мерцающий выступ, который выглядел похожим на фасеточный глаз. Над каждым из этих выступов помещались по три длинных сияющих щупальца, в настоящий момент свернувшиеся кольцами вблизи полусферы.

Два следующих существа были строго конической формы, примерно двенадцати футов в высоту. Они были ярко-зеленого цвета, кожа у них имела маслянистый отблеск. Основания, видимо, были эластичными уплощенными мембранами, расширяющимися до полусфер, над которыми они суживались удивительно ровно. Темные заостренные органы, которые их увенчивали, поворачивались туда-сюда, словно своеобразные головы. Зеленые конусы парили на воздушных подушках — они выглядели карикатурными игрушками для младенцев, но в том, как грозно и целенаправленно они двигались, не было ничего игрушечного.

Трое остальных были стройными трехногими гигантами. Их вытянутые тела, отдаленно напоминающие человеческие, были, пожалуй, футов пятнадцать в высоту. Они были покрыты смутно сияющими темно-красными доспехами, как хитином. У каждого было шесть верхних конечностей, образующих нечто вроде бахромы над гроздьё стеблевидных органов, там, где должна быть голова. Они несли какие-то приспособления или оружие.

— Смерть моя! — захрипел Жиль Хабибула. — Неужели эти ужасные твари — хозяева кометы? А не просто сияющие чудовища?

— Я так не думаю. — Командор стоял, мрачно глядя на их приближение. — Я полагаю, что это рабы кометчиков. Пастухи, видимо, тех существ, которых они разводят для еды...

Он внезапно замолчал.

Серебристая сфера повернула чуть в сторону на несколько ярдов. Она остановилась, черный обруч перестал вертеться. Из нее послышались грубые совиные крики, похожие на

команды. Зеленые конусы ответили со смутной грохочущей вибрацией, которая исходила, похоже, от нижних мембран. Темно-красные трехногие существа не издали ни звука. Однако они двинулись вместе с конусами, растянувшись полукругом, чтобы охватить кольцом пятерых, держа наготове ремень. Боб Стар автоматически потянулся за протонным пистолетом.

— Подожди, Боб, — устало пробормотал Джей Калам. — Наше оружие полностью испорчено. Мы не можем сопротивляться...

— Но, Джей, — возразил Хал Самду, — мы не можем сдаться без боя!

— Мы должны, — тихо настаивал Джей Калам, — мы должны сохранить свои жизни и надеяться на какую-нибудь возможность...

Гигант издал сдавленный горловой звук.

— Сдаваться! — возмущенно прохрипел он. — Легионеры не сдаются! — Схватив бесполезный протонный пистолет, словно дубинку, он бросился навстречу ближайшему зеленому конусу. — Мы не сдадимся! — послышался его голос. — Пока Аладори в опасности!..

Кай Нимида бросилась за ним, чтобы остановить его, и закричала:

— Пахрати!

Она опоздала. Тонкая эластичная верхняя конечность зеленого конуса захлестнулась вокруг него. Из темного сплюснутого органа на его конце, похожего на заостренный наконечник, ударил тонкий и слепящий луч оранжевого света.

Хал Самду рухнул, застонал от мучительной боли.

— Мы не можем сопротивляться, — безнадежно повторил Джей Калам. — Помогите мне нести его, Боб. Мы пойдем на борт, если это то, чего они хотят. Ничего...

Его тихий голос прервался восклицанием. И Боб Стар был изумлен, когда он повернулся и заговорил с Кай Нимида такими же странными и текучими словами, как и она.

Тюремный трюм занимал весь нижний ярус корабля-диска. Это было обширное помещение диаметром сто футов, часть центра которого было закрыто стеной без дверей, возможно, скрывающей двигательные отсеки. Иллюминаторов не было, и единственным источником освещения было слабое красное свечение, отражавшееся от высокого металлического потолка. Вентиляция была неважной, санитарные условия просто отсутствовали, и воздух был переполнен запахами находившихся внутри.

Вход был закрыт массивной решеткой из красных металлических прутьев на верху длинного трапа. Одна из серебристых сфер оставалась на страже за решеткой, однако ни одно из существ кометы не вошло в трюм.

Пятеро новых узников были загнаны в трюм и остались стоять на трапе. Осматривая Хала Самду, который все еще был не в силах ни говорить, ни сидеть, Боб Стар и Жиль Хабибула обнаружили маленькое круглое пятно ожога у него на виске.

Боб Стар попытался нести его, когда они оказались на борту, но один из стройных красных великанов отобрал у них бесчувственное тело, схватив его бахромчатыми конечностями.

Тысячи жалких заключенных, находившихся в трюме, по большей части сидели или лежали на голом металлическом полу. Они были одеты в причудливые обрывки одеяний, лишь немногие имели странные маленькие узелки со своими пожитками. Неумытые лица, изможденные от отчаяния и обреченности, и звук, который они все скопом издавали, был усталым шепотом полной апатии, без просвета надежды и смеха.

Возле трапа Боба Стара встретил худой серолицый человек, который брел, словно усталый призрак, по обширной палубе, перешагивая через лежащие тела и вглядываясь в лицо каждого спящего или плачущего ребенка.

— Ты не видел моего сына? — прохрипел усталый незнакомец. — Синеглазого мальчика с вьющимися желтыми волосами. Его зовут Джон — это в честь великого Джона Стара. Ты его не видел?

Боб Стар покачал головой и увидел, как надежда в глазах того сменилась отчаянием.

— Откуда ты? — спросил он.

— С Плутона. — Налитые кровью глаза взглянули на него со смутным любопытством. — Меня зовут Гектор Вальдин. Я работал в Вотанге на платиновых копиях. — Узловатые руки сделали тяжелый жест. — Эти люди — мои друзья и соседи. Однако сейчас...

— Как ты попал сюда?

— А ты не знаешь? — Тощий человек уставился на него. — Так вот, говорят, что-то случилось со всеми базами Легиона. Я видел человека, который наблюдал конец форта Вотанга. Батареи начали стрельбу и прекратили. В стены ударил красный луч, и они рухнули. Осталась только огромная яма.

Усталый человек пожал плечами.

— Я не знаю, что это было. Но затем в небесах стало расти что-то зеленое. Люди сказали, что это была комета. И Плутон каким-то образом затянуло внутрь. Я не знаю...

Внезапно, словно от свирепой боли, его зубы заскрипели.

— А потом пришли эти чудища. Они сожгли наши дома, вытащили наших детей и женщин и схватили их. Они забрали нас куда-то. Я не знаю, куда. Однако мой сын Джон пропал. — Налитые кровью глаза с мольбой взглянули в лицо Боба Стара. — Ты не видел маленького голубоглазого мальчика?..

Вот какова, горько подумал Боб Стар, судьба всего человечества.

— Эти твари заходят сюда? — Этот вопрос был вызван смутным и безнадежным порывом бежать. — Они открывают когда-нибудь эту решетку?

— Они никогда не появляются среди нас. — Гектор Вальдин покачал головой. — Дверь не открывалась с тех пор, как нас загнали на корабль.

— Как они чистят пол и кормят пленных?

— Они не чистят пол, — сказал Гектор Вальдин. — И единственная пища, которую нам дают, — это кислые отходы, которые они бросают через решетку.

Лишенные надежды глаза вновь всмотрелись в Боба Стара с усталым недоумением.

— Где был твой дом? — спросил он. — Мне кажется, я никогда не видел тебя в Вотанге.

Боб Стар отвернулся, слушая безнадежный шепот тысяч сидящих и лежащих на полу, а затем взглянул на массивную запертую решетку наверху трапа.

— Это неважно, если не хочешь говорить, — пожал плечами Гектор Вальдин. — Большинство из нас слишком ошеломлены, чтобы понять, что происходит. Ладно, друг, мне надо идти искать сына, Джона...

Внезапно в глаза Боба Стара ударил синий свет. И на его тонком лице появилась улыбка, призрачная и опасная улыбка.

— погоди, Гектор Вальдин. — В голосе его звенело нетерпение. — Я скажу, кто мы и как сюда попали.

— Пустяки, — пробормотал худой человек. — Это не имеет значения. Я должен найти Джона.

— Подожди, — настойчиво сказал Боб Стар. — Если ты чтишь имя Джона Стара...

И Гектор Вальдин вернулся, и усталая апатичность отчасти покинула его лицо. И другие, что были поблизости, собрались вокруг них, чтобы послушать. Ибо голос Боба Стара звенел, созывая их. И он произносил магические имена из славной истории человечества.

— Джей Калам, командир Легиона... Великан, который сидит здесь, — это Хал Самду, который отправился с моим отцом и остальными к Убегающей Звезде... Жиль Хабибула — он может открыть дверь, чтобы пропустить нас на корабль... Моя мать, Хранитель Мира. Она тоже в плену и вот-вот должна погибнуть...

Боб Стар говорил. Он произносил зажигательные слова. Он был слегка удивлен уверенностью, появившейся в его голосе. Потому что в душе он признавал, что надеяться не на что. Он знал, что они для кометчиков не более чем стадо.

Он знал, что Стивен Орко не может быть убит.

Вскоре его слушали очень многие. Заинтересованность быстро проникала сквозь отчаяние на лицах усталых людей. И свет надежды зажигал одного за другим...

СЫН ДЖОНА СТАРА

Первый диалог Джея Калама и Кай Нимида оказалось неожиданно трудно прервать. Он начался на алмазно-гладкой поверхности планеты, когда девушка крикнула Халу Самду, чтобы он остановился, и удивленный командор обратился к ней на ее собственном языке.

Даже в присутствии пленивших их врагов лицо ее засияло от восторга. Она обрадованно бросилась к командору и обхватила его своими маленькими руками.

Она поднялась на цыпочки, чтобы поцеловать его в обе щеки. Затем, полностью игнорируя существа, которые загоняли их на корабль, она возбужденно говорила с ним. И Джей Калам отвечал, неуклюже, сбивчиво, но так, будто понимал.

Они испуганно остановились, когда конвоиры затолкали их в трюм и закрыли за ними массивную решетку. Внизу, на трапе, они продолжали разговор. Кай Нимида говорила очень быстро. Лицо ее сияло от возбуждения, улыбалось, хмурилось от усилий сделать слова более понятными; оно светилось надеждой, потом опять покрылось тенью тревоги.

Темное лицо Джея Калама, напротив, было совершенно неподвижно. Он, в основном, лишь слушал, хмурясь от стараний понять. Однако иногда он вмешивался, прося девушку повторить или задавая какой-нибудь вопрос.

Боб Стар не раз подходил к ним и снова уходил, поскольку они не обращали на его внимания. За ним следовали люди, ведомые его словами, будто развивающимися золотистыми знаменами. Это его удивляло, потому что он был всего лишь юношей, испуганным, наполовину лишенным способностей странной и старой раной. Но они впитывали магию его слов, и он продолжал.

Кай Нимида, наконец, подбежала к нему. Она что-то воскликнула и была смущена, когда он не понял.

— Она спрашивает, — сказал Джей Калам, — знаешь ли ты испанский.

— Испанский?

— Да. Это ее язык.

— Испанский? Откуда она знает испанский? — Он был изумлен. — Ведь она — обитательница кометы.

— Кай — да, — сказал командор, — но ее раса — нет. Я расскажу тебе, насколько невероятно...

— Как такое случилось? Как ее народ попал в комету?

— Странная история. — Джей Калам погладил смуглую челюсть. — Однако, исходя из того, что мы знаем о кометчиках, вполне объяснимая. Все, что она смогла мне рассказать, — это голые факты. Испанский язык Кай и мой, как видишь, — это два почти совершенно разных языка. Мое знание испанского объясняется интересом к Лопе де Вега, который писал четырнадцать столетий назад. Ее испанский принял такую форму на тысячу лет позже и в дальнейшем изменялся в ходе адаптации к чужому окружению. У нее несколько непонятный акцент, но это просто случайность, что я вообще узнал ее язык — когда она велела Халу Самду остановиться. И ее научные термины, конечно, почти полностью мне незнакомы. В результате ее сообщение необычайно трудно понять.

— Четыреста лет назад? — изумился Боб Стар. — Неужели кометчики были здесь прежде?

Джей Калам покачал головой, объясняя:

— Ты можешь вспомнить, Боб, из книг по истории, что в конце двадцать шестого столетия Андейская республика переживала краткий золотой век. В течение нескольких лет в науке и почти во всех направлениях искусства, равно как и в благосостоянии и военном могуществе, это была ведущая нация Земли.

Периодом угасания этой веры великолепия стала экспедиция «Конкистадора». На самом большом из построенных когда-либо геодезических крейсеров сотня мужчин и женщин покинула Сантьяго — подразумевалось, что это будет самый великий научно-исследовательский полет за всю историю Системы.

«Конкистадор» не вернулся.

Эти сто человек были цветом интеллигенции республики. Их потеря была тем ударом, который прервал золотой век, потому что северные соседи вскоре подчинили их себе, и испанский стал мертвым языком.

— »Конкистадор»...

— Он был взят в плен кометчиками, — сказал Джей Калам. — Очевидно, они постоянно посылали вперед свои корабли на скорости, далеко превосходящей световую, в разведывательные экспедиции, я полагаю, на поиски планетных систем, достойных набега.

Такой невидимый разведчик встретил «Конкистадора» где-то за Плутоном. Весь его экипаж был переправлен на комету, которая находилась где-то в сотнях световых лет от него.

Многие узники остались живы, и случайно некоторые из них бежали. С помощью других поработанных существ они покинули главную планету на захваченном корабле и добрались до одной из внешних планет созвездия.

Два поколения они существовали в жалком состоянии, пока выжившие не нашли вход в огромную пещеру, где их нельзя было немедленно обнаружить. Они узнали о планах кометчиков и решили предупредить и помочь Системе. Кай Нимида — их дочь, спустя четыреста лет.

Они добились научного прогресса. Проектор, который перенес Кай на астероид, — самое замечательное их достижение. Я не совсем понял ее объяснения, но, очевидно, он искажает пространство-время так, что две удаленные точки сближаются настолько, что свет и, наконец, материальное тело могут преодолеть разрыв.

В общем, машину построил отец Кай. Он использовал ее, чтобы посылать Кай в тайные места кометчиков раз узнавать их секреты. Они заметили ее, когда она пыталась предупредить тебя на Нептуне. Они напали на пещеру. Кай — единственная, кто уцелел. В последний момент отец воспользовался машиной, чтобы отослать ее к тебе, на астероид.

Боб Стар схватил его за руку.

— Что она пыталась нам сказать? — прохрипел он вдруг. — О Стивене Орко и кометчиках?

— Кометчики могут быть уничтожены, — сказал Джей Калам, — но Кай не знает, как. Она лишь знает, что существуют способы. Она говорит, что, в общем, кометчики бессмертны. Однако их правители обладают какой-то секретной силой, которая может их уничтожить, каким-то изобретением древних создателей их искусственных тел. Она не имеет представления, что это такое, но знает, где хранится этот секрет.

— Где?

— В крепости, в глубине этой планеты. Помнишь рисунки Кай?

Боб кивнул, не дыша и дрожа.

— Да, эта планета — действительно мертвый мир, холодный в центре. Она пронизана пещерообразными полостями, как мы могли заподозрить благодаря ее низкой плотности. Главное укрепление кометчиков, место, где они хранят этот секрет, — где-то вблизи центра планеты. Кай может попытаться провести нас туда.

— Это очень полезная информация, — горько пробормотал Боб Стар, — особенно когда мы в плену, безоружны и приговорены. Когда оружие, способное убить Стивена Орко, скрыто в центре бронированной планеты, в пятнадцати тысячах миль под нами, и охраняется всей наукой кометчиков.

Боб Стар не был удовлетворен своей ролью в восстании пленных. Действительно, план действий — если что-либо столь неясное, столь дикое, столь отчаянно безнадежное можно было назвать планом — был его. И, в конце концов, именно он был тем, кто повел их на

прорыв из трюма.

Однако память об этих безумных пяти секундах никогда не доставляла ему удовольствия.

Гектор Вальдин пошел с ним сквозь усталую апатию трюма-тюрьмы. Он представлял Боба Стару своим товарищам-шахтерам, своим старым соседям просто как сына Джона Стару. Он расшевелил их, произнося великие имена Джона Стару и командора Калама, Хала Самду и Жилья Хабибулы, верных Хранительнице Мира, Аладори. Они поднимались, следуя кличу, которым служили эти имена.

И Боб Стар, наконец, подошел к Жилью Хабибуле и потребовал:

— Жиль, ты можешь открыть дверь?

— Зачем, парень? — изумился старик. Желтая луна его лица посерела. — Во имя драгоценной жизни, зачем я должен открывать дверь?

— Можешь? — настаивал Боб Стар.

— Этот чудовищный шар смотрит, — прошептал старик, — и эта жуткая орда наверху...

— Можешь или нет?

— Ах, печальная судьба гения! — Он печально покачал головой. — Да, парень, я могу открыть дверь. Я смотрел, как работает замок, когда они нас впускали, и я уже часами слежу за этой тварью и вижу в замке каждую часть. Это замок с комбинацией, с дисками и тумблерами, приводящими в движение скользящие стержни. Хорошее устройство — хотя недостаточно хорошее, чтобы противостоять бедному старому Жилью Хабибуле. Но зачем?

Джей Калам, с которым Боб Стар обсудил самоубийственную авантюру, которую назвал планом, сказал просто:

— Сделай, Жиль.

— Как же! — задрожал старик. — На глазах у этого жуткого шара...

— Мы постараемся отвлечь его, — пообещал Боб Стар.

Он сделал знак худому серолицему шахтеру. Гектор Вальдин повернулся в сторону Кай Нимида и вцепился в нее, как они и задумали. Она закричала, бросилась к Бобу Стару. Боб Стар рванулся к своему изможденному сопернику. Остальные тут же окружили их. Вверх и вниз по трапу пробежал шумный ропот.

Тем временем Жиль Хабибула, дрожа, подкрадывался к массивному замку на верхнем трапе. Закричав, Джей Калам стал проталкиваться к центру свалки. И гигант Хал Самду дрался с такой мрачной и безмолвной сосредоточенностью, что забыл о том, что это надо делать не всерьез. Наконец, Жиль Хабибула скатился по трапу и стал прорываться к Бобу Стару. Лицо его было желто-зеленым и блестело от пота.

— Парень! — просопел он. — Парень, дверь открыта. Можешь пройти, если ты такой дурак.

Боб Стар повел вопящую толпу по трапу. Он добрался до массивной красной решетки, и чистый голос его прокричал звонкий приказ. Как по волшебству, толпа превратилась в грозную и отчаянную армию. Хал Самду и Гектор Вальдин помогли ему проскочить через решетку. И он повел остальных на штурм серебристой сферы, и голая человеческая плоть столкнулась с ее металлическим могуществом.

Это было безумие; Боб Стар это видел. Эти тысячи за его спиной были безоружны и однажды уже разбиты. Даже если они захватят корабль, они будут еще очень далеко от тщательно охраняемого секрета, который может погубить Стивена Орко.

Однако Боб Стар повел свою орду безмолвных, безоружных людей на металлическую сферу. Они подняли ее и потащили к красной стене коридора. Она яростно и тревожно ухала, и белые щупальца хватали человеческие тела, сбивали людей, словно цепи.

Другие занимали места павших. Боб Стар сделал смерть победой людей, шедших за ним. А сверхъестественная тварь вырывалась из рук людей, когда они двигались из трюма, с силой, несравнимой с человеческой. Однако это была та неукротимая, неодолимая сила людей, что вышла из дебрей ранней Земли и превратилась в единство, которое дало

человечеству славу во всей, отныне далекой Системе.

Это было нечто иное, чем просто человеческая плоть, что бросало ухающую сферу на красную стену, вновь и вновь, пока не разбились фасеточные глаза, пока смертоносные щупальца не застыли, и потом разорвало ее на части, которые должны были послужить оружием.

Та же сила повела разъяренную орду по коридору навстречу стражу — второй такой же сфере, отдающей ухающие приказы. Три высоких зеленых конуса, качаясь на приподнятых над палубой основаниях, со светящимися разными цветами выпирающими органами на месте голов, сжимали в конечностях золотистое оружие.

Это было безнадежно, как и предупреждал Джей Калам. И это было бесполезно, это было глупо...

Но эту сверхъестественную силу уже было не остановить. Боб Стар вел толпу навстречу чужакам, крича, размахивая одним из отчлененных щупальцев, которое уже застыло, превратившись в серебряное копье. За ним гремел единый яростный крик.

Здесь для Боба Стара наступил конец битвы.

Он метнул серебряное копье в один из зеленых покачивающихся конусов. Он увидел, как оно вонзилось в маслянистую блестящую кожу и ушло вглубь. Он рванулся вперед, чтобы вырвать его и ударить опять. Однако он увидел, как зеленая шея изгибается и голова обращается к нему, он увидел оранжевую вспышку.

Затем красное безжалостное копье боли вонзилось в бледный старый шрам на лбу и глубоко вошло в мозг. В черепе взорвалась красная мука, и он медленно погрузился во тьму.

Смутно, словно слабеющее сознание гасло как пламя, он слышал грохочущий триумфальный крик:

— Захватывай корабль!

ЧЕЛОВЕК-РАКЕТА

Боб Стар снова очнулся из того же странного сна.

Вновь его тело было сияющим невесомым телом одного из кометчиков. И опять он преследовал вечную сверхъестественную фигуру Стивена Орко, который уносил женщину, иногда его мать, иногда Кай Нимида. Снова он был сбит огромным молотом красной боли, и вновь на него нахлынул старый ужас, кричащий ему:

— Ты не можешь убить... Ты не можешь...

Дрожащая рука прижалась ко лбу, когда он очнулся. Там, над старым шрамом, кожа распухла и болела — как раз в это место угодил луч из органа конуса. Старая мука по-прежнему пульсировала в нем, словно это был трехгранный шип Железного Исповедника.

Очнувшись, он почувствовал странную невесомость, словно еще не вышел из сна. Он обнаружил, что плывет в воздухе, и обратил внимание на отсутствие невесомости — все это доставляло ему неудобства. Ему пришлось проглотить внезапное чувство ужаса, когда он не обнаружил под собой поддержки. Он изумленно оглядывался, пытаясь ухватиться за что-нибудь вещественное.

Вокруг него были твердые, уходящие вглубь стены шахты или колодца, футов сорока площадью и ста в глубину — слишком большое помещение для камеры, подумал он, для части корабля-тюрьмы. Спустя мгновение, в течение которого он изворачивался и вглядывался, он обнаружил своих старых спутников.

Жиль Хабибула спустился на дно шахты, где из полированной стены выходил круг ровных стержней из красного металла. Искусные чувствительные пальцы скользили по стержням, крутили их; желтый шар его головы был склонен набок, словно он прислушивался.

Джей Калам и Кай Нимида находились возле него, тоже невесомые, занимаясь с каким-то незнакомым прибором. Из прямоугольного ящика из красного металла они доставали провода и кольца странных на вид деталей из алого металла, и маленькие круглые

черные ячейки.

Еще мгновение ушло у него на то, чтобы заметить Хала Самду. Местами покрытый шрамами, в окровавленных повязках, он вцепился в край шахты, вглядываясь наружу, словно был на страже. В огромной руке у него был длинный стержень из золотистого металла — оружие, понял Боб Стар, которое он отобрал у одного из высоких, в красных доспехах существ.

За ним, за квадратной пастью шахты, разверзлась огромная пещерообразная бездна. Вдали он увидел отсвечивающие зубчатые стены темных скал и часть машины, которая должно быть, была фантастически велика и была слабо освещена призрачным малиновым светом.

Боба Стара охватила странная слабость, когда он попытался пошевелиться, словно каждая клеточка его тела была лишена уверенности и направленности, которые давал вес. В поисках чего-нибудь, за что можно было зацепиться, он барахтался в воздухе, пока его нога не наткнулась на стену.

Это действие привело к неожиданным результатам. Он помчался, вращаясь, головой вперед к противоположной стене, находившейся примерно в семи футах от него. Встревоженный, он вытянул руки, чтобы защитить голову. Внезапный импульс этого движения помчал его, вращающегося, обратно по шахте. Жиль Хабибула оторвался от кольца стержней и схватил его за лодыжку.

— В центре планеты? — Он изумленно вздрогнул. — Скажи мне, Жиль...

Старик вернулся к своему занятию — стал поглаживать и вращать алые стержни.

— Ах, парень, — просопел он отвлеченно, — ты был без сознания смертельно долгое время — луч этого существа угодил в твою старую рану. Я думал, он тебя убил.

— Корабль? — нетерпеливо спросил Боб Стар. — Вы захватили корабль?

— Ах, да, мы завладели кораблем. — Он задвигал и выдвигал стержни, прислушиваясь к происходящему внутри. — Благодаря безумной отваге, которую ты пробудил в пленных, дружище, они захлестнули стражу как разбушевавшееся море. Не без помощи, конечно, незнагражденного гения старого солдата Легиона. И шахтера Гектора Вальдина. Он вел их, пока не погиб.

Отвлеченный голос умолк, и Боб Стар спросил:

— Если мы в центре планеты, то как мы сюда попали?

— Мы уже находились в пещерообразном пространстве снаружи, когда захватили корабль, — сказал Жиль Хабибула. — Сердцевина планеты — это место обитания кометчиков и их стада.

Он задрожал, но как ни странно, толстые пальцы не замедлились и не вздрогнули.

— Когда корабль оказался нашим, — продолжал он, — Джей и девушка взяли на себя команду. Час назад они высадили нас здесь. Наши товарищи улетели на корабле искать убежавших в пещере. С тех пор я вожусь с этим замком.

Тут ничего простого, парень. От этого множества возможных комбинаций у тебя голова пошла бы кругом. Чтобы открыть его методом проб и ошибок, нужно столько времени, что успело бы остыть Солнце. Ах, я, несчастный... Кометчики очень умны...

Однако девушка просила меня открыть его, парень. Она сказала, что внутреннее укрытие где-то здесь, а в нем они хранят оружие, которое мы должны забрать.

Боб Стар кивнул и прикусил губу.

— Прости, если моя болтовня помешала тебе.

— Не настолько, парень, — запротестовал старик. — Разговор — это масло, которое смазывает мой драгоценный гений. Но этот замок — жуткий тест для него. Никогда еще из холодного металла не удавалось построить такой головоломки, парень. И никогда старый Жиль так не мучался, чтобы найти разгадку. Потому что он болен, дружище. Грозная рука смерти уже занесена над ним.

— Лучше вцепись вот в эти перила, дружище, — посоветовал он. — Или ты вышибешь себе мозги, да так, что не сможешь их потом собрать. Потому что ты почти в центре этой

ужасной планеты и здесь почти нет тяжести. Один шаг может отправить тебя на милю...

Однако пальцы его не прерывали работы. Боб Стар посмотрел на Джея Калама и Кай Нимида, которые стояли, очень занятые какой-то сложной вещью в красном металлическом ящике.

— Что это?

— Какое-то хитроумное приспособление, которое Джей выломал в рубке корабля, прежде чем мы сошли. Судя по недоумению на его лице, мне кажется, что он сам не знает, что это такое.

Боб Стар готов был отпустить перила, за которые держался, чтобы помочь им, когда его охватила невыносимая внезапная дурнота. Здесь, возле центра планеты, он не имел веса. Направление ничего не значило. То, что его окружало, начало вращаться, путаться. Глубокая шахта стала горизонтальной. В следующий миг она полностью опрокинулась, и он судорожно вцепился в крышу головокружительной бездны.

Жиль Хабибула рядом с ним снова сложился пополам. Его зеленое лицо было покрыто потом.

— Джей! — прохрипел он. — Я болен, смертельно болен! Вино, которое мы нашли на этом астероиде, было отравлено, я думаю! Я умираю, Джей! Умираю!

— Нет, Жиль, — отозвался Джей Калам. — Нам всем не по себе, потому что мы лишены веса. Это то же, что и космическая болезнь, которая случалась с летавшими на старых ракетах до изобретения гравитационных ячеек. Некоторые люди совершенно к ней невосприимчивы, как, например, я. Другие никогда не могут к ней привыкнуть.

— Ты должен, Жиль. Ради Хранителя Мира!

Жиль Хабибула вздохнул и вновь занялся своим делом.

— Ах, всхлипнул он, — горька участь гения...

— В любом случае, Жиль, ты должен открыть замок. Все, что мы сделали, — бесполезно, пока ты не пропустишь нас в эту дверь.

— Я не могу этого сделать, Джей! — Старик задыхался и божился. — Я слишком смертельно болен. Пытка умирающего тела нарушает мою сосредоточенность. Во имя жизни, Джей...

Кай Нимида тоже возилась с красным металлическим ящиком. Боб Стар внезапно услышал ее удовлетворенный голос. Она подняла темную опаловую призму и стала что-то объяснять Джею Каламу. Тот хмуро кивнул, и она принялась восстанавливать таинственное устройство.

Глухой кашляющий взрыв оторвал взгляд Боба Стара от них. Из трофейного оружия Хала Самду поднимался бледный дым. В стороне он увидел приближающийся белый шар. Он плыл в воздухе, вращая черным обручем, мерцая кристаллическими глазами, протягивая щупальца. Боб Стар, впад в оцепенение, нашел время подумать — машина ли это, как все прочие, или содержит в себе живой мозг.

Он внезапно услышал хриплое тревожное уханье вслед за выстрелом. Хал Самду мгновение не двигался со своим золотистым оружием. Затем он швырнул его в белый шар и полетел вниз, чтобы вытянуться на дне шахты.

— Эй, Джей, — встревоженно пробормотал он, — мы обнаружены. Идет целая орда этих монстров. Я убил одного, однако золотистое оружие больше не работает.

Голос его вызвал жуткую вибрацию, которая грохотала по шахте. Словно бой огромного колокола, глубокий как нота, издаваемая породой под ударами молотка. И внезапно из-за серебристой сферы к шахте подступила орда — огромные зеленые конусы, высокие карикатурные гиганты в красных доспехах. В тылу держалась еще одна сфера.

Они плыли в воздухе.

Боб Стар вздрогнул от рева — хриплого завывания сфер, нестерпимого барабанного боя конусов. И над ними гремел гонг, словно всхлипывал в унисон с ними душераздирающий гул набата.

— Торопись, Жиль, — сказал Джей Калам.

— Ах, Джей, — проговорил Жиль скороговоркой. — Пожалей!

— Надо, — спокойно сказал ему командор, — или мы погибнем.

И спокойно, словно не видя чудовищного нашествия, Джей Калам занимался загадочным механизмом в длинном красном ящике. Кай Нимида сосредоточенно помогала ему, обвязав один из проводов вокруг толстой руки Жилиа Хабибулы. Она вручила каждому из них по концу провода.

Гонг продолжал тревожно греметь. Боб Стар смотрел, как спускаются чудища, смотрел на ожерелье серебристых сфер, на трехногих безмолвных гигантов.

— Я надеялся, — услышал он тихий голос Джея Калама, звучащий с хмурым сожалением, — что они последуют за кораблем и дадут нам время...

Хал Самду деловито громыхнул:

— Быстрее, Жиль!

— Во имя жизни! — прохрипел Жиль Хабибула. — Когда я уже умираю...

Ближайшая серебристая сфера уже достигла их. Ее белые щупальца захлестнулись вокруг Кай Нимида. Боб Стар прыгнул к ней в отчаянии, с голыми руками.

— Подожди! — выдохнул Джей Калам.

Он сделал какое-то последнее движение, что-то подключил в прямоугольном ящике. Из него мгновенно послышалось слабое гудение, поначалу тихо, но быстро возросшее до уровня, когда разрываются барабанные перепонки, затем уже вне восприятия. И Бобу Стару показалось, что свет внезапно изменился, словно его закрыла промелькнувшая тень. Кошмарный гром невыразимо исказился: казалось, он отступил, будто слышный сквозь необъяснимую вуаль.

Кроме этого, он не почувствовал ничего. Однако серебристая сфера отдернула щупальца. Чудовищная орда вдруг замолчала, словно впала в оцепенение. Страшные твари попятились от стен, отступили.

Рядом с ними Жиль Хабибула глубоко вздохнул.

— Ах, я, бедный, — прохрипел он с огромным облегчением. — Готово.

Он устало вытер желтое лицо обратной стороной руки. И Боб Стар обнаружил, что все дно шахты начало ускользать, словно массивная выдвижная дверь. С одной из сторон шахты появилась темная щель и стала расширяться. И внезапно они оказались перед огромным квадратным колодезцем со стенами цвета индиго в другой мир, где сияло маленькое зеленое солнце, холодное и тусклое.

Боб Стар был ошеломлен открывшимся за этой могучей дверью пространством. Когда они проникли в колодезь, Жиль Хабибула дотронулся до чего-то еще, отчего этот обширный барьер закрылся за ними, и все они застыли в изумлении. Чувства направления Боба Стара снова изменили ему, и теперь казалось, что обширный, тускло освещенный вакуум находится над ними. Должно быть, он пятидесяти миль в диаметре, — подумал он, — а может быть, и все пятьсот. Он имел грубую сферическую форму. Стены его представляли собой природные утесы скал естественного происхождения. А местами — жуткие ровные поверхности того же твердого сплава.

Джей Калам заговорил первым, и голос его звучал тихо от изумления.

— Вот она, — сказал он, — скрытая крепость кометчиков.

Вдалеке гудели машины, едва слышные в этих сумрачных просторах, более большие, чем встречались ему на поверхности планеты. Должно быть, это были двигатели, которые, питаясь энергией плененного солнца, двигали скопищем планет внутри кометы как кораблем. Ему казалось, что он может чувствовать поток неограниченной энергии, и это создавало у него ощущение полной бессмысленности всего, предпринимаемого ими.

Ему опять стало дурно. Он вдруг оказался висящим, как муха, под крышей этого полого мира, и его тошнило от непобедимого ужаса перед тем, как он падает в холодное зеленое солнце, которое было его центром. Затем зеленый шар и смутные циклопические машины принялись вращаться над ним и под ним, и он закрыл глаза, восстанавливая самообладание.

Он едва услышал, как говорит Кай Нимиди, с ужасом и тревогой в голосе, и с вдохновением отчаянной отваги.

— Кай говорит, что оружие, которое мы ищем, заперто в этой зеленой сфере, — пояснил Джей Калам. — Она говорит, что двое кометчиков всегда стерегут ее снаружи. Даже эти стражники сами не могут войти в сферу, потому что металл ее окружен силами, которые формируют барьер, непроницаемый для энергетических полей их потенциалов. Только несколько правителей кометы способны пройти через барьер.

Кай и ее отец изучили все это с помощью проектора. Однако они никогда не могли проникнуть сквозь барьер. Кай не знает, как войти и что может быть внутри.

Чувствуя тошноту, дрожа, Боб Стар заставил себя открыть глаза. Он с трудом вгляделся в Кай Нимиди и остальных. Он не мог отважиться взглянуть еще раз на этот головокружительный мир. Джей Калам был мрачен и встревожен. Хал Самду казался равнодушным, но Жиль Хабибула по-прежнему был болезненного зеленого цвета.

— Нельзя терять времени, — продолжал Джей Калам решительно. — Рабы пока еще сбиты с толку. Однако они обратят внимание, что дверь открывали, и доложат о том, что произошло. Кометчиков ввести в замешательство будет не так легко. Мы должны добраться до зеленой сферы.

Боб Стар украдкой бросил на нее беспокойный взгляд — на маленькое тусклое зеленое солнце, находящееся вдали, в головокружительной бездне вращающейся пустоты.

— Как же нам туда добраться? — прошептал он. — До нее мили и мили... свободного падения...

— Не падения, — сказал Джей Калам. — Должно быть, она висит благодаря тем самым тубулярным силовым полям. Но все равно, — добавил он, — нам не на чем спуститься.

— Тогда, — безнадежно прошептал Боб Стар, — как?..

Командор тихо сказал:

— Мы должны прыгнуть.

Боб Стар открыл рот.

— Прыгнуть?

— Конечно. Гравитации, которая могла бы остановить нас, здесь нет. Если мы только не промахнемся по сфере и не пролетим мимо...

Руки Боба Стара инстинктивно вцепились в перила возле огромной двери. Даже идея прыгнуть в этой шахте без верха и низа вызывала тошноту. Однако Джей Калам заставил их образовать круг напротив алмазно-твердой двери, взявшись за руки. Он прикрепил к поясу красный прямоугольный ящик, и все они вцепились в провода, которые выходили из него.

— Когда я скажу, — сказал он, — все прыгаем к зеленой сфере.

Для Боба Стара все начало кружиться снова. Ему потребовалось собрать всю свою волю, чтобы справиться с головокружением. Он смутно слышал счет командора. Он услышал тихое «пошли». Он изо всех сил прыгнул в умопомрачительный круговорот.

Некоторое время ему было слишком дурно, чтобы он чувствовал и соображал что-либо иное. Затем он понял, что они держатся друг подле друга маленькой беспомощной кучкой летящих существ, плывущих сквозь невероятные просторы полого мира. Зеленая сфера казалась очень крошечной и далекой целью. И они совершенно не в силах были ни остановиться, ни повернуть.

— Боюсь, — сказал Джей Калам, — что мы уходим в сторону.

Бобу Стару показалось очень странным слышать этот голос, как всегда холодный и серьезный, и прекрасно поставленный. Испуганный шепот, потрясенный хрип, вопль куда более подошли бы к кошмарному ужасу этого полета. Потому что маленькое зеленое солнце по-прежнему кружилось под и над ними. Все представления о направлении исчезли из гигантских пространств этой пещеры. Боб Стар снова почувствовал дурноту, она стала непереносимой при отсутствии чего-либо вещественного, во что можно было бы вцепиться. В безмолвной муке он с силой сжал челюсти.

— Проклятые кометчики, они на страже? — услышал он громогласный вопрос Хала

Самду. — Они не видят нас?

— Не видят, пока мы держимся за эти провода, — ответил Джей Калам. — Хотя, конечно, есть возможность, что они в состоянии обнаружить нас не только с помощью зрения.

Борясь с тошнотой, Боб Стар взглянул вдоль блестящей красной проволоки, за которую держался, на прибор на поясе у Джея Калама.

— Мы что... — прохрипел он. — Мы что, невидимы?

Сидя в пустом пространстве так же спокойно, как если бы он отдыхал в кресле, командор кивнул.

— Мы с Кай взяли механизм для невидимости из захваченного корабля, — сказал он. — В спешке, снимая, я повредил его. Было довольно трудно понять принцип его действия, и в том, что это удалось, заслуга Кай.

Похоже, он создает особое энергетическое поле вокруг предметов, электрически соединенных с ним, — пояснил он. — Лучи света, встречаясь с краем поля, поглощаются и мгновенно излучаются с другой стороны — как будто они прошли сквозь тело.

— Но как же мы можем видеть, — спросил Боб Стар, — если внутри нет света?

— Это поле, по словам Кай, имеет иной эффект. Оно поглощает посторонние колебания, очевидно, ближе к ультракрасному краю спектра, и излучает их как видимый свет сюда, внутрь поля, специально для удобства пользователя.

Есть одна опасность, — мягко добавил командор. — Сквозь эти поля рабы нас не могут видеть. Однако Кай считает, что сами кометчики чувствительны к ультракрасному. Если так, они смогут увидеть на нашем месте тени...

Новая волна тошноты рассеяла внимание Боба Стара. В течение этого падения, ибо для него это было падение в жуткую шахту в какой-то непонятной преисподней, время потеряло свой смысл. Он погрузился в пассивное мучительное беспамятство. Поворачиваясь, он открывал и закрывал глаза. Он видел бестолковое вращение далекого солнца среди чудовищных механизмов, которые заставляли комету двигаться. Он закрывал глаза и висел в вечном безмолвном грохоте ее мощи. И дурнота не проходила:

Одной рукой он держался за Жилу Хабибулу, которого по-прежнему тошнило, у которого было зеленое лицо и который стонал. И он вцепился в руку Кай Нимида. Она была бледной и безмолвной, но иногда, когда он мог видеть ее лицо, она слегка улыбалась. Время, казалось, остановилось. Но наконец Боб Стар понял, что зеленый шар подплывает ближе, однако одновременно и уходит в сторону. Джей Калам сказал:

— Мы вот-вот промахнемся.

— Ах, да, — вздохнул Жиль Хабибула. — И в этом моя вина, Джей. Я был слишком медлителен, когда мы прыгали. Я слишком ослаб от этой смертельной болезни. Я всех оттащил в сторону.

Боб Стар закрыл глаза.

— Пролетаем мимо, — безнадежно проговорил он, — и нет способа повернуть.

Он был изумлен, услышав, как Джей Калам сказал:

— Но способ есть — ценой одного из нас.

— Как? — прошептал он.

— Один из нас, — сказал командор, — должен отпустить провод и оттолкнуться прочь, так, чтобы противодействием нас подтолкнуло к сфере. Мы летим как корабль в космосе, и один из нас должен быть ракетой.

— Это работает! — серьезно воскликнул Боб Стар. Затем разочарование заставило его перейти на шепот: — Однако он не сможет держаться за провод и выйдет из поля. Он вновь станет видимым. И кометчики...

— Эй, Джей, — громыхнул Хал Самду, — ты только скажи мне, что делать.

— Нет, — быстро возразил Боб Стар, — я сам...

— Боб, — быстро ответил командор, — ты должен остаться с нами.

Он дал Халу Самду краткие указания. И гигант сжался, а затем мощно рванулся прочь.

Его тело понеслось от них в тусклой пустоте. Оно необычно замерцало, проходя сквозь пелену видимости. Оно стало маленьким, оно уносилось, вращаясь, в зеленые сумерки.

Жиль Хабибула вдруг шумно захныкал. Боб Стар почувствовал соленое пощипывание слез на собственных глазах и боль в горле. Однако затем он снова увидел бледный зеленоватый шар почти над ними. И прохрипел:

— Смотрите сюда!

Ибо он увидел одного из сияющих стражников шара. Магнит живого света с красной звездой и фиолетовыми полюсами, и туманностью между ними, словно магнитное поле превратилось в живое пламя. Он был более чем живой. Он был удивительный, прекрасный и бесконечно опасный.

Они подплыли ближе, и он вдруг прекратил медленный полет над сферой. Дыхание Боба Стара остановилось. Он почувствовал, как кожу захолодило от внезапного пота и тело стало напряженным. Он беспомощно повис в воздухе: он ни до чего не мог дотянуться и ничего не мог сделать.

В течение мига существо было неподвижно. Пульсация ярких звезд прекратилась. А туманное веретено, казалось, застыло столбом зеленоватого льда. Затем огненная жизнь вернулась. Кометчик метнулся прочь, в ту сторону, куда улетел Хал Самду.

— Он увидел Хала, — прошептал он, — однако вскоре он будет искать нас.

Мгновением позже они ударились о холодный твердый металл слабо светящейся сферы. Они съежились на ней, удерживаясь слабым трением. Бобу Стару подумалось, что она больше похожа на астероид, чем на зеленое солнце, как им это поначалу показалось. Вероятно, она была диаметром в полмили.

Кай Нимида что-то быстро шептала Джею Каламу.

— Она говорит, что оружие внутри, — быстро пояснил он. — Этот шар — что-то вроде сейфа.

— Ах, да, — прохрипел Жиль Хабибула. — И какого сейфа!

ПУСТОЙ СЕЙФ

Каждый сейф, считал Джей Калам, должен иметь дверь. Они искали, очень осторожно, пробираясь по холодному сияющему металлу, передвигаясь с помощью очень слабой гравитации. Наконец, они наткнулись на квадратное, со стороной в двадцать футов, углубление, окруженное низким металлическим барьером.

Жиль Хабибула забрался в углубление и осмотрел тройной круг выступающих металлических стержней.

— Ах, я, несчастный! — разочарованно простонал он. — Если тот замок был сложным, то этот просто невозможно открыть. Хозяева кометы сами не смогут открыть его при всей своей драгоценной науке, если забудут комбинацию. Что за замок! Можно подбирать комбинацию до тех пор, пока вся вселенная не пойдет прахом, но и тогда один против тысячи, что дверь не останется закрытой.

Его толстые пальцы, столь необычно чувствительные, столь изумительно проворные, уже были в работе, быстро выдвигая и задвигая стержни, крутя их. Он внимательно прислушивался, хотя Боб Стар не мог услышать ни малейшего звука.

Остальные вцепились в барьер над ним. Время от времени Боба Стара начинало безжалостно тошнить. И он постоянно ожидал увидеть, что над ним материализуется один из кометчиков, возможно, для того, чтобы заговорить триумфальным голосом Стивена Орко.

— Ты сможешь, Жиль? — тревожно спросил, наконец, Джей Калам.

Старик посмотрел вверх, вытер лоб болезненного желтого лица обратной стороной ладони. Он покачал головой.

— Это страшное испытание для моего гения, Джей. Никогда в Системе не создавали такого замка. Должно быть, правители кометы не доверяют собственной страже.

Он устало нагнулся опять.

— Открывание замков, — отсутствующе пробормотал он. — Это, в основном, вопрос точки зрения. Для любого из вас замок — это нечто для предотвращения открывания двери, и он эту задачу выполняет. Однако старый Жиль видит в замке способы открыть дверь и делает это.

Он застонал и сплюнул.

— Или, по крайней мере, — добавил он, — пытается это делать. Но старый Жиль еще никогда не встречал такого замка, как этот.

Кай Нимида схватила Джея Калама за руку и тревожно зашептала.

— Торопись, Жиль, — взмолился он. — Кай говорит, что они, наверняка, скоро нас найдут. Помни, наша невидимость — это их собственный фокус. Она не может надолго сбить их с толку.

Старик снова поднял глаза, которые горели неожиданным гневом.

— Ради жизни! — взорвался он. — Имей терпение!

Жиль Хабибула, слабый старый солдат, измученный и снедаемый последней своей болезнью, умирает вдали от дома. Однако этот умирающий человек тратит свой гений до последней унции, чтобы решить задачу, перед которой отступили бы все ученые математики и искушенные философы на целую тысячу лет. Во имя драгоценной жизни, не можешь ли ты позволить ему работать спокойно, не крича над ухом...

— Прости меня, Жиль, — поспешно взмолился командор. — Я виноват. Продолжай.

Старик покачал головой, бормоча, и вновь склонился над тройным кругом выпирающих стержней. Его проворные руки, наконец, остановились, и сквозь слабо отсвечивающий металл послышался шепот легкой вибрации. Пол углубления стал скользить в сторону, и Жиль Хабибула принялся поспешно карабкаться к барьеру.

— Отчаянное предприятие, — прохрипел он, — однако дверь открыта...

Боб Стар пополз вперед, чтобы взглянуть в расширяющуюся щель, открывавшую глубокий квадратный колодец со стенами из холодно отливающего металла. Путь был открыт — к оружию, которое могло убить Стивена Орко. Эта победная мысль заставила его рвануться вперед и затем остановила его, обдав болью.

Ибо он не мог убить Стивена Орко. Он никого не мог убить. Он пытался думать, что он постепенно справляется с этим наваждением — с тех пор, как бился за захват тюремного корабля, когда органический луч конического существа ударил ему в голову. Но тогда этот безжалостный удар вернул всю мучительную боль от Железного Исповедника. Он подумал, не содержал ли тогда оранжевый луч ультразвукового компонента, воздействовавшего на болевые центры в мозгу. Каков бы ни был эффект, он усилил безжалостное биение старой боли и увеличил эту горькую уверенность.

Он не может убить...

— Пошли, — потребовал Джей Калам. — У нас нет лишнего времени.

Они погрузились в квадратную шахту. Они падали сотню футов с помощью слабой гравитации металлической сферы и наткнулись на другую дверь, из которой тремя рядами выступали стержни.

— Второй замок, — пробормотал Жиль Хабибула. — Однако теперь я знаю принцип.

Он к чему-то прикоснулся, и первая дверь тут же задвинулась за ними. Он склонился над вторым замком.

— Никогда, — отвлеченно просопел он, — не подвергался еще мой гений такому испытанию. И никогда не подогревался такой опасностью. Ах, я, несчастный! Этот день будет днем смерти Жили Хабибулы! Этот чудовищный сейф может стать его склепом.

Сияющий металл опять зашептал, и огромная масса внутренней двери скользнула в сторону. Они прошли в квадратный проход, затем оказались в маленькой квадратной комнате, которая находилась, должно быть, поблизости от центра сферы. Она была заполнена зеленоватым свечением от стен, и коридор за их спинами был единственным входом.

Маленькая комната была пуста, если не считать массивного прямоугольного ящика из

алого металла трех футов в длину, прикрепленного к внутренней стене. Его стенки были покрыты загадочными иероглифами серебряного и черного цветов. Над его верхом был еще один тройной круг выступающих стержней.

Тихонько постанывая, Жиль Хабибула что-то заговорил про себя.

Как только внутренняя дверь закрылась за ними, Боб Стар приник к сияющей стене, глядя на ящик с благоговейным изумлением. Его смутные ожидания предполагали нечто более внушительное, чем этот красный ящик, такой маленький, что его мог бы, пожалуй, поднять один человек.

— Это бесполезно, — прошептал он. — Бесполезно.

Ибо каким образом оружие, спрятанное в таком маленьком ящике, могло сражаться с чудовищной наукой, ужасающее проявление которой окружало их столь долго?

Он похолодел и застыл от напряжения, когда от бледно сияющего металла послышался вибрирующий шепот. Кай Нимида задрожала. С ее белых изможденных губ сорвался сдавленный, бессознательный вскрик.

— Наружная дверь, — прошептал Джей Калам. — Они идут.

— Ах! — прохрипел Жиль Хабибула. — Готово! Открыто!

Боб Стар нетерпеливо бросился к ящику, чтобы помочь откинуть крышку. Он едва представлял, что именно ожидает найти. Он не мог сообразить, что именно может уничтожить эту сияющую тварь, которая сейчас содержала в себе разум Стивена Орко. Он тревожно взглянул в ящик, и челюсть его тут же отвисла в безголосом крике разочарования.

Ибо ящик был пуст.

Некоторое время он был не в состоянии шевелиться. Невыносимое головокружение вернулось. Его трясло в болезненной жестокой лихорадке. Зеленые стены маленькой комнаты ходили кругом. Покрывшись холодным потом, он вцепился в край пустого ящика.

— Джей, все напрасно, — услышал он усталый шепот Жили Хабибулы. — Здесь ничего... — У старика перехватило дыхание, и он безнадежно вздохнул. — Ах, я, несчастный! — засопел он. — Никогда еще судьба не устраивала надо мной такой ужасной шутки! Никогда еще люди так не боролись, не получая награды. — Его лысая голова печально качнулась. — Всю морозную ночь мы рыскали по пустыне Нептуна, чтобы найти корабль, и дрались за него с каннибалом. Мы пронеслись сквозь грозные просторы космоса, пока не встретились с сияющим монстром. Мы прошли сквозь ужас, завладевший астероидом, и проникли в кошмар кометы над ним. Мы были на краю гибели в атомной топке. Мы захватили корабль, когда нас пытались превратить в скот, и летели на нем пятнадцать тысяч миль к ядру бронированной планеты. Мы открыли замки, которые были ужасно сложными, и превратили свои тела в живые корабли пространства — ах, бедный Хал, который отдал жизнь за нас! А теперь старый Жиль Хабибула истощил запасы своего драгоценного гения, взломав самый надежный сейф во вселенной.

Но все тщетно. Он пуст...

В его голосе послышались рыдания.

Движимый мыслью, что оружие может действительно находиться в ящике, однако скрыто неведомым устройством, Боб пошарил в нем. Но пальцы не обнаружили ничего, кроме голого металла. Беспомощно пожав плечами, он взглянул на Джея Калама и Кай Нимида.

Призрачно-белая девушка смотрела в пустой ящик. Бескровное лицо было искажено отчаянием. Глаза были широко раскрыты, потускневшие со смертью надежды. Тело выглядело безвольным, бесчувственным — он был уверен, что, если бы не отсутствие, почти полностью, силы тяжести, она бы упала.

Джей Калам молчал, лицо у него было пепельно-серое. Хотя он сохранил каким-то образом сосредоточенное и хмурое выражение, это не имело значения. Глаза его превратились в пустые окна в ожидающий космос, и в них не было света. Длинные красивые пальцы были сцеплены вместе.

Тусклые глаза девушки скользнули по Бобу Стару, словно не узнав его. Она

заговорила, словно сама с собой, глухим хриплым шепотом. Джей Калам переводил ее слова, однако Бобу Стару казалось, что он делает это как автомат, сам при этом ничего не понимая.

— Я — последняя из моего народа. В течение двадцати поколений мы жили внутри кометы. Мы пережили времена, когда смерть едва не одолевала нас, только для того, чтобы остановить кометчиков прежде, чем они уничтожат человечество. Мой отец жил и умер ради этого, как и весь мой народ. Теперь я думала, что у нас появится шанс. Но мы проиграли...

Голос ее звучал все медленнее и затих, словно перестал работать механизм. Жиль Хабибула, по-прежнему сгорбившись, стоял над пустым ящиком. Он громко плакал, сморкаясь. Толстые пальцы его бесцельно обшаривали гладкий красный металл.

Конвульсивно выпрямившись, Боб Стар прошептал:

— Мы ничего... не можем сделать?

Джей Калам покачал головой. Он прикусил губу, и длинная челюсть его покраснела от крови. Хмурое напряжение в лице создавало странный контраст с этой алой струйкой. Он покачал головой и облизал губу, и, казалось, слегка удивился вкусу крови.

— Мы можем только ждать... когда они...

Безнадежно, в замешательстве, Боб Стар глядел в пустой ящик. Они проиграли, они обречены. В мозгу все сильнее и нестерпимее стучала старая боль. И его охватил древний ужас: он так и не покидал его никогда.

Вернулась тошнота. Он присел возле хнычущего Жили Хабибулы в мучительном отчаянии, потрясенный от случившегося. Он едва слышал отдаленный звук открывающейся внутренней двери, но его внимание привлек сухой сдавленный крик Кай Нимида.

Он увидел кометчиков.

Двое кометчиков спускались в маленькую зеленую комнату. От ближайшего столба яркого тумана донесся низкий торжествующий смехок. Это был ироничный смех развеселившегося бога. Тупо вслушиваясь, Боб Стар услышал знакомый звонкий баритон Стивена Орко.

— Приветствую, Боб, и поздравляю. Позволь представить моего коллегу, законного правителя кометы.

Фиолетовая звезда слегка качнулась, словно сделала насмешливый кивок.

Боб Стар с некоторым тусклым летаргическим интересом глядел на сияющего властелина кометы. Это он, видимо, был ответственен за чудовищную шутку с пустым ящиком. Неужели кометчики действительно неуничтожимы? Неужели этот жуткий охраняемый склеп — всего лишь фантастическая подделка для того, чтобы поддерживать авторитет этого сияющего императора?

— Ваше замечательное мероприятие, — продолжал легкий голос Стивена Орко, — встревожило моих коллег, которые намерены предпринять шаги к его немедленному прекращению. Я сожалею о том, что преждевременно прерываю тебя, но твоя возмутительная нескромность делает твое дальнейшее существование просто непрактичным.

Если бы голос звучал невнятно, шептал или кричал, подумал Боб Стар, то этот ужас было бы гораздо легче переносить. Ибо существовало жуткое несоответствие между ужасающим пламенем, горевшим перед его глазами, и беззаботным легким смехом.

— Прежде, чем ты умрешь, Боб, не хочешь ли ты узнать о своих родителях? Они совсем близко, настолько близко, что твой невезучий спутник, Хал Самду, был отправлен к ним на корабль. Вот так я узнал о вашей необычной деятельности.

Твоя мать — это тебе, наверное, покажется невозможным — пока еще невредима. Однако она проявляет глупость и упрямство, избегая вступать в обсуждение принципов АККА, — упрямство, которому вскорости придет закономерный конец. Я планировал пригласить тебя и твоих спутников на банкет. Но обеспокоенность моих августейших коллег снимает этот вопрос с повестки.

Последовала небольшая пауза, и Боб Стар заметил встревоженное постоянное движение туманного столба, вращающегося внутри твари, которая была правителем кометы.

— Это огромное удовольствие, — послышался бодрый сардонический голос Стивена

Орко, — присутствовать при кризисе вселенской истории. И, насколько я могу интерпретировать встревоженное поведение моего коллеги, это действительно кризис. Я думаю, ваше дерзкое и нескромное проникновение в камеру генератора должно послужить поводом для немедленного и полного искоренения человечества. Какая досадная случайность, не правда ли?

Снова колонна живого пламени разразилась беззаботным смехом.

— Не то чтобы я испытывал особое желание присутствовать при экзекуции...

Сияющая фигура правителя кометы вновь пошевелилась, словно была раздражена. Протянулась туманная рука, и Боб Стар ощутил покалывание на коже. Зеленый туман начал воздействовать на зрение. Это, подумал он, его последний миг.

— Подожди, Орко!

Смутно, сквозь неожиданный хруст в ушах, Боб Стар услышал сдерживаемый хриплый голос Джея Калама.

— Подожди, если хочешь узнать, почему ты можешь столь спокойно помогать искоренить человечество. Потому что я теперь могу тебе это рассказать, Стивен Орко. Я знаю, кто ты или что ты на самом деле.

Боб Стар понял, что получил отсрочку. Покалывающая немота оставила его члены. Он опять мог видеть и рев покинул его уши. Он услышал насмешливый вызов в голосе Стивена Орко:

— Итак, командор Калам?

Джей Калам сделал паузу, словно подбирал слова, и вдруг заговорил с неожиданно холодным спокойствием.

— Стивен Орко, — сказал он, — вначале мы пытались попасть на комету на маленьком геодезическом крейсере. На борт проникло светящееся чудовище; оно повредило генераторы и убило твоего старого помощника, некоего Марка Лардо.

— Я осведомлен об этом инциденте — ничего существенного, — раздраженно оборвал его Стивен Орко.

Прислушиваясь, Боб Стар стал смутно догадываться о цели командора. Он тянул время, не иначе. Хотя что при этом окончательном поражении могло значить время? Однако он тут же позабыл о своих догадках, поглощенный объяснением Джея Калама.

— Мы посадили изувеченный корабль на незакартированный трансплутонический астероид. На нем были следы обитания. Люди на нем были уничтожены кометчиками, они оставили нам удивительную загадку. Тысячи следов говорили нам, что владелец астероида был способным ученым и одаренным художником. Все в этом крошечном мире подтверждало его гениальность и его изумительное богатство. Нам было трудно представить, зачем такому человеку пришлось прятаться на этом удаленном камне за пределами Системы.

— Но почему я должен испытывать интерес к вашей проблеме? — снова раздраженно прервал его Орко.

— Потому что это объясняет твое отличие от иных людей, — сказал Джей Калам. — Твои необычайную одаренность, честолюбие и враждебность к человечеству.

— Продолжай, — сказал голос Орко, — однако будь краток.

И Бобу Стару показалось, что ближайшая к ним сияющая тварь сделала сдерживающий жест, чтобы остановить некое действие правителя кометы.

— Одной из замечательных черт этой тайны, — продолжал командор, — было присутствие биологической лаборатории, тщательно скрытой под поверхностью. Вторая черта — эмблема, которой этот странный изгой помечал принадлежащее ему, — крукс инзата и скрещенные кости, красные на черном фоне. Ты можешь припомнить, что тот же символ — эмблема жизни над эмблемой смерти — связан с загадкой твоего происхождения.

Сияющая тварь слегка приблизилась, постоянное кружение зелено-серебристого столба, казалось, замедлилось. Боб Стар почувствовал, как в ней нарастает заинтересованность.

— Когда астероид затянуло в комету...

— Благодарю, — хихикнула светящаяся тварь. — Ваше проникновение через внешний барьер сбило с толку моих новых помощников. Но продолжай.

— Астероид попал в эту силовую установку, — продолжал Джей Калам, — однако незадолго до этого я решил эту задачу. Изгнанник, — пояснил он, — вел дневник при помощи тайнописи, которую мне удалось прочесть. — Он сделал паузу, чтобы покачать головой, когда Боб Стар подавил вскрик недоверия. — Прочитанное, — сказал он, — я держал при себе до сего момента по причине некоторых неприятных аспектов.

— Выкладывай, — рявкнул голос со стороны светящегося столба. — Мой коллега не намерен больше сдерживаться.

— Этот фантастический беглец, — продолжал командор, не теряя спокойствия, — был человеком по имени Эльдо Арруни. Выходец с Земли, он получил там и на Марсе биологическое образование. Эльдо Арруни проявлял исключительные способности как в живописи, так и в научных дисциплинах. Он делал прекрасную карьеру, рано начатую, прежде чем попал в марсианскую тюрьму за проведение незаконных биологических экспериментов.

Джей Калам помолчал, набирая воздух в легкие, стараясь, подумал Боб Стар, выиграть время.

— Спустя год после помещения под стражу он был амнистирован — в награду за блестяще проведенную операцию, во время которой он спас жизнь жене начальника тюрьмы. Он исчез. И Легиону уже не удалось обнаружить его вновь, хотя он имел на руках достаточно следов его дьявольской деятельности.

Что же он сделал? Конечно, нашел себе убежище на этом неизвестном астероиде. В тюрьме, видимо, он наладил связи с могущественным сообществом космических пиратов и межпланетных контрабандистов, которые и стали использовать астероид в качестве базы. Вскоре он стал лидером сообщества, по всей видимости, и повернул его преступную деятельность на новую, ужасную дорогу.

На этом астероиде он стал источником самого скрытого экспорта, который когда-либо отравлял существование Системе, и один лишь Легион тщетно пытался с ним бороться. На прибыли, полученные от этого чудовищного экспорта, он превратил голый камень в тайный рай...

— Будь краток, — предупредил голос Стивена Орко, — или умрешь.

— Незаконные эксперименты Эльдо Арруни, — продолжал Джей Калам хмуро и неспешно, — сводились к синтезу жизни. Очень давно ужасные последствия этих попыток заставили Совет объявить их вне закона. На своем астероиде Эльдо Арруни довел эту проклятую работу до победоносного завершения. Бизнес, что принес ему такое грандиозное богатство, заключался в производстве и продаже андроидов.

На миг ближайшая к ним тварь, казалось, застыла. Красная и фиолетовая звезды прекратили свое регулярное биение. А дымчатое веретено между ними превратилось в столб бело-зеленого хрусталя. Затем она задрожала, и послушался один-единственный изумленный вскрик:

— Андроидов?

— Эльдо Арруни, — громко заговорил Джей Калам, — открыл секрет синтетической жизни. Он производил искусственные клетки, размножал их в питательной среде и научился контролировать их развитие посредством радиологических и биологических способов.

Он был художником в той же мере, что и ученым. Он обладал гением творения. Достижением его великого искусства была живая синтетическая плоть. Он добился чудес — дьявольских чудес...

Вытянутое лицо командора стало темным и жестким, словно он преодолевал боль воспоминаний.

— Печальным комментарием к человеческой цивилизации, — сказал он мрачно, — является то, что богатый человек готов был отдать половину своего состояния за сотню

фунтов синтетической протоплазмы. Однако многие шли на это, и этого было достаточно, чтобы Эльдо Арруни получил желанное состояние.

Его твердые челюсти вдруг добела сжались.

— Я не могу их винить, — прошептал он. Казалось, его темные глаза всматриваются в ужасное окно прошлого. — Дело в том, что была одна, арестованная за убийство владельца. Это был дух красоты, обретший реальность, это была подлинная мечта художника о прекрасном. На первый взгляд она была воплощением женской невинности. Если прислушаться к ее золотистому голосу...

Он сглотнул.

— Уничтожить ее должен был я. Но... — темные глаза его с благодарностью взглянули на Боба Стара — но благодаря твоей матери, Боб, я не навлек позора на Легион...

Он заставил себя собраться, и взгляд его вернулся к сияющим, постоянно движущимся фигурам.

— Преступная деятельность сообщества не ограничивалась одной лишь продажей андроидов. Потому что безукоризненно идеальное совершенство их тел часто скрывало в себе абсолютно невыразимое зло. Те, кто неудачно польщался на их невиданную красоту, часто обнаруживали, что ценой является все состояние, а то и сама жизнь.

Эльдо Арруни вписал черные строки в книги Легиона...

Но, — продолжал командор, — если Эльдо Арруни не удавалось обеспечивать свои творения моральными ограничителями, то в предоставлении им необычных способностей он не встречал затруднений. А может даже, это можно было назвать исключительным интеллектом.

Джей Калам замолчал на миг и продолжал почти буднично:

— Ты, возможно, уже догадался, о чем я тебе рассказываю, Стивен Орко. Ты не человек. Ты — синтетический монстр из лаборатории Эльдо Арруни.

Застывшая фиолетовая звезда присела, словно поклонилась. Туманный столб вновь заговорил сардоническим голосом Стивена Орко. И в нем звучало беззаботное веселье:

— Благодарю, командор.

— Твой случай, — продолжал Джей Калам, — полностью отражен в дневнике. Эльдо Арруни приложил к твоему созданию исключительные усилия. Его недюжинный художественный гений был наилучшим образом дополнен в то время практическими деловыми инстинктами. Он предполагал создать нечто совершенное, подлинного супермена.

Однако вскоре после того, как ты покинул его колбы и инкубаторы, он обнаружил в тебе фатальный изъян — холодного дьявола, спящего. Он увидел, что его усилия грозят закончиться близким концом человечества, причем самым неотвратимым.

В дневнике отражена занятная борьба. Одни записи восхваляют твоё физическое совершенство и замечательный интеллект: он вложил в тебя всю свою любовь. Ибо он действительно любил тебя, как любит художник свой шедевр. Как человек любит своего сына.

Следующая запись — мрачное изложение сомнений и предложений, полное свидетельств дьявольской холодности, которую он не смог изъять из тебя, несмотря на весь свой талант... Она заканчивается решением уничтожить тебя.

К несчастью, этот странный беглец не мог заставить себя решиться. Наконец, любовь и вполне оправданный страх привели его к печальному компромиссу. Он запечатал тебя в магниево-литиевый цилиндр, предприняв все необходимое для твоего жизнеобеспечения, и пустил дрейфовать в космос вдали от астероида.

Скрыв от тебя твоё происхождение, — сказал командор мрачно, — он надеялся избежать последствий своего провала. Но все равно ты уничтожил своего создателя, Стивен Орко, когда напустил кометчиков на Систему.

Возможно, что длительное беспомощное пребывание в цилиндре оказало дальнейшее воздействие на формирование твоего характера, который и до этого был не из хороших. Должно быть, отчасти твой неутолимый аппетит во всем, что касается власти и

превосходства, — это компенсация за то заключение.

Однако ты никогда не был человеком...

— Благодарю тебя, командор, — вмешался голос Орко, по-прежнему беззаботный и насмешливый. — Но я не могу вознаградить вас за то, что вы открыли мне тайну моего происхождения. И, в сущности, я не могу быть милосердным к скоту, которым питаюсь, зная, что никогда не был одним из них.

Яркий туман хихикнул.

— Если ты ожидал благодарности...

Голос вдруг замолчал, когда сияющий правитель кометчиков сделал властное движение, и быстро добавил:

— А теперь можете подготовиться к смерти...

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Прислушиваясь к тихому повествованию командора, глядя на светящуюся и прекрасную тварь, которой был теперь Стивен Орко, Боб Стар был раздираем вступившими в свирепый конфликт странными эмоциями.

Ибо его великий враг никогда не был более человеком, как это существо из застывшего огня. Этот факт отчасти объяснял страх и ненависть, которые душили и мучили его с той страшной ночи в Академии. Не человек вонзил тупое лезвие Железного Исповедника в его череп, а эта негуманоидная тварь.

Осознание этого заставило боль под старым шрамом ослабеть и утихнуть впервые за все годы. Он опять обрел смелость и почувствовал, что может найти в себе силы противостоять калечащим приказам, которые отдавал в мозгу измененный голос Орко. Кулаки его сжались, тоскуя по оружию.

Он сел на корточки возле пустого ящика. Жиль Хабибула по-прежнему склонялся над ним, содрогаясь от приступов горя, вцепившись в края, громко хныча и часто шмыгая.

— Можете подготовиться к смерти. — Торопливые последние слова Орко эхом отозвались в его мозгу. — Потому что мой августейший коллега, похоже, крайне недоволен вашим присутствием в камере генератора...

Боб Стар почувствовал на боку слабое, едва заметное давление дрожащей руки старика, а затем холодное прикосновение маленького предмета, который вложил в его руку Жиль Хабибула. В мозгу сверкнула вспышка озарения: он понял, зачем командор тянул время.

Повернувшись, чтобы прикрыть предмет телом, он украдкой бросил на него взгляд. Странное оружие, если это оружие. Полированный кубик из какого-то черного твердого материала со стороной не более двух дюймов. Его поверхность была слегка скользкой, мыльной как шлифованный драгоценный камень. Он чувствовал необычную тяжесть — хотя и кубик, и сам он были сейчас невесомы, он мог ощущать инерцию его массы. С одной стороны выступала какая-то красная шишкообразная выпуклость.

Вцепившись в кубик, Боб Стар пытался не выдать внезапного, перехватившего дыхание напряжения. Должно быть, это было оружие — и он знал, что должен воспользоваться им немедленно. Внимание Стивена Орко и властелина кометчиков все еще было обращено на командора. Это могло дать ему шанс для удара. Но он не мог убить...

Или мог? Один холодный миг, когда дрожащие пальцы сомкнулись на этом безобидном на вид приборе, ему казалось, что он снова оказался в темном подвале музея Академии, девять лет назад. Вновь на его голове было ржавое металлическое кольцо Железного Исповедника, и вновь впивалось в его череп трехгранное лезвие, и вновь вибрирующий голос Стивена Орко превращался в вибрирующие волны невыразимой боли.

— Что, не нравится, щенок? Не нравится ржавая корона твоих предков? Но это неважно, нравится или нет, тебе уже ничего с ней не сделать. Потому что это гениальное маленькое устройство предназначено для того, чтобы ломать людей. Ты можешь отрицать свои убеждения или закон, можешь даже забыть о чести офицера Легиона, однако ты

никогда не сможешь отказаться повиноваться Железному Исповеднику.

И ты не сможешь убить меня, Боб. Не сможешь убить...

Его пальцы уже разжались, чтобы выронить черный кубик, потому что он не мог им воспользоваться. Но тут, должно быть, это заметила Кай Нимида, потому что он услышал, как у нее перехватило дыхание. Ее светлый образ вспыхнул в мозгу, и мучительное воспоминание опять бросило его в темную комнату.

Он чувствовал липкую струйку собственной крови, текущую по лицу, и солоновато-сладкий привкус на губах. Снова он увидел дикую ярость на красивом лице Орко. Он услышал шаги ночного патрульного наверху и шепчущие голоса друзей Орко.

Это все было забыто, похоронено под страхом и болью. Шаги и эти протестующие голоса, испуганные и спорящие, слышны были теперь как наяву. Дедовщина была традицией Академии, однако на этот раз они зашли слишком далеко. Если Боб Стар умрет, правда наверняка выйдет наружу. Убийство! И всей хитрости Стивена Орко будет недостаточно для того, чтобы спасти их от судебного разбирательства.

Но Орко был слишком разъярен, чтобы слушать их.

— Скажи, щенок! — Этот страшный голос вновь наполнил мозг Боба Стара, превращаясь в красную муку посредством вибраций трехгранного лезвия. Опять он повторял всю ту неслыханную ложь клятвенного подтверждения, которой добивался от Боба Стара...

Однако он не сказал.

— Он тебя положил на обе лопатки, Орко. — Теперь он слышал другие голоса, с нотками усиливающегося ужаса, когда шаги патрульного замерли в коридоре. — Ты не сможешь его сломать даже с помощью Железного Исповедника. Ты что, не знал, что он сын Джона Стара?

Погребенная правда выходила наружу.

— Я сдаюсь. — Давно забытые слова выходили наружу и принадлежали Стивену Орко. — Он крепче, чем я ожидал. Давайте вытащим его отсюда и приготовим ему легенду. Помните, он сын Джона Стара. Он слишком горд, чтобы рассказывать небылицы. Правда, щенок? — Стивен Орко повернулся и снова заговорил в жестокое устройство, прежде чем снял его. — Ты не забудешь об этом, правда, щенок?

Он забыл, на девять лет.

И теперь все это горело в его мозгу, пока он держал в кулаке холодный маленький кубик. Он был сыном Джона Стара, и Стивен Орко был тем, кто ломал. Внезапно пальцы его стали совершенно твердыми. Он поднял кубик, повернул крошечный алый выступ.

Из противоположной стороны кубика вырвался бледный луч серебристого света. Он повернул маленький прибор, наводя луч на светящихся тварей.

— Боб! Ты не можешь!..

Но он мог. Изумленный встревоженный крик перешел в хриплый вопль. Он растаял на булькающей ноте невыразимой муки — такой же крик могла испустить умирающая жертва Железного Исповедника.

Потом, когда все было кончено, он осторожно положил в ящик ненужный теперь кубик.

— Где ты его взял? — спросил он Жилия Хабибулу. — Мы думали, что ящик пуст.

— Ах, так оно и было — Старый солдат высморкался. Толстые руки его все еще держались за край ящика, пухлые пальцы ласково ощупывали загадочные рисунки на его стенке. Болезненная полнота исчезла с его лица.

— Так, — прошептал Боб Стар, — как же?..

— Этот рисунок был ключом, — просопел Жиль Хабибула. — Я с самого начала заподозрил, что создатели этого сейфа не стали бы тратить свое умение на бесполезный орнамент. Эти фигуры привели мои пальцы к потайному замку.

— Так где же оно было? — спросил Боб Стар. — Под ложным дном?

— Не так просто. — Жиль Хабибула покачал головой. — Я умею видеть сквозь ложное

дно внутренним зрением. Оружие могло быть укрыто где-то вдали от нашей вселенной, связанное с полем, которое могло доставить его обратно, когда срабатывал замок. Или, может быть, оно находилось за пределами нашего пространства и времени — такое не выглядит для них невозможным.

Они были прерваны громоздким снарядом, который пронесся через квадратный колодец входа и тяжело врезался в холодно сияющий металл. Он судорожно вздохнул, выпрямился и оказался Халом Самду.

— Эй, Боб! — гроыхнул великан. — Я сказал твоей матери, что ты должен быть здесь.

— Моей матери? — прошептал Боб Стар. — Она цела?

— Ага, — сказал Хал Самду. — Мы перебили всех кометчиков, а их рабы стали теперь нашими друзьями. Пошли, Боб, к твоей матери.

Она вышла им навстречу легкой быстрой походкой. Боб Стар бросился вперед и обнял ее.

— Сынок! — Она поцеловала его, смеясь. — Ты отрастил ужасную бороду.

Боб Стар представил Кай Нимиди, обняв ее за талию.

— Мама, это чужеземка. Она одна. Весь ее народ убит кометчиками. Она плохо говорит по-английски, но скоро научится. Я хочу, чтобы ты приняла ее. Потому что это она показала нам, где найти оружие, которое уничтожило кометчиков. И еще... потому что я люблю ее.

Кай что-то тихонько прошептала, улыбаясь его матери. Мать взяла их за руки, соединила. Кай тихо рассмеялась, сжала его пальцы, и неожиданно ему захотелось оказаться с нею в мирной красоте садов Фобоса, которые уже не были для него тюрьмой.

— Я рада, Боб, — прошептала мать. — Рада... — Она замолчала, прислушиваясь к резкому голосу его отца.

— ...Тогда, Джей, как мы поступим с кометой?

— Я считаю, что существуют три возможности, — задумчиво ответил командор. — Хранитель Мира может уничтожить всю комету — иррациональная акция, которой я буду противостоять. Или она может быть управляема, как постоянная часть Системы. Или мы позволим освобожденным рабам, если они способны с ней управиться, уйти на ней. Я предпочитаю третий вариант, однако окончательное решение за Советом.

— В любом случае, комета представляет нам грандиозный запас знаний.

Словно с огромного расстояния послышался жалобный голос Жиля Хабибулы:

— Пошли, Хал, поглядим, не удастся ли нам найти какой-нибудь человеческой еды и выпивки...